

СОДЕРЖИТ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Антонов

Изначальные

«Автор»

2017

Антонов Д.

Изначальные / Д. Антонов — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-09962-3

В стародавние времена не далеко от древней Гипербореи, раскинулось огромное государство рода людского – Даария и нет ему ни конца ни края. Земля тогда была не узнаваемой, известные нам материки только-только начали своё формирование, а народы, которых мы знаем, ещё не родились. Правила Даарией династия справедливых и честных людей, беззаветно чтивших коны мироздания, твёрдою рукою хранили они счастье и порядок в государстве людском и казалось: так будет вечно. Но тучи начали сгущаться на родом человеческим, лишь храбрость и мужество спаси людей может от лиха и зла что сталь точит в чертогах подземного мира с глубины веков. Могучее зло проснулось от долгого сна, дни мира и покоя Даарии подходят к концу...

ISBN 978-5-532-09962-3

© Антонов Д., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Словянские земли южный тракт	6
Каменный рубеж	33
Твердислав	38
Бурун-хан	44
Градмир	49
Кингсбург – столица западного королевства	52
Сим	60
Оданион	63
Лада	70
Кристофер	74
Твердислав	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Дмитрий Антонов

Изначальные

Что в том правда, а что вымысел, про то нам не ведомо, но быль, сокрытая в свитках древних, из уст в уста передается, из поколения в поколение хранится, от деда к отцу и от отца к сыну рассказывается, дабы не пропали в глубине веков славные подвиги пращуров наших, вершивших дела великие, во благо народа Рассенского...

Словянские земли южный тракт

Тишина древнего леса оглушала, вековые дубы, возвышались с обеих сторон тракта, полностью закрывая небо могучими кронами, и казалось, будто дорога шла сквозь зелёный тоннель. Куда ни глянь, словно сказочный многоцветный ковёр, росли папоротники и древние Лучезарки – цветы, мерцающие радужными огнями в сумраке бескрайней дубравы. Пели птицы, любопытные обитатели северного леса нередко выскакивали из зарослей, наблюдая за пришлыми незнакомцами, которые потревожили их спокойные пенаты, а затем с недовольным видом, возвращались в чащу, заниматься привычными делами.

Дорога в этом чудесном месте, была единственным напоминанием о могучем государстве людей, кое раскинулось от древней Гипербореи до гигантского разлома, а северные леса считались малой частью огромной империи, возведённой людьми и великанами на заре времён.

По краям дорожного полотна с момента возведения, сияла голубая люминесцентная краска, обозначающая контур южного тракта и не дающая пьяным мужикам, даже в полной прострации, заблудиться в самую тёмную ночь. Это придавало дороге некую таинственность, ведь никому неизвестно, что ждёт путника за следующим поворотом.

Как странно, – поймала себя на мысли Аппелагея, рассматривая тракт. – Столько лет прошло, а великанье творение продолжает радовать глаз людей, оставаясь такой же ровной, как и много столетий назад.

Ноги затекли от долгой поездки, и когда её brave защитники решили встать на ночлег большим лагерем в чудной дубраве, княжна поправила длинный бардовый сарафан свободного покроя, накинула сверху голубую с золотом парчовую свиту, обула белые сандалии вышла из большой кареты и направилась прогуляться вдоль обоза. Витязи и ратники готовили ужин, некоторые собирали хворост для костра, дружелюбно поглядывая на обитателей леса, но были и те, кто откупоривал крынку с хмельным мёдом.

Видать, в ночной караул не заступать. Раз так, пусть отдохнут, – подумала княжна.

Служба у воинов словян не легка. Витязи постоянно перебрасываются из одной части страны, названною Даарией, в другую, будь то борьба с разбойниками или война с захватчиками. У ратников тоже не сахар, они ежегодно ратируются по приграничным гарнизонам, поэтому нахождение в центральных округах, каким является Ярилгород – столица всех земель словян, расценивается воинами как некий курорт.

Вот и пусть радуются миру, – Аппелагея улыбнулась этим мыслям, затем сойдя с дороги сорвала голубую Лучезарку. Тонкий лиловый стебель, острые угловатые зелёные листочки и пышный небесно-голубой бутон, придавали цветку некую утончённость, которая в купе с благоуханным ароматом, делала Лучезарку одним из любимых цветков девушек словян. Был ещё Огнецвет – алый, в половину человеческого роста, с переливающимися бордовыми и золотыми оттенками лепестками, чудно-пахнущий, но обожали, всё-таки, больше маленькие Лучезарки.

Вдохнув аромат древнего соцветия, княжна с восторгом для себя поняла, насколько дивно это создание великого творца, и какую чудную красу вложили старые боги это растение.

– Держи, – передала Аппелагея цветок повитухе, – этот согдится для обезболивающего снадобья.

С недавнего времени, супруг – великий князь Даарии Святослав Слович, обязал Аппелагею брать повитуху во все поездки, и это нормально в её-то положении, беременность хоть и протекала достаточно легко, но кто его знает, что случится завтра. Аппелагея медленно пошла дальше, бережно поглаживая чрезмерно большой живот. Малыш тут же почувствовал прикосновение матери и шевельнулся.

– Уже скоро, – сказала она, успокаивая его. – Скоро.

Если волшебники не ошиблись, когда впервые обследовали только что забеременевшую Аппелагею, то будет мальчик. Впрочем. Обследовали её не зря.

У мужа много врагов, есть даже внутри государства, но главными были Пхазары. Кто его знает, что у них на уме. Пхазары уже пробовали устранить Святослава, устраивали засады в приграничных округах, пытались отравить и наслать убийц, но маги Чудо-камня всегда спасали.

Чудо-камень – атеней¹ и хранитель мудрости.

Тут и школа чудодейства и академия магических искусств, и магистрат хранителей жизни и боевые маги и лекари и оборотни и чудотворцы, а уж светочам – магам универсальной специализации, нет числа. На кого только не обучали в Чудо-камне и только на Чудо-камень можно было положиться в трудный час, в миг, когда враг прибегает к колдовству.

Змееловы – охотятся на подземных змеев, слепых драконов, длинных как черви с гладкой толстой кожей чёрного цвета, четырьмя короткими лапами и зубастой, огнедышащей пастью. Мыслеведы – приглядывали за сиринами и алконостами, чтобы эти волшебные птицы зубы не заговаривали люду простому и в рабство не заманивали велеречивым сладкоречием. Буревестники – следили за погодой, ратиборы – служили в боевых частях несметной словянской рати, но самыми важными из всех боевых магов Чудо-камня считались – некроборцы, ведь они защищают мир людей от Сумрака – обиталища злых сил – некромантов, колдунов, ведьмаков и прочей пакости, каждый день и каждый час и только Чудо-камень стоит между живыми и ещё более грозной силой чем всё то, что прячется в Сумраке, страшными и беспощадными существами на заре времён прозванными – Гротами или Грот-магами – владыками подземного мира.

– У тебя сын, Аппелагея, – сказала незнакомая ей светоч, вновь всплыли слова давно минувших дней, – на этот раз двойни не будет.

Ранее Аппелагея радовала мужа только двойняшками, Градимиром и Ладой, Волибором и Владимиром, но этот пострел своей подвижностью в материнском чреве даст фору всем четверым!

Она остановилась.

Нет, лишь троим.

Грусть печаль сковала душу княжны, когда воспоминания об утерянном семени коснулись материнского сердца. Владимир, третий сын убитый двумя лиходеями сразу после рождения, чуть не стал той пропастью, которая, разрушив августейший брак, ввергла бы Аппелагею в пучину отчаянья и бездонной тоски. Однако муж, горевавший не меньше, проявил безмерно сильную волю и окружил Аппелагею всепоглощающей любовью и терпением, что княжна, со временем, всё же приняла это испытание от старых богов и стала жить дальше. Но сейчас и в эту самую минуту, горе вновь, словно это произошло лишь вчера, всколыхнуло материнское естество, а сопровождавший Аппелагею Сарион, напрягся.

– Аппелагея, с тобой всё в порядке? – спросил он, почувствовав перемену в её недавно миротворённом настроении.

– Да, Сарион, все хорошо. Это не плотская боль, душевная.

Озадаченный Сарион поклонился, поправил свой серый раскидистый плащ так, чтобы рукояти двух полоторных мечей, висящие в ножнах справа один над другим, оставались незамеченными и, отправив повитуху готовить отвар, остался с княжной наедине.

Сарион преданный друг Словичей и далеко не дурак, к тому же он велизарный – воин-маг крайне редкой классификации. Велизарные считались сильнейшими магами в мире живых, и Аппелагея знала, по крайней мере, о трёх велизарных помимо Сариона, кто был на службе у её

---

¹ Атеней – комплекс учебных школ, магических академий, как военных, так и гражданских. Исследовательские лаборатории по изучению магических существ и природы магии.

мужа, но, ни разу с ними не встречалась. Есть, конечно, ещё «Велизарная сотня» – сто воинов, истинно преданных только Святославу, но эти «велизарные» не были истинными велизарными, они лишь воины-маги или ратиборцы принявшие решение служить с мечом в руках вне Чудо-камня, а не выбрать специализацию волшебства как все остальные.

Некоторые добивались успеха и помимо княжьей сотни, служили в элитных подразделениях словянской рати, к примеру: в Соколах Береста² или в Молчаливых³ либо в Стражах покоя⁴ – эти отряды были на слуху. Другие воины-маги уходили со службы селились там, где душа пожелает и жили своим умом, но были и те, кому не посчастливилось в чем-либо ли их надломил судьба и они, со временем, озлоблялись, становясь колдунами. Подобное происходило крайне редко и было скорее исключением, чем правилом, Сарион же олицетворял собой истинный образец преданного делу Добра воина мага, он проявлял не только чуткость, достаточно редкое качество для воинов, но и сопереживание.

Аппелагея догадывалась: за маской преданности и юмора, кроется нечто большее – Сарион искренне любит Словичей как свою собственную семью, и это правда. Да. Впрочем, нужно отдать должное этому воюке, даже если отбросить его, мягко говоря, пёстрое прошлое в качестве кудесника по имени Аронис, то Сарион без посторонней помощи смог взрастить в себе велизарность и по праву заслужить пост главы элитного подразделения словян – главы Велизарной сотни. Недаром муж назначил его своим личным телохранителем вместо очередного магистра Чудо-камня. Супруг разглядел в Сарионе не только могучего волшебника, но верного друга и теперь Сариону вверялось самое ценное, что было у Святослава, Сариону доверялась семья.

Аппелагея пристально взглянула на велизарного, тот мялся – постоянно поправлял полы плаща, поглядывал на чёрные кожаные сапоги и сжимал рукоять верхнего меча. Тёмно-красный рубин на навершии отсвечивал бликами костров, навершие нижнего, велизарного меча – светилось голубым пламенем магии.

– Наверное, собираешься толковать со мной на неудобные темы? – вкрадчиво спросила Аппелагея. Сарион шумно выдохнул, пришлось ободряюще улыбнуться тем самым, подтолкнуть к разговору.

– Ты опять вспомнила Владимира?

Да, велизарный бьёт в самую суть, от него не скроешь смятение и муки, но с кем тогда разговаривать как не с другом? Муж далеко, и прибудет лишь к рассвету, а более она никому не собирается изливать душу, в данный момент во всяком случае.

– Как о таком горе можно забыть? – с болью в голосе ответила Аппелагея. – Потерять сына это тяжёлая ноша.

Велизарный предпочёл промолчать – не хочет развивать далее тему, в принципе характерно для Сариона, если взять к вниманию эти его последующие после прямого вопроса тактичные паузы, но Аппелагея помнила и ничего не забыла.

Старые поверья гласят: *второй сын второй двойни рождён с чёрным сердцем будет, зло и порок укореняться в нём, лишь свет Чудо-камня спасти отрока может от судьбы горькой и лиха.*

Княжна не питала доверия ко всем этим древним и чуждым ей сказкам северных словян, тем не менее муж верил, и этого, как оказалось, было достаточно – Святослав приказал отправить третьего сына к старцам на развитие, и ей пришлось подчиниться. Чародеи намеривались магией да добрым словом воспитать сына честным и порядочным мужем земли сло-

² Соколы Береста – дозорные воины-маги. Служат в крепостях на западной стороне великого разлома и наблюдают за сопредельными государствами в глубину, свыше, тысячи вёрст, дабы беспокойные соседи-басурмане, втихоря, не собрали войска и не двинулись на Даарию.

³ Молчаливые – военная разведка.

⁴ Стражи покоя – элитное охранное подразделение. Сотня.

вянской, согласно древним законам, но человек предполагает, а судьба располагает. В ту тёмную и дождливую ночь, когда Владимир был рождён, что-то пошло не так. Сын погиб, как и трое воинов его защищавших, а у Сариина остался ожог на правой руке – подарок от тёмного пламени, что вырвалось из открывшегося портала в никуда.

Вот не думали не гадали, а древняя магия все ещё ходит по земле, как ходят и те, кто ею владеет, иначе про межпространственные порталы просто бы забыли, и до дня рождения Владимира это было именно так. Но гром грянул многих застав врасплох.

Нет, – остановила себя Аппелагея, маги, как и военные всё делали правильно. Охрана просто не ожидала проникновения тёмного зла через неподвластные ныне живущим червоточины. И произошло это в самом сердце цитадели Словичей, в защищённый княжий терем. Во многом, внезапность предрешила удачный исход нападения, да ещё и сразу с двух сторон.

– Вы нашли того, кто открыл портал? – спросила она велизарного, тот отрицательно покачал головой. – А второго? Того, кто спрыгнул с балкона?

– Мы занимаемся этим, – ответил Сариион. – После того как ты родишь, княжна, я лично возглавлю расследование.

Аппелагея удовлетворилась тем, что к поискам убийцы сына подключится самый компетентный в этом деле маг, то есть велизарный, успокоилась и медленно двинулась дальше.

Волшебство, открывающее межпространственные двери, забыто людьми давным-давно. Раньше, в незапамятные времена, порталами пользовались для путешествий даже за Тридевять земель и в быту чтоб выйти из терема в баньку и не отморозить себе зад пробежкой по зимней улице, но теперь, древнее знание безвозвратно утрачено. Даже могучие чародеи великанов, живущие в далёкой Гиперборее, не владеют им.

Но кто-то владеет?

Это понимание многократно усиливало беспокойство в цитадели магии на Чудо-камне, и не только там, военный совет княжьей рати созывался пять раз, но решение не приходило, ибо противопоставить такому могучему волшебству как: открытие дверей куда вздумается – нечего.

Малыш снова дал о себе знать, Аппелагея прогнала тягостные воспоминания, решив сконцентрироваться на том, как назвать четвёртого сына.

Муж предлагал Велиславом, в честь своего прадедушки, основавшего Лукоморье, а матушка, бывшая царица Вязи, желала знать внука как Викторiana, но сама Аппелагея думала иначе: есть определённый порядок предложений имён, как от родни новорождённого, так и от высших сановников к ней приближённых. Так вот, каждый по очереди, и в соответствии рангу, предлагает имя юному княжичу или княжне. Если Градимира назвал муж, считая – «Строитель мира» как раз подходит наследнику государства, то Ладу окрестила матушка Коппея. Волибору дал имя брат мужа Святополк, а Владимиру верховный старец Светозар. Наконец, настала её очередь, и Аппелагея это сделает лично, так, как душа повелит. А вот если у них будут ещё дети, то после княжны право назвать следующего ребёнка принадлежит её сестре Ольге, потом главному воеводе Даниле Большерукому. Далее в шахматном порядке шли более дальние родственники со стороны мужа и из её рода, но так далеко Аппелагея не загадывала.

Сама княжна ещё никого не называла и не становилась со-матерью. У младшей сестры Ольги два сына от Святополка, Твердислав— старший, названный Святополком по праву отца и Ярополк, имя которому дал Святослав по праву преемственности и как глава Рода. Если появится третий, то право назвать принадлежит тоже Святославу как великому князю, но муж уже передал его матушке Аппелагеи – владычице великого города Вязь, царице Коппее. Далее порядок предложения имён был такой же, как и в её собственном случае.

Внезапно в памяти всплыл один разговор, состоявшийся семнадцать лет тому назад, шуточный, конечно, но отчего-то запавший в душу. Тогда матушка была крайне разгневана действиями светлейшего князя, её возлюбленного Святослава, относительно слишком скорой

культурной ассимиляцией Вязи Словичами. Поэтому, наплевав на чуждые ей словянские правила, да подчиняясь древним законам Фемискиры, матушка сказала им сестрой;

– Если старые Боги позволяют мне ещё раз выносить, то рожу я только в Фемискире, сокрытой от глаз Словичей. Я отправлюсь в тайный город и сделаю это невзирая на волю твоего мужа Аппелагея. Именно так гласят наши обычаи, именно так поступают вольные фурии, а я последняя кто не присягнул Словичам, поэтому позволяю вам, мои доченьки, назвать это дитя.

Имя мальчику предложила сама Аппелагея, а девочке младшая сестра. Ольга со всей серьёзностью подошла вопросу, и после долгого раздумья выдала – Кассиопея. Аппелагея напротив, считая разговор шуточным, выпалила первое, что в голову взбрело:

– Пусть будет Фома. – Ха! – Вот же придумала, не могла быть посерьёзней!

А если и вправду матушка решит связать жизнь с благородным мужем, и тогда будет их первенец Фомкой.

Княжна улыbnулась.

Медленно прогуливаясь, Аппелагея вышла из размышлений и огляделась. Обоз, расположившийся на половину версты в одну и другую стороны, готовился ко сну, звери лесные мирно бродили в чаще, опасаясь приближаться к людям. Лишь птицы, дружной гурьбой, охотились за крошками, оставленными на походных столах уставшими воинами.

Собрали обоз с единственной целью – сопроводить Аппелагею в Ромашковую слободу, где ждут лучшие лекари и повитухи словян. Муж обещался прибыть туда же через три дня, после того как закончил дела в союзной Вязи, и уж как неделю тому назад выехал, тепереча возлюбленный со всех ног спешил навстречу.

Вязь – родной город.

Аппелагея закрыла глаза и с поразительной точностью вспомнила высокие шпили имперского триединого дворца Фурий, пронзающие облака. Тяжёлые знамёна реют гонимые ветром. На крышах каждого из дворцов, органично дополнявших друг друга, и создававших впечатление единого целого, блистали голубые с золотом морские черепицы, – дивное диво для этих мест, расположенных в глубине материка или старинный подарок подводного царя первым трём сёстрам за... Аппелагея попыталась вспомнить, за что именно наградил Аслан основательниц Вязи, но так и не смогла. Бросив это дело, она вновь предалась приятным воспоминаниям.

Узкие, овальные окна, широкие балконы и парапеты. Длинные лесенки и каменные мостики, соединяющие башни на головокружительной высоте, а вокруг, внизу, дворцового комплекса, раскинулись дивные сады Амазонии с фонтанами и небольшими озёрами высокими пальмами и гигантскими баобабами, с каменными изваяниями прославленных воинов ив центре, мраморная композиция древних владык каждая высотой в десять сажень и выше.

Первая, старшая из трёх сестёр – Аглая, длинноволосая, русая, высокая фурия, восседала верхом на крылатом, белом как снег, коне по кличке Мираща, другие сёстры стояли в строгих позах справа и слева, и каждая из цариц была равная из равных и по-своему прекрасна. Обволакивающая стройное тело Аглаи тонкая шёлковая ткань, так живо переданная мастером в камне, будто колыбалась от только что налетевшего порыва ветра и небольшая прядь кудрявых волос, вот-вот готова была вырваться из боевой косы. Правой рукой Аглая сжимала поводья, левая отведена назад в замахе и сжимала оролак⁵. Создавалось впечатление, будто древняя прародительница готова разрубить тебя, разорвать на кусочки! – если ты предашь память предков.

Аппелагея поёжилась.

---

⁵ Оролак – длинный, полуторный, обоюдоострый меч с чуть скривлённым лезвием. Изготавливали такие мечи только из белостали.

Второй сестрой основательницей Вязи считалась Багряна, та кто стоял слева. Её защитная кираса прикрывала весь торс, скрывая отнюдь не атлетично-малую, а вполне себе приличную – не характерную для фурий, грудь и кожаная птеруга⁶ еле прикрывающая длинные стройные ноги. Короткие волосы виднелись из-под полностью закрытого шлема – апулока⁷, сдвинутого на затылок, в одной руке копьё во второй круглый щит с оттиском стремительно пикирующего сокола. Да и вообще, Багряна, смотрелась больше как мирянка, причём красавица мирянка, нежели как фурианская воительница. Но столь сильное различие между внешностью и характером никого не должно было ввести в заблуждение на её счёт, подвигам Багряны нет числа.

Третья сестра – Вера, вообще была без одежд и защиты, она стояла справа от Аглаи, сводила раскрытые руки ладонками друг к другу и меж ними сияла магия. Да, Вера была волшебницей и самой высокой из трёх сестёр. Длинные волосы ниспадали и будто лились по плечам и спине, она делала как бы короткий шаг навстречу и с прищуром глядела вперёд. Вот так они и стояли, грозно взирая на проходящих мимо амазонок, фурий и других потомков своего Рода, да с укоризной как бы говоря: ты будешь достойна наших свершений?! Будешь?!!!!

Аппелагея вздохнула, сердце забило чуть быстрее от воспоминаний о легендарных предках, и она силой заставила себя успокоиться, переключив внимание на иные образы Вязи.

Там-где кончался сад, начинались высокие оборонительные стены внутреннего круга – так назывался защитный периметр вокруг дворца, а за ним раскинулся древний город.

Старше чем сама жизнь, древний город являл в себе образцы тысячелетнего зодчества. Дома, сложенные из тысячепудовых гранитных плит, с узкими окнами закрытыми ожелезнёнными ставнями, что раньше были бойницами и мощёные камнем улочки и проулки. От дома к дому перекинута укрытые в гранит мостки и переходы как сверху, так и подземные. В нишах стен, в узких проулках, куда даже в ясный день не проникали лучи солнца, скованные каменными руслами, лились родники, сотни, тысячи, и небольшие фонтаны, где каждая фурия могла омыть своё разгорячённое службой тело. Жили в древнем городе только фурии, более никому не позволялось иметь там свой угол, простой амазонке лишь мужеством и отвагой можно было заслужить это право.

Три широкие улицы, берущие начало во внутреннем круге у триединого дворца Фурий, расходились в разные стороны, равноудалёнными друг от друга и когда пересекались с поперечными проулками древнего города, через каждый десятый, раздваивались, давая видимую картинку сверху, будто лучи солнца исходят от центра триединого дворца.

Потом шёл старый город с хоромами и теремами знати, и чертогами для иноземных посланников. Вперемежку с величественными палатами богачей раскинулись жилища простых амазонок и старых воительниц, кто не захотел жить в древнем городе или не заслужила такой чести. Конечно, никто не отделял их жилища каменными или деревянными заборами, на манер терема или чертога иноземца, но каждая амазонка владела малыми собственными хоромами с небольшим двориком и конюшенкой для боевого коня.

За старым городом раскинулась вся огромная современная Вязь с сотнями кузниц и рынков, домами мирян и теремами средней знати, трактирами для приезжих и тренировочными полями для вязийцев, словно муравейник она кишмя кишела повседневностью, жизнь бурлила здесь и была ключом. Кто-то каждый день рождался, кто-то умирал, кому-то сопутствовала удача, а кто-то брал своё сам ни смотря ни на что и в стороне от всей этой житейской суеты, из года в год, на протяжении десяти тысяч лет, у широких внешних стен, сложенных из жёлтого

---

⁶ Птеруга – юбка, составленная из кожаных ремней. В каждом ремне лёгкий метательный дротик. Изготавливали птеруги из кожи болотной бескрылой виверны. Отчего дротики всегда были смазаны ядом, который имелся на не обработанной, внутренней стороне ремня.

⁷ Апулок – полностью закрытый шлем, без наносника, с «Т» образными прорезями для глаз и рта, украшен характерным гребнем из конских волос.

южного кирпича, стоял себе мирно и чинно древнейший в истории человечества храм – Голубой Молнии, округлым хрустальным куполом сияя в лучах солнца.

Стройные колонны храма, из неизвестного материала, отдалённо и только по цвету напоминавшего Змеевик, расположились по кругу, поддерживая купол, в центре, застывшая белым мрамором раскинулась множественными причудливо изгибающимися «ветвями» застывшая в песке молния. Словно само Древо Жизни, подаренное старыми богами и траченное давным-давно в огне пожарищ подземного вторжения, оно возвышалось на добрых двадцать с третью сажень, олицетворяя собой мощь и величие старых богов. Каждый, кто впервые видел подобное создание Матери Природы, падал на колени от изумления и лишь её муж Святослав и старший сын Градимир, когда впервые увидели Древо Жизни, остались стоять и не поддались искушению преклонить колено перед древним Величием, правда, рты раззявили как провинциалы-деревенщины.

Аппелагея улыбнулась.

Тридцать четыре года прошло с того момента, как она отказавшись от титула царицы и стала женой, князя словянских земель. Святослав тогда был крайне резок и юн, если вспомнить, поэтому, наверное, первую их встречу, вряд ли можно назвать любовью с первого взгляда, но что случилось, то случилось и как ей думалось, произошло всё так, а не иначе именно по воле старых богов.

Будучи Фурией – представителем клана элитных воительниц Вязи, да ещё и в самом расцвете сил, Аппелагея любила охотиться в рубежных с Ярилгородским княжеством землях. Места там чудные: высокие вековые дубравы, речки быстрые с холмов бегущие прямо в чаще старого леса. Рыбы вдоволь, ягоды, а дичи столько, что хоть руками лови, в степях Вязи такого изобилия не сыщешь.

Иногда она встречалась с разъездами словян, и не всегда эти встречи проходили мирно. Северные словяне, видите ли, не любят незваных гостей у своих рубежей, поэтому каждый раз нарывались на драку, наверное, таким образом, хотели отвадить её да и других от своих лесов, но Аппелагеи было всё ни по чём, окончание подобных встреч всенепременно заканчивалось в её пользу. Хоть северные словяне – славные воины, лишь единицы могут противостоять обученной фурии, а одолеть, способен лишь один на миллион. И это правило работает с рядовой воительницей, но как мы помним, Аппелагея была сильнейшей фурией за все времена! Поэтому защитники рубежей Словичей получали по мордасам всякий раз как встречались с властительницей Вязи.

И однажды, на очередном охотничьем выходе к рубежам Даарии, ничего не подозревая о воле старых богов, Аппелагея столкнулась с незнакомым охотником один на один в глухом лесу. По обыкновению, Аппелагея решила нарваться на хороший бой, тем паче повод имелся – её стрела, как и стрела незнакомца, попали точно в одну и ту же цель, разумеется, спор за добычу привёл к конфликту.

В то время Святослав только-только принял бразды правления от скоропостижно скончавшегося отца и, будучи убит горем, желал выпустить пар. Встреченная на охоте фемискирская фурия, как раз подходила для добротной схватки.

Когда поединок закончился, и обезоруживший непобедимую царицу Вязи неизвестный молодой воин грозно возвышался над ней, держа оружие наготове, подскочила охрана – десять тяжелооруженных амазонок. Они окружили лежащую на спине Аппелагею, наставили копья на словянина и, ничего не понимающие, приготовились растерзать его, как вдруг, откуда ни возьмись, появился Сариион. Тогда, сорок лет назад, он был ещё юным кудесником Аронисом но драться умел также хорошо как и сейчас.

Аппелагея улыбнулась.

– Я помню тот момент, – заговорил, идущий рядом, Сариион. – Амазонки всполошились не на шутку.

– Опять читаешь мои мысли?

Велизарный пожал плечами и вежливо ответил.

– Твои эмоциональные образы очень сильны, от беременности полагаю. С каждым днём мне всё сложнее укрывать их от стороннего взора.

Аппелагея с благодарностью и укором толкнула велизарного в плечо, как она помнила, Сарион единственный кто был в тот день с мужем, и один был готов насмерть защищать своего друга. Лицо Сариона чуть тронул румянец смущения.

– Я обязан это делать, ты же знаешь.

– Да, знаю, – шутливо отмахнулась Аппелагея. – Сейчас меня интересует другое: почему ты, тогда при нашей первой встрече много лет назад, не сказал: кем являлся мой наречённый? Хотя, был обязан представить друг другу правителей сопредельных государств, или ты не узнал меня?

– Узнал, конечно же. Краеведанье – основная дисциплина в первом классе Чудо-каменной школы магии и нам было приказано в лицо запомнить всех западных правителей, включая их наследников, дальних родственников, высокопоставленных чиновников и военно-командующих, а также их матерей отцов, любовниц и любовников, ростовщиков, ежели такие имели какие-либо дела с вышеназванными особами и лже-прорицателей. Но в момент, когда Святослав одолел тебя, и амазонки хотели напасть на нас, как-то было не до соблюдения светского этикета, – попытался отшутиться Сарион, – помнишь? Признаться, я думал, как сохранить светлейшего живым и здоровым, а не как представляться по всем правилам. Нам бы сбежать тогда...

– Прекрати, – весело засмеялась Аппелагея. – Убегать! Неподобающий поступок для велизарного!

– Если серьёзно, то я хотел узнать: готова ли царица Вязи чтить свои традиции и выйти замуж за победившего её простого воина.

– Ты хитрый лис Сарион. Очень умело поставил на кон соблюдение традиций с одной стороны, и честь воина с другой?

– Не понимаю, о чем ты? – увернулся велизарный.

– Ой, ну как же! – во всеулышание засмеялась Аппелагея. – Святослав был вынужден либо жениться на поверженной собственной рукой фурии, либо убить. Таков закон! – Сарион помалкивал. – Правильно молчишь и не говоришь о праве ночи. Муж никогда бы им не воспользовался!

Будучи царицей, Аппелагея всегда и везде рьяно поддерживала этот стародавний обычай, и чтила его лично, но представить себе не могла, что однажды сама окажется на месте поверженной. А закон, собственно говоря, устанавливал право победителя взыскать с побеждённой фурии сладострастную ночь, либо её жизнь. Глупые выбирали смерть, умные поднимались и тренировались ещё усерднее, чтоб более ни один муж не мог их одолеть. Иногда, проведённая ночь с мужчиной заканчивалась беременностью, и тогда, воительница снимала свой чёрный акинак, становясь простой амазонкой, или того хуже, мужней девой, но чаще всего фурию более никто не побеждал. То был хороший урок в прилежности к военному делу.

– А если бы на его месте был другой? И он решил выбрать сладострастную ночь? – с опаской произнёс Сарион и, прочтя мысли Аппелагеи, сам же ответил. – Неужели ты бы покончила с собой?

– Я не была глупой, да и трусливой меня никто не называл, но я, на тот момент, являлась царицей великой империи. Непорочной, не побеждённой, —Аппелагея вновь погладила живот – малыш сильно беспокоился, с чего бы?– В тот миг, когда мои амазонки окружили вас и «обнажили мечи», я поняла: выхода у меня нет. Кинжал в налокотнике при мне и всегда остёр, я собиралась перерезать себе глотку, однако, Святослав поступил иначе.

– Да, помню, – прервал Аппелагею велизарный, – светлейший преклонил перед побеждённой колено, и назвал своей. Похоже, он ошеломил тебя?

– Ещё бы! – воскликнула Аппелагея. – В один миг мне дали, так сказать, сохранить лицо, но взамен, потребовали всю без остатка! Коны богов сильнее законов людей, даже самых старых и мудрых. В тот миг я уже не имела права распоряжаться своей жизнью, потому как не могла отвергнуть благородство, которое проявил Святослав к, как он думал, рядовой фурии, желая взять её в жёны, и я решила тогда: возможно удивление, когда мой будущий муж узнает кто я на самом деле, стоит того чтоб остаться в живых?

– Небольшая «мечь» за проигрыш?

– О, да!

– Да ты коварна, княжна!

Они весело засмеялись, а потом, какое-то время, продолжили идти молча, пока Аппелагея не заговорила вновь:

– Я никогда не спрашивала об этом, – осторожно начала она, – ты, случаем не читал мыслей Святослава в тот момент?

Сарион утвердительно кивнул.

– Не читать его – было бы так же сложно, как и не видеть твои сейчас. Представьте себе, если перед человеком с добрым слухом проснётся вулкан, думаешь, он не услышит грохот? Нечто подобное было тогда в голове светлейшего.

– Забавное сравнение, однако... – Аппелагея немного замешкалась, она всеми силами старалась остановить своё любопытство, но всё, же девичья природа взяла верх, к тому же она беременна, а это прощительно при чрезмерном интересе. – Однако мне важно знать о его чувствах в тот момент, расскажи, пожалуйста.

– Странно, что светлейший сам не рассказал! – удивился Сарион.

– Мой муж – благородный человек, и по прошествии лет я не сомневаюсь в его любви, но всё же, мне интересно: что значило для словянского князя, победителя Ариев и грозе Пхазар, преклонить колено перед Фемискирской царицей?

– Вообще-то, светлейший не знал, что одолел Аппелагею-Дивно-Поле, владычицу Вязи, и царицу древней Фемискиры, ели ты не помнишь, – ответил Сарион. – А вот чувствовал он, скорее облегчение. Да и радость, я думаю. Вообще, ему претила та мысль, что в память об отце, придётся жениться по ранее достигнутому договору. Как ты помнишь, его заключили твоя матушка – царица Копея и князь Владимир – отец светлейшего, и по договору первенец Словича должен был жениться на первенке Вязича, то есть на тебе – владычице Вязи.

Княжна сильно удивилась.

– Я не об этом! Я о том моменте, когда нас действительно представили друг другу.

– Это когда одна из амазонок подала тебе руку, с полупоклоном произнеся: – моя царица, или чуть позже, когда я представил вас друг другу? – уточнил Сарион.

– В первом случае.

– Ну, если подробно, то: Святослав тогда был не согласен с мнением почившего отца и имел собственное видение внешней политики. Он считал: объединение Ярилгорода и Вязи, должно произойти посредством союза младшего брата Святополка и вашей сестры Ольги-Тишь-Травы. Причём, не одновременно, как это свершилось при вашем августейшем браке, а постепенно, с взаимной пошаговой культурной ассимиляцией, тогда бы не произошли хорошо вам известные трения между светлейшим и вашей матушкой, собственно говоря, которые он только что окончательно уладил. Тем не менее, вышло, как вышло. Князь никогда не искал брака с тобой – вязийской царицей, но принял дар богов, в виде поверженной безымянной воительницы, тем более побеждённая, ничем не отличалась от других, окруживших нас амазонок. Лишь чёрный акинак с гербом Вязича на навершии выдавал тебя. – Сарион усмехнулся.

– Впрочем, Святослав этого не заметил и когда услышал кто ты, успокоился и обрадовался в душе. Думаю, он принял волю старых богов. А что чувствовала ты?

– Шок, я уже говорила об этом, – Аппелагея поправила упавшую на лоб прядь волос. – Быть поверженной незнакомцем, родным или безродным словянином или не словянином, да ещё и стать ему женой! Да, я была в шоке, – она вновь погладила не на шутку обеспокоенного малыша. – Всё же остаться живой лучше, да и стать супругой достойного тебя – благородного мужа это несколько сгладило мою гордыню, до момента, пока ты не представил нас, когда же это произошло, я... А-А-А! – внезапная всепоглощающая боль пронзила тело, заставив застыть на месте. Малыш брыкнулся так, что Аппелагея согнулась пополам, и чуть было не упала навзничь, в судороге пытаясь выпрямиться, в это мгновение Сарион подхватил её и медленно опустил на землю.

– Отвар! – крикнул он, стоящим неподалёку витязям. – Сюда! Немедля!

Беседуя, Аппелагея и Сарион отделились от головы обоза на добрых десять сотен шагов, дойдя до первого кольца охранения, посему, повитухе требовалось не менее пяти минут, чтобы прибежать сюда. Однако, услышав зов, один из караульных вскочил на коня и помчался в середину обоза к шатру за отваром.

– А-а-а! – ещё один приступ сковал Аппелагею, не в силах более сидеть, она легла на холодный камень северного тракта и проговорила в муках: – Ребёнок! Время пришло.

Вдалеке начавшаяся суета говорила о скорой доставке обезболивающего отвара, воины, те, кто были рядом, волокли караульную палатку с коврами чтобы укрыть роды, а Сарион, бережно уложил княжну себе на колени и ласково говорил, пытаясь отвлечь.

– Крепись, отвар скоро доставят. Ты же фурия, не забыла ещё?!

Боль накатывала волна за волной, усиливаясь каждый раз многократно, сейчас она стала просто невыносимой. Не в силах сказать ни слова, Аппелагея мысленно взмолилась:

– Сарион, помоги... магия...ними боль...

– Я не стану, – ответил он. – Ты сама запретила! Вспомни, это может повредить ребёнку!

Аппелагея кивнула, потом, преодолевая боль, схватила его за рукав, и чуть ли не теряя сознание, заговорила:

– Поклянись... поклянись мне! Дай слово! Чтобы не случилось, ребёнок должен выжить!

Сарион медлил, отвар вот-вот доставят.

– ...клянись! Вдовый сын!

– Клянусь, – словно вдалеке услышал свой голос Сарион. – Я всегда буду рядом с твоим мальчиком, Аппелагея... клянусь...

Девять месяцев назад, верховный старец Чудо-камня предсказал Аппелагее, что во чреве её растёт воин небывалой силы, и роды станут очень тяжёлыми. Единственно кто мог хоть как-то облегчить их, были Ромашки, древний орден, занимающийся врачеванием и спасением людей, поэтому она спешила к Ромашкам как могла, но все-таки не успела.

Сарион приподнял Аппелагею, подбежавшие витязи расстелили ковёр, потом он бережно положил её на мягкий ворс и, превратив свой огнестойкий плащ в подушку, подложил Аппелагее под голову.

– Вот так, – ласково сказал Сарион. – Терпи, помощь близко.

Приступы боли продолжали накатывать один за другим, Аппелагея покрылась холодным потом, кожа её побледнела, судороги сводили ноги каждый миг, зубы её скрипели. Глаза налились кровью.

Сарион бережно взял Аппелагею за руку и заглянул в глаза, невесть какая попытка успокоить и поддержать, но, как говорить: на безрыбье: – куда она смотрит?

Он обернулся.

Пространство, разделявшее их и обоз, потемнело, воздух наполнился смрадом, сидевшие на близстоящих деревьях птицы падали наземь мёртвыми остальные разлетелись кто куда, гадкие черви полезли из земли, за ними жуки, потом змеи и все спешили прочь – дальше в чащу, укрыться от сошедшего мрака. Пятеро витязей выхватили мечи, встав между княжной и тьмой.

Наступила полная тишина, даже листва на деревьях не колышется.

Портал открылся в десяти метрах от Аппелагеи, преграждая путь всаднику несущему отвар. Тот не успел свернуть и коснулся края портала, где завихрялся чёрный огонь, вмиг превратившись в прах.

– К бою! – вскричал Сарион, усиливая голос магическим рокотом слышным за десятки, а то и сотни вёрст.

Округа пришла в движение.

Воины хватили пики, витязи мечи, обозные мужики взяли за топоры, и все кинулись на выручку к княжне.

Трое княжьих велизарных, хотели стрелой метнуться на защиту Аппелагеи, но портал полностью заблокировал светлую магию позади себя, поэтому им, как и всем остальным воинам, пришлось со всех ног мчаться в голову обоза.

Сарион, наученный горьким опытом первого столкновения с магией порталов, выставил магический щит, ожидая выхода тёмного пламени из червоточины, но неудержимая мука княжны отвлекла его, пришлось прочитать заклинание «Титановой воли», чтоб хоть как-то помочь Аппелагее противостоять боли и тут ещё одна беда— воды отошли, с кровью.

Как только голубой свет магии вырвался из кончиков пальцев велизарного и коснулся лба Аппелагеи, дыхание её стало медленнее, дрожь и судороги стихли, но она не успокоилась, вместо этого вцепилась Сариону в рукав серой рубахи и с ужасом смотрела на тёмный портал.

Мгновения ожидания растянулось, казалось, прошла целая минута, а не три удара сердца.

Меж тем, пять храбрых воинов сомкнули щиты, закрыв Аппелагею от неизбежности. Вдруг ослепительная вспышка озарила округу, воины пали наземь, закрывая глаза руками, а из портала, вместо тёмного пламени, показалась башка подземного змея.

Пока, под действием лечебной магии велизарного, к витязям возвращалось зрение, тварь с опаской принялась, не желая вылезать из двери полностью. Затем, учуя Аппелагею, змей просунул голову сквозь щит, предназначенный для сдерживания лишь пламени, разинул пасть и выпустила струю жидкого огня внутрь.

Сарион, не закончив лечебное заклинание, выставил второй купол, более мощный, но было уже поздно. Витязи сгорели, погибли они не зря – телами своими они закрыли княжну от первого удара змея.

Дунул ветерок, пять статуй из праха осели на камень дороги, а подземная тварь, тем временем, полностью вылезла из портала и направилась на Сариона, сминая защиту. Матово чёрный, кожа гладкая и переливается оттенками тьмы, тело гибкое овальное, длинное, лапы короткие от чего пузо волочится по земле, на лапах острые когти, способные разрывать самый крепкий доспех и шип с ядом на кончике хвоста. В охвате этот змей был невелик, всего три косые сажени, и в длину десятков, зато достаточно созревший до огненного дыхания. Сзади, магическая дверь разрослась ещё больше, полностью отрезав велизарного и княжну от приближающейся подмоги.

Магический щит, который сотворил Сарион, под тяжестью и напором огромного змея проседал и сжимался.

Задавит массой, потом сожрёт! – догадался Сарион.

Выхода не было.

Внезапно, Аппелагея сильно дёрнула за руку.

– Сними боль! – процедила она сквозь зубы, —...повелеваю!

Сарион в смятении, с одной стороны княжна сможет двигаться и даст возможность схватиться со змеем один на один, с другой, никто не знает, как повлияет магия на ребёнка. Альтернатива же была удручающей, точнее, её не было вовсе и, проведя рукой по животу Аппелагеи, велизарный сотворил самое быстрое, что можно было сделать – он полностью убил в княжне боль.

Жаркое дыхание змея уже спалило палатку и подбиралось всё ближе, как вдруг, в виртуозном прыжке, Аппелагея вновь оказалась на ногах, она схватила один из мечей павших витязей и скользнула под шею слепого чудища, пока тот вдыхал воздух верхнего мира, чтоб выпустить в велизарного подземное пламя.

Сарион убрал купол и запел. Древнее как сама жизнь слово разнеслось по округе. С каждой нотой магического резонанса, портал ослабевал и отступал, а змей, услышав велизарную песнь, всецело увлёкся Сарионом.

Отвлечь тварь от фурии, пока та искала слабые места в защите, было единственным выходом, к тому же следовало обязательно контролировать и сам портал, чтоб ненароком не пропустить из него ещё какое-то исчадие. Для этого требовались огромные магические усилия, практически всё, чем располагал Сарион.

Время замедлилось, Аппелагея судорожно осматривала змея снизу: кожа чёрная, толстая, меч не пробьёт, в сочленениях лап с туловищем складки, но туда не дотянётся. Но где-то же должно быть у него слабое место?!

Острые зубы змея клацали возле лица Сариона не в силах подобраться ближе, велизарный сковал его лапы корнями деревьев и не подпускал к себе, но змей наседали. Он извивался, выгибался дугой, рвался вперёд, желая сожрать неуступчивую добычу, поливал пламенем – всё тщетно. С начала челюсти змея нависали сверху, потом перед Сарионом, ибо он с помощью чудодейственной силы начал отодвигать змея от себя. Когда они оказались лицом к морде, змей попытался сразить Сариона хвостом, где был острый ядовитый шип, но промахнулся, воткнул в дерево и застрял в изогнутом положении, вытянув шею максимально вперёд и опустил башку на расстояние вытянутой руки от земли.

Аппелагея ждала именно этот шанс.

Самое слабое место у змея для меча, не смазанного заклинаниями, было там, где нижняя челюсть переходила в шею или в сочленении ног с туловищем, но в подбрюшье не было жизненно важных органов, а в подшейке центральная артерия и полное отсутствие кольчужьей чешуи, лишь толстая кожа.

Не мешкая ни секунды, Аппелагея нанесла удар.

Меч, разрезав кожу, застрял в шейном позвонке, перерубив кровоток.

Отрубить башку сил не хватило.

Чёрная кровь, обжигающим потоком, хлынула из раны, омывая княжну с ног до головы, но та даже не вскрикнула – Сарион убил в ней боль, и Аппелагея пыталась вытащить застрявшее оружие.

Змей взбрыкнул, высвободил застрявший в дереве хвост, вырвав с мясом собственный шип.

Смазанная чёрной кровью рукоять меча, предательски выскользнула из рук.

Аппелагея остановилась, нет сил.

Похоже, с последним ударом вышла вся её мощь, и не знала она что это кровь змея, омывшая её с головы до ног, просто забирала жизнь.

Змей бушевал над ней, извивался и агонизировал, когтями он рвал корни, пытаясь высвободить лапы, хвостом ломал ветви деревьев и свистел как плеть, не в силах изрыгнуть пламя.

Не замечая этого, Аппелагея осмотрела себя.

По телу пошли жуткие волдыри там, где огненная кровь коснулась кирасы, на открытых местах рук и плечах кожа оголила плоть, превратившись в пепел.

Как я ещё жива? – подумала она. – Я перестала что-либо чувствовать?!

Сгоревшими руками Аппелагея прикоснулась к животу и вытерла обжигающую драконью кровь.

Малыш притих.

– Не-е-ет! – в ужасе закричала княжна. – Нет! Только не это! Боги!... возьмите мою жизнь, но сохраните дитя! Молю-ю-ю ва-а-а-ас!

Дунул лёгкий ветерок, остатки кожи пеплом слетели с княжны, оголяя мышцы и сухожилия: мне конец... – поняла она...

В животе сынишка шевельнулся, Боги сказали своё слово.

Пока Сарион пел, исчадие издало истошный вой, продолжая мотать башкой извлекая из себя застрявший меч, в это время княжна, вместо того-чтоб бежать в сторону, неподвижно стояла под ним омываемая чёрной кровью и держалась за живот. Когда змей, наконец-то избавился от меча и вырвал хвост, при этом оторвав шип, он разорвал корни и освободил лапы. Потом он нащупал и передней лапой Аппелагею, дико схватил её и, ударив о землю, сильно прижал.

Аппелагея, пытаясь защитить живот, свернулась калачиком и сопротивлялась изо всех сил.

Видя, как силы княжны тают, Сарион умолк и стрелой кинулся на выручку. Он подскочил к змею отрубил ему правую лапу высвободив княжну и магической силой аккуратно окутал её защитным куполом, затем хлётким движением мечей друг ко другу обезглавил змея окончательно и как только чёрная, зубастая башка с грохотом шлёпнулась на камень дороги, магической силой отбросил в сторону леса бьющаяся в агонии плоть. Длинное, змееобразное тело змея колыхалась в зарослях Вещего леса, извивалось и агонизировало, ломая ветви и молодую поросль.

Как только стало понятно: силы света вновь одержали верх – портал тут же закрылся, прерывая возможную погоню и возмездие.

Одни воины окружили велизарного с княжной на руках, другие добивали издыхающую подземную тварь.

Сарион склонился над Аппелагеей.

Ужас охватил его сердце.

Княжна сгорела.

Часть черепа обуглилась и оголилась там, где когда-то была её длинная княжеская коса, одна глазница опустела. Око просто выгорело, правое предплечье совсем чёрное, словно сгоревшие угли, мясо растрескалось до кости, но её живот! Он все ещё шевелился!

Велизарный нежно убрал обгорелую руку и стал аккуратно раздвигать разорванные лоскуты живота. Там, внутри, в нитях, некогда связывающих его с матерью, лежал алый светловолосый младенец, крупный и здоровый, несмотря на все опасности, которые ему только что грозили.

Сарион вытащил мальчика на свет.

Малыш молчал.

Руки велизарного обжигала тёмная субстанция – огненная кровь, которой малыш был омыт с ног до головы, однако, его алая кожа впитывала змеиную кровь словно губка.

Этого не может быть! – мысленно воскликнул велизарный. – Человек не может впитать чёрную кровь, лишь колдунам да Грот-магам это подвластно!

Сообразив, что происходит перерождение во зло, Сарион омыл младенца от подземной крови велизарностью, прочтя лечебное заклинание. Голубой свет магии тут же окутал алую кожу малыша, голубые щупальца лечебной дымки сбрасывали гадкими ошмётками чёрную кровь, заживляя немногие маленькие ссадины, полученные младенцем во время битвы его матери. Кожа после этого побледнела до розовой, ранки затянулись, а волосы вернули смоль родителей, Аппелагеи и Святослава.

– Ты будешь жить! – сказал Сарион ребёнку, и тут его взгляд упал на Аппелагею. – Боги! – воскликнул он в изумлении. – Ты жива!

Княжна не ответила, её изуродованное тело неподвижно лежало на коленях Сариона, грудная клетка медленно вздымалась и опускалась.

– Я спасу тебя, держись! – велизарный вдохнул в Аппелагею все оставшиеся магические силы, он жертвовал собой ради Аппелагеи, но чары вернулись.

Истерзанное тело более не подвластно магии жизни, даже такой всемогущей как – велизарность.

Боги сказали своё слово.

Раздираемый душевными муками, и осознавая собственное бессилие, Сарион заплакал. Слеза капнула на глазницу княжны и её зрачок сузился, – старые Боги смилостивились над Великой воительницей, давая ей ясность ума на излёте жизни.

Аппелагея-Дивно-Поле, не обращая внимание на плачущего Сариона, нежно смотрела единственной глазницей на собственное дитя и улыбалась от счастья сгоревшими губами.

По чёрной, обугленной щеке побежала слеза, теперь её собственная, тут же испарившись от жара сгоревшей плоти.

Сарион повернул мальчика лицом к княжне и тихо сказал:

– Ты будешь помнить! Ты будешь помнить её! Смотри Слович, вот твоя мама!

Велизарный послал в сознание новорождённого образ Аппелагеи такой, какой она была ещё несколько минут назад, чтобы будущий княжич не видел ужаса и запомнил маму с улыбкой на лице.

– Олег, – нежно сказала Аппелагея, не в силах прикоснуться к своей кровиночке. – Его имя Олег! – и в момент, когда последний вздох могучей воительницы вышел, княжич издал своё первое, громогласное:

– Уа-а-а!

Ярилгород – столица Даарии

Стоя у окна залы приёма гостей, в среднем дворце княжьего терема, Святослав нежно сжимал в руке оберег суженной. Титановая звезда Перуна оплавилась. Он потёр её, стряхивая окалину, и в лучах восходящего солнца металл засиял вновь.

Занавески еле колыхались, за окном Ярилгород просыпался, улицы наполнялись людьми, спешащими по своим делам и ещё не подозревавших о том, какая беда приключилась вчерашним вечером.

Аппелагея мертва.

Любимая. Святослав отдал ей всего себя и вот сейчас она лежит в усыпальнице, сгоревшая до неузнаваемости. Боль пронзала душу и не давала думать о чем-то ещё, горечь потери горькой тухлой болью поселилась в душе, вызывая жгучий гнев и князь, со всей силой, сжал кулак.

– Они ответят за это! Как же медленно я стану срезать кожу с твари, которая управляла подземным змеем! С каким наслаждением я буду переламывать ему кости одну за другой, пока от целых не останется и следа, но это не всё! Я заставлю магов исцелить душегуба и тогда, вновь стану рвать его на куски, и так до бесконечности! Аппелагеюшка. Любовь моя, как же

мне жить теперь без тебя?! Как мне вырастить того, кто выжил в адской крови, спалившей тебя без остатка? Возможно, ему не следовало вступать в этот мир, возможно, он и не человек вовсе, да и сын ли вообще? – мысли Святослава проносились в голове с невыносимой скоростью.

Находившийся поблизости, верховный старец Чудо-камня Светозар, не меньше скорбевший по Аппелагее, которую он любил как родную дочь, потерял терпение и твёрдо произнёс:

– Ты нужен сыну Святослав! Ему уже полдня отроду, а княжич ещё не обрел связи с отцом.

Словянский князь, снедаемый горем, невидящим взором уставился на старца.

«Похоже, старик более не в силах читать мои мысли, раз прервал ритуал скорби».

– Это подождет, – отмахнулся Святослав, произнеся это вслух. – Не стоит меня тревожить сейчас.

– Нет! – схватил его за локоть старец и развернул к себе лицом. – Сарион держит княжича на руках с момента вхождения в Явь!

Светозар указал на велизарного у дубовых дверей залы, новорождённый княжич у него на руках мирно спал.

– Следующим взять на руки княжича должна его плоть и кровь! Только тогда ты обретешь связь с сыном!

Князь печально опустил глаза.

– Я не могу к нему прикоснуться. Ты знаешь...

– Ты должен! Он плоть от плоти твоей! – вскрикнул Светозар.

– В нем зло! – вскипел князь, грозно воззрившись на старца. – Не будь им беременной, Аппелагея на раз разделалась бы подземной тварью!

– Хочешь сказать, ты не примешь дар богов! Да мать до последнего вздоха защищала сына, раздираемая когтями змея!

– Тебе не переубедить меня старик! – громыхал в ярости князь. – Унесите его прочь, ему не место в нашем мире!

Старец тяжело вздохнул. Святослава не переубедить, он понял это и отступил.

Однако, Сарион не собирался оставлять малыша одного, на волю случая и обезумевшего от горя родного отца.

– Тогда убей его сам, – начал блефовать Сарион. – Собственной рукой! – и с этими словами, протянул князю маленький сверток с младенцем.

«Боги не допустят крови».

Святослав принял сына.

Тяжёлое дыхание начало учащаться.

«Он не посмеет», – мысленно воскликнул Сарион.

Лицо князя исказила гримаса отвращения и жгучей ненависти.

«Или посмеет?!?!»

Жуткое предчувствие всколыхнуло Сариона, и он рванул к малышу, но не сдвинулся с места. Могучий Светозар, магией, связал велизарного по рукам и ногам.

«На то воля богов», – послышались в голове слова Светозара. – «Мы не вправе вмешиваться».

Сердце Сариона разрывалась, но даже словами образумить обезумевшего от горя князя он не смог. Старец сковал гортань.

Святослав выхватил кинжал и занёс руку для удара.

В тот же миг, ставни сами собой открылись нараспашку, и ворвавшийся в терем порыв ветра, открыл лицо младенца, откинув угол пелёнки.

Глаза отца и сына впервые встретились.

Словно удар молнии – взгляд сына обездвижил отца.

Словно сама Аппелагея схватила руку Святослава, сжимающую сталь, не дав тому свершить страшное, и в этот момент, безмерное счастье, исходившее от, дивных, голубых глаз родного дитя, заполнило собою пустоту, снедавшую душу разъярённого отца.

Гнев Святослава потух также быстро, как и вырос. Аппелагеюшка смотрела на него через очи сына.

– Нгу-у-у, – улыбнулся младенец.

Тут сердце отца растаяло окончательно, кинжал выпал из руки, и Святослав нежно заключил сына в объятия.

– Олег, – сказал Сарион, после того как старец выпустил его из магической хватки. – Его имя Олег, таковы были последние слова Аппелагеи.

Уже не в силах сдержать слезы, счастливый отец утонул в голубых глазах сына.

– Олег Слович, – нежно произнёс Святослав, – у тебя очи матушки. – От теплых слов княжич залился журчащим смехом. – Вижу, ты знал это, мой сын! – нежно лепетал князь, и тут до августейшего папаши дошло. – Если Олег родился вчера вечером, то уже голоден! Рассвет на дворе! Как же мы...

– Что-нибудь придумаем, – ободряюще прервал князя Светозар. – Как всегда. Что-нибудь придумаем...

Тёмный бор – Гиперборея, юго-восточный полуостров

Гладкая, матово-чёрная плита, лежала в самом центре капища и поглощала солнечные лучи, изредка пробивающиеся сквозь кроны деревьев Тёмного бора. Древние, тысячелетние ели, замысловатыми переплетениями ветвей и корней делали окружение этого места жутким по определению, а если ещё и учесть что здесь проводятся кровавые ритуалы, тогда всё становится на свои места и каменная плита, чёрная как сама ночь и ели-стражники ветвями и корнями готовы схватить зазевавшегося путника, вполне к месту.

Четверо бесов, кряхтя, тащили к плите скованного по рукам и ногам великана. Гигантский чародей продолжал быть в сознании. Он был в сознании даже тогда, когда один из адептов тёмных пленил гиперборейца и протащил сквозь древнюю грань, пересечь которую смертному было не под силу. Даже когда упыри нещадно били его до изнеможения, и когда адепт, в нарушении приказа, принялся им питаться, разрывая своими чёрными клыками живую плоть, даже тогда маг великан не прекращал попытки вырваться и покарать лиходеёв.

Но всё тщетно.

Теперь же гипербореец нужен для ритуала рождения. Когда это произойдет, и великан отдаст всю свою магию, ему – Древнейшему бессмертному, станет очень сложно скрывать принятую сторону, ибо бессмертие подвластно лишь тем, кто соблюдает нейтралитет между жизнью и смертью.

Но есть лазейка.

Так он, во всяком случае, надеялся. Ведь Древнейший считал, что если перейти на сторону зла, но не смерти, то бессмертие не покинет его тело, хотя бы часть да останется.

Именно на это и был весь расчёт.

Изначальный уже вынул своё сердце, спрятав под колыбелью магии, теперь в груди его бьётся холодный камень. Своё бессмертие он не отдал вездесущему эфиру как должен был, а распределил между своими адептами, тонкими иглами вложил он в них мощь вселенской всеобъемлемости, и теперь, поди отыщи его слабость! Теперь тени тех, кто в скором времени станет могучими Тёмными, скроют его от всепоглощающего тлена и Древнейший сохранит свою всемогущественную бессмертную суть.

Теперь всё готово для его – изначального Грот-мага верховенства в верхнем мире. В мире живых.

Самый грозный соперник, способный сокрушить мощь Тёмных – Пурпурный народ, не одно тысячелетие подверженный внутренним конфликтам и алчности, полностью им совращён и превратившись в послушных упырей, жаждущих живой плоти. Те из пурпурных, кто истлел за многие столетия ожидания вторжения, будут ему не нужны, Древнейший вырастит других, собственных воинов – бесов, легионы, благо материала, для вскармливания Орды, в достатке.

Теперь нужно нечто новое.

Адепты столкнулись с очередной трудностью. Тут под светом солнца, как оказалось, Големы – новое оружие подземного мира, не могут жить. Лучи Ярила превращают их в каменные истуканы.

Но и это поправимо.

Бездушных воинов сложно вырастить, и их будет немного, поэтому к ним в помощь Древнейший надеялся заполучить нечто большее, он хотел огонь, парящий в небесах, и много, столько, сколько нужно.

Но если не выйдет, то будет печально. Не смертельно, но печально. Это отсрочит планы, на какие-то пару сотен лет, но не более, итог все одно будет именно таким, каким запланировал его Древнейший – смерть всему живому.

И вот спустя сотню лет непрерывного метания между верхним и нижним миром, а также пробудив ото сна посеянные ранее «семена» – новых адептов, в Колыбели магии, вокруг плиты собрались все семнадцать юных тёмных.

«Нет. Шестнадцать» – поправил сам себя Древнейший. – «Одного убил первый меч славян, некий Саргон, запустив сквозь портал кинжал, восемнадцать лет тому назад», – хотя, для Древнейшего, это было словно вчера.

Перед каждым адептом лежало яйцо подземного змея, содержимое желало вот-вот войти в мир живых, лишь чары не давали тому-что было под скорлупой, вырваться раньше времени. Могучий грот-маг, всех времён, в последний раз парил над капищем, стоя на нитях своей бессмертной энергетической сущности и указывал бесам, как расположить жертву. Те, выполнив его волю, поклонились и ретировались в чашу, а адепты, встав на одно колено, подняли правые руки вверх ладонью, в знак признания Древнейшего своим повелителем.

«Ну что ж, начнем», – подумал изначальный и начал переход из энергетической сущности в трёхмерное пространство. Как только первый шаг был сделан, Древнейший почувствовал, как нити, соединяющие его с бессмертием и позволяющие парить в пространстве меж мирами, начали рваться. Сотворённое ранее, на заре времён, трёхмерное тело, медленно опустилось перед плитой, а с ним и вся сущность Древнейшего. Магическим Взором он проверил связь с всеобъемлемой бесконечностью, лишь последняя нить все ещё связывала его с былой всесильной сущностью.

«Да, возможностей поубавится», – усмехнулся Древнейший, однако тень былого могущества, которая всё ещё оставалась там между мирами и являла собой былое бессмертие, как он и рассчитывал, продолжала укрывать.

Он вытащил из полога плаща огромное черное яйцо с ярко-жёлтой линией. По, внимательно наблюдавшим адептам прошла волна беспокойства. Вместо кладки змея, Древнейший взял яйцо жар-птицы, обгрённое тёмной кровью.

Ропот усилился и немудрено, ещё никто со времён сотворения мира не колдовал над чудо-птицами, ибо таилась в них настолько мощная, первородная, магия жизни, что любое вмешательство тёмных сил могло для Гротов закончиться фатально, причём для всех без исключения и в один миг.

Древнейший поднял руку, успокаивая молодую поросль, ропот прекратился, после чего он начал ритуал. Висящий на его поясе нож ожил. Подлетев к жертве, клинок впился в плоть великана, под последним ребром, сделав надрез, высвобождая голубой свет магии и пуская кровь. Яйцо жар-птицы, словно почувствовав приближающийся миг рождения, взмыло вверх

из черных рук Грот-мага. Потом, зависнув над жертвой, оно начало впитывать в себя жизнь гиперборейского чародея.

Алая кровь и голубая магия жизни, словно пульсирующая плазма, окутали яйцо чудоптицы, недоставало лишь одного ингредиента для рождения и Древнейший, ногтём разрезал себе ладонь, отдавая яйцу каплю собственной, чёрной крови.

Яйцо впитало изначальную кровь и замерло в воздухе.

Древнейший удовлетворённо отошел чуть назад и принялся наблюдать за рождением неведомого исчадия.

Меж тем, немного помедлив, яйцо продолжило пить жизнь великана сквозь скорлупу, оно всасывало и всасывало энергию жизни, поглощая всей своей поверхностью бледно-голубой свет, но что-то пошло не так. Древнейший никак не мог залечить собственный порез – магия нового исчадия не давала ему сделать это, более того, его собственная кровь тонкой струйкой, по воздуху, начала облагрять яйцо вырываясь против воли Древнейшего из пореза на руке и с каждой секундой поток увеличивался и увеличивался.

– Что происходит? – мысленно возмутился Древнейший и попытался разорвать связь с тварью под скорлупой, но сразу почувствовал, во-первых, силу исчадия, а во-вторых, без связи тварь сразу же могла погибнуть.

«Значит, его надо перебороть!», – догадался он, самый могущественный Грот-маг за все времена, и тотчас, сковал волю готового вылупиться существа.

Тварь сдалась быстро.

«Да», – удовлетворенно выдохнул Древнейший. – «Неровня! Хотя, силен! Очень силен! Интересно, скольким из адептов удастся выжить, при возвращении собственного?»

Но почему-то, это не особо и волновало, потому, как после подобного испытания, останутся достойнейшие, кому суждено идти на грандиозные свершения, рука об руку с Изначальным! Не это ли великая честь для тёмных?

Тем временем, яйцо, иссушив магию великана, опустилось на умирающую плоть и начало мерцать, по скорлупе пошли трещины, в воздухе запахло озоном, сверкнули молнии, ветел закружил макушки елей адской каруселью.

Напряжение нарастало.

И вот, скорлупа лопнула и рассыпалась, а возвращенный крылатый змей явил себя миру. Сначала он высунул только чёрную голову, гладкая чёрная кожа сверкали отблесками молний, затем, раскрыв зубастую пасть, истошно пискнул, потом расправил кожаные перепончатые крылья, скинул с себя осколки скорлупы и уже во весь свой, пока ещё не могучий рев, выдал первый зов.

«Зряч, и крылья на месте!» – с удовлетворением подумал Древнейший. – «Удалось!».

– Старейший! – призвал он наблюдавшего в стороне Грот-мага, своего младшего брата. Тёмный приблизился и низко поклонился. – Ты следующий! – а чёрный змей, подчиняясь командам повелителя, изрыгнул содержимое желудка, облагрив стоящие вокруг яйца, выпитой ранее кровью великана с каплей магии своего господина.

*

«Четырнадцать. Не так уж и плохо», – смотря на оставшихся выживших, уже не адептов, а Грот-магов, думал Древнейший. Двое не выдержали испытания, теперь у него вместо одного крылатого змея стало сразу три. Он позволил исчадиям впервые питаться тем, что осталось от двух адептов и великаном. Через мгновение к троице присоединились и другие крылатые змеи, ведомые повелениями своих хозяев.

– Вы самые сильные из тех семян, что я посеял в незапамятные времена, – сказал Древнейший. – С самого вашего рождения я не называл вас Гротами сознательно, ибо хотел знать, достойны ли вы моих замыслов. Так как ваша магия бесполезна для открытия врат в подземное царство, я использую вас несколько иначе: вы станете тысячниками орды, наряду с моими

доверенными подземниками бесами и будете ли вы генералами или командующими как Старейший, зависит лишь от вас, – гроты молча внимали каждому слову повелителя. – На каждого из вас у меня есть планы, но двое должны взять роли, предназначенные для этих недостойных! – Древнейший указал на обглоданные змеями кости, не прошедших испытание адептов. – Кто это будет? – все четырнадцать сделали шаг вперёд. – Другого не ждал, – злобно усмехнулся Древнейший.

Ярилгород, столица Даарии Градмир

Пора просыпаться, первые лучи солнца озарили шпиль академии Чудо-камня. Он протёр глаза, потом резко вскочил. Вчерашние тренировки отозвались ноющей болью крепкого тела, рецепт от недуга один, – новые тренировки.

– Раз так, тогда погнались! – Градмир, со свойственной ему решимостью, схватил стоящую у окна пудовую гирию и приступил к зарядке. Приседания и отжимания сделали своё дело, мышцы разогрелись.

Улыбнувшись новому дню, он вышел на балкон облиться колодезной водой. Бодрость, с хорошим настроением, наполняли молодой дух. Немного пригладив длинные русые волосы, Градмир вернулся в опочивальню и принялся одеваться, в дверь постучали.

– Кто там?

– Авдотья, ваша светлость, – раздался знакомый голос, служившей при тереме девицы. – Ваш утренний чай.

Княжич улыбнулся и разрешил войти, а улыбался Градмир неспроста. Месяца два назад, когда девица ещё только поступила на службу в терем, то, не зная княжеского распорядка, тихо вошла без стука, намереваясь налить только что принесённой воды, и, разумеется, наткнулась на полностью обнаженного Словича. Авдотья, конечно, не то чтобы перепугалась, но разволновалась не на шутку, думая, будто бы потеряла работу, но Градмир одевшись, успокоил её и рассказал, как и когда она ему утром потребуется. Авдотья, красная как рак от смущения, нечаянно опрокинула ведро и лихо сбежала, но спустя какое-то время вернулась и все исправила. Вот и сейчас, смущаясь, девица робко поглядывала в сторону наследного княжича, наполняя чаем резную, деревянную кружку, но уже не со страхом, а с интересом, цепляясь взглядом за развитую мускулатуру и радующую девичий глаз, доброе лицо княжича.

Одета Авдотья в просторный, до неприличия прозрачный, балахон, используемый девами в домашних делах, но никак не на службе. Ранее, это изрядно волновало Градмира, потому как девичьи прелести не особо скрыты, но теперь, после смерти матери, княжич ни о чём другом не мог думать, кроме как отомстить убийце, да и не принято в славянских землях, до брака, пользоваться женской услугой. На ногах Авдотья носила кожаные босоножки, а длинные, каштановые волосы, двумя косами, свисали по спине вниз до талии.

Градмир сердечно поблагодарил Авдотью, принявши из её рук горячий напиток, потом вышел на широкий балкон, дабы не мешать ей, заниматься утренней уборкой.

Ароматный чай, выращиваемый в бескрайних полях Луггорода, будил не хуже войскового горна. А вкус то, какой! Немного терпкий, с тонким сахарным наполнением.

Великолепно!

Солнце вставало.

Город понемногу просыпался, ночные фонари гасили, лавки, кофейни и торговые ряды оживали, одни с нетерпением предвкушали бойкую торговлю покупателями, другие готовились обслуживать завсегдаев питейных заведений. Все шло как обычно, чинно и мирно. Шаркая тапками и закутавшись в расписной коричневый халат, из соседней спальни вышел Волибор—

младший брат. Он оперся на балюстраду, протёр глаза, громко зевнул, и смачно плюнул вниз, на проходившего мимо конюха.

«Теперь Волибор средний», – поправил себя Градимир, – «но мозгов больше не стало», – вслух же сказал иное:

– Доброе утро.

– Ага, – продолжая зевать, ответил Волибор, затем потянулся за кружкой. – Дай глотну, – и, не дожидаясь пока брат сам передаст, вырвал кружку. Потом сделал большой глоток и тут же выплюнул. – Чай?! Какая гадость... Я-то думал у тебя холодный мёд!

– Не рано ли спиртным баловаться? – забирая назад кружку, усмехнулся Градимир.

– Тебе, смотрю, уже поздно, – окончательно проснувшись, Волибор заглянул внутрь братовой спальни. Там, внутри, нагнувшись спиной к балкону, Авдотья заправляла постель. – Ишь, какая! – Волибору ставился на полуобнажённый девичий зад и хищно оскалился. – Авдотья, потом придёшь ко мне! Мне постель заправлять не надо, я тебя для другого попользую!

Девушка, поправила подол, смущённо улыбнулась и продолжила заниматься уборкой.

– Утомонись брат. Имей совет.

Волибор покачал головой, очевидно, ожидая потакания своим страстям, но не найдя в брате единомышленника, решил сменить тему.

– Потренируемся на мечях? – Градимир ответил отказом и пояснил: пока не пройдет траур по матушке, никаких тренировок. – Ну, смотри, – фыркнул Волибор, – заберу Авдотью и потренируюсь с ней.

– Нече девок портить, – нравоучительно сказал Градимир. Затем положил руку на плечо младшего брата и тихо произнёс: – Добро это не принесёт.

– Твоё воздержание и вера в старинные обычаи, вот что не принесёт добра, а я забочусь о своём здоровье и множу словян.

«И в кого он такой? – отвернувшись от брата, созерцая утренний город, думал Градимир. – В отце такого любвиобильности нет, как и в нём самом. Может, Волибора подкинули?!».

– И много размножил?

– Сколько есть, все мои! – Волибор сделал паузу, затем вновь принялся нагло пялиться на Авдотью. – Как ты сдерживаешься брат, когда такой смак перед тобой? – Градимир пожал плечами. – А может, тебе нравятся юноши?

– Хм-м-м, – прорычал Градимир, продолжая пить чай.

– Если это так, то кто ты, сверху или снизу? – Градимир резко обернулся. Волибор понял: сейчас ему крепко достанется, поэтому не стал искушать судьбу: он мигом метнулся к себе в опочивальню, спрятавшись за углом косяка и продолжал. – Снизу! Ха! Я так и знал!

Решив, что последнее слово осталось за ним, Волибор нарочито медленно-лениво ушёл.

– Вот полуумок... – громко сказал Градимир, – мне нравятся девушки, чтоб ты знал! – и взглянул на Авдотью.

Она и впрямь очень хороша! Длинные ноги, узкая талия, округлые бёдра и тёмный треугольник между...

Нет, – остановил себя княжич. – Так нельзя! В этом нет чести!

Желание, наконец-то познать уладу, принялось стучать в голове соразмерно биению сердца. Авдотья не раз томными взглядами, прозрачными одеждами и зазывающим поведением намекала Градимиру на то, что если б княжить был бы настойчив в своём мужском желании, то она весьма благосклонна отнеслась бы к внебрачной утехе с ним. На один крошечный сиг, Градимир допустил такую возможность и миг сладострастия сменился потерей чести при каждом взгляде на Авдотью и понимании того что он попользовал ею. И как вообще жить дальше, зная – что она для тебя лишь сосуд для утех, а ведь Авдотья человек, у неё свои желания, чаяния и надежды. Да, в конце концов, её замуж никто не возьмёт тронутую, и быть ей бабой для всех навсегда. И забыть о мечтах... Нет!

Градмир упал на руки, прогоняя бесовские мысли. Он опускал и отталкивал вверх своё тело, пока мышцы не налились приятным теплом, отвлекая от всего на свете. Авдотью, поведение княжича весьма позабавило, быстро закончив уборку и низко поклонившись, девица удалилась восвояси.

Да, так дальше дело не пойдёт. Нужно вводить более целомудренное утреннее одеяние для девиц-служащих, иначе он сойдет с ума от подобных соблазнов.

Сбросив напряжение, Градмир вновь умылся, оделся и направился в приёмную обсуждать текущие дела с главным воеводой.

Через час подали завтрак в обедне, к этому моменту, Градмир закончил утреннее совещание и с полными руками свитков от развед-департамента, присел на своё место за высоким столом. Напротив, Волибор жадно ел мясо, запивая мёдом. Похоже, брат добрался до кого-то сегодня утром, ибо зверский аппетит можно нагулять либо тренировкой, что в случае с Волибором считалось крайне редкой практикой и естественно, усладой.

– Приятного аппетита, – проговорил Градмир.

– Угу, – буркнул, с набитым ртом, Волибор.

На столе, главным блюдом, значилась жареная баранина. Слуга, отрезав знатный кусок, подал мясо Градмиру и остановился, ожидая указаний. Блюдо оказалось таким же вкусным, как и выглядело, а свежесдобитый хлеб просто таял во рту, помидоры, огурцы да лучок, придавали завтраку незабываемый вкус. Попросив принести кваса, Градмир приступил к трапезе. В этот момент, в дверях появилась Лада – сестра близнец Градмира, жизнерадостная как всегда. Вот с кем приятно общаться по утрам, с ней не нужно думать об искушениях и грязных мыслях среднего брата, сестрица, в случае чего, проведёт такой психоанализ, что вывернет тебя наизнанку, иссушив и не оставив от гнетущих мыслей и следа.

– Всем привет! – прожурчала она, напевая какой-то мотив. Небесно-голубой сарафан с белой макошью, сидел на Ладе идеально, белые сапожки чуть постукивали невысоким каблучком. – Вы уже видели Олега? – братья, жуясь, отрицательно покачали головами. – Вот, дурни! И вам неинтересно, какой ваш младший братик?! – Лада взяла со стола яблоко, откинула назад длинную русую косу и приготовилась снимать кожуру и не только с фрукта.

– Отстань, – с набитым ртом, ответил Волибор. – Увижу ещё.

– Сегодня? Или когда Олег повзрослеет! – смеялась Лада.

– Да хоть бы и так.

– Бука, ты Волибор! – пристыдила она и обратилась к Градмиру. – Ну, а ты чего молчишь?! – Градмир продолжал жевать. – Эй! Я с тобой разговариваю! — Лада пихнула старшего брата в плечо и тот нехотя отвечал.

– Я ещё позавчера Олежку на руки взял.

– Да, и когда же это было?

– Когда отец принёс Олега кормилице. Аппетит у него знатный, сам видел.

– Э, да ничего ты не видел! – запив мёдом пищу, встрял Волибор. – Хотя нет, кое-что ты узрел.

– И что же это братец? – спросила, заинтригованная Лада.

– Грудь женская, конечно! – вновь съязвил Волибор, Лада с недоверием сморщила носик.

– Как, ты не знала дражайшая сестрица? Представляю, какое отвращение вызвало у Градмира вид обнаженного женского соска.

Собираясь проглотить откушенный кусок, Лада чуть не поперхнулась яблоком.

– Не задирай меня, – спокойно ответил Градмир.

– Фу, какой ты пошляк братец! – прокашлявшись, нахмурилась Лада. – И в кого ты такой?

– Уж лучше быть хамоватым женолюбцем, чем тайным мужеложцем, – сестра с недоумением посмотрела на брата и Волибор пояснил. – Почему ты думаешь Градимир в тридцать лет все ещё девственник? Он просто ещё не нашёл себе мужа! Тем более посмотри на него...

Княжич вскочил, гнев обуял сердце.

«Да как посмел этот наглый трутень, называть его постылым именем?!» – гремела мысль, пока, тяжело дыша, Градимир пытался себя успокоить и не накинуться с кулаками на среднего брата. – «А эта его кривая ухмылка!»

Волибор продолжал вальяжно сидеть нога на ногу, ковырялся в зубах и зло усмехался.

«Да он сестру уже не стесняется, говнюк! Пора положить этому конец!»

Не дав Волибору договорить очередную гадость, Градимир схватил того за грудки и при-тянул на себя через стол. Посуда полетела в разные стороны, кувшин с мёдом упал и разбился. Стоявшие на страже двое велизарных переглянулись, но вмешиваться не стали.

– Ещё слово и выбью тебе зубы! – грозно сказал Градимир.

– Ну, попробуй, любитель сосисок, – вырвался Волибор.

Это стало последней каплей, надменная, злая ухмылка Волибора, вконец вывела Гради-мира из равновесия и, поддавшись гневу, княжич нанёс удар. Волибор рухнул навзничь, опро-кинув стул, распластавшись на полу. Градимир замер, хмуря брови, он ждал, ждал пока брат в тщетных попытках, вернёт себе вертикальное положение и тогда, можно продолжить трёпку.

Кровь хлынула из разбитой губы. Сплюнув два выбитых зуба, Волибор в очередной раз, попытался встать, но рухнул вновь, комната шла кругами. Лада, с воплями ужаса подбежала, положила его голову себе на колени и принялась вытирать кровь, подолом сарафана.

«Сейчас как всегда начнёт причитать».

Не дожидаясь этого, Градимир обошёл стол, грозно приближался, желая наконец-то выбить дурь из неразумного брата и плевать, что он ещё не поднялся!

– А ну стой, где стоишь! – с угрозой в голосе, предупредила Градимира Лада.

Пришлось подчиниться, ссоры с сестрой Градимир не желал, а в это время, стоявший на страже велизарный, принялся колдовать, и у Волибора, взамен выбитых, проросли новые зубы.

– Ишь, какой грозный старший брат! Смотрю, ты не гнушаешься бить слабых!

– Это не так Лада!

Градмир распирало от желания рассказать сестре, каким порочным стал Волибор, и как он ведёт себя, попирая старинные обычаи, и ступая против воли богов. Но как старший брат, он берег и лелеял чувства сестры и не намеревался становиться тем, кто разрушит её сказочный мир, где все живут долго и счастливо. Поэтому Градимир не стал открывать правду, лишь вздохнув, унял гнев.

– Уходи, – обиженно сказала Лада, – и подумай над своим поведением!

Градмир собрал в карман длиннополого алого кафтана принесённые свитки, развер-нулся и ушёл прочь. Стража почтительно расступилась, пропуская, даже велизарные предпо-читали лишний раз не вставать у него на пути, и это не от силушки богатырской, а от искрен-него уважения перед наследником престола.

Сцепив руки за спиной, княжич быстрой походкой неся по коридорам снедаемый сомне-ниями о своих деяниях.

Правильно ли он сделал, ударив Волибора?

Правильно.

Ибо тот неоднократно выпрашивал хорошую трепку, но вот нужно ли это делать при сестре?

Скорей всего – нет.

Лада нежная, ранимая душа, и открывать ей грязь этого мира неразумно и преждевре-менно.

Коридор шел за коридором, одно крыло терема за другим и вот, внезапно, Градимир оказался перед покоями младшего брата, из которых доносилось громогласное: Уа-а-а! Княжич остановился, немного поразмыслив, да решив отбросить мысли о семейном раздоре, вошёл внутрь. В комнате творилась полная неразбериха.

Служанки, горничные, няньки, все носились как угорелые, светочи читали книги, выискивая недуг юного Словича из-за которого он бушует. Ромашки смешивали успокоительный сбор, а кормилица непрерывно качала юного княжича на руках. Олег ни в какую не хотел есть и лишь надрываясь, кричал. Завидя вошедшего наследника, все в ужасе застыли.

– Разрешите мне попробовать? – спросил княжич кормилицу.

Та, с полупоклоном, передала младенца. Оказавшись на руках у старшего брата, Олег внезапно замолчал и с интересом уставился на Градимира. Наступила тишина, кто-то из прислуги устало плюхнулся на стул и громко выдохнул, кто-то, воспользовавшись передышкой, выпил воды, а Градимир, с огромной любовью и нежностью, сжимал маленький хрупкий кулёчек, медленно покачивая и разговаривая с ним.

– Ну, что ты такой вредный братишка? Вишь, как загонял нянек своих! Непорядок – это! – Олег агукнул в ответ. – Давай-ка братец спокойно поедим, а опосля, возьму тебя погулять по гарнизонам, ты же ещё не бывал в войсках?!

– Нгу-у-у! – залился веселым смехом Олег.

– Вот и хорошо! – передав малого кормилице, Градимир с нежностью наблюдал за кормлением.

– Он словно чувствует родную кровь рядом, – молвила с облегчением кормилица. – Ох, и вояка вырастет, если уже сейчас ему удастся гонять десять нянек до изнеможения!

– Да уж! – согласился Градимир.

Дождавшись пока Олег закончит трапезу, Градимир забрал его с собой, направившись, как и обещал, к казармам первого ярилгородского полка. Братишка с интересом рассматривал окружающие здания и проходящих мимо людей, облаченных в сталь. Он ворочался, пытаясь высвободиться из пелёнок, и как подозревал Градимир, хотел до всего дотронуться лично. Увязавшиеся следом няньки, причитали наперебой о ветре и слишком ярком свете солнца, на что княжич твёрдо отвечал, – Олег не комнатное растение и пора привыкать к погоде, да закаляться.

Впереди приветственно выстроились Лютые.

– Вот видишь, Олежка этих служивых, – Градимир развернул братика лицом к строю. – Это Лютые. Мои личные воины, – Олег агукнул, – и у тебя будут такие же, когда подрастешь, а вот как назвать их, решать тебе.

– Отчего же ждать? – громогласно известил о своём прибытии главный воевода Данила Большерукий. В легкой белой косоворотке под простой голубой семягой, воевода никак не напоминал главнокомандующего всеми армиями Даарии. Просто бородатый мужик только здоровый, мускулистый и ростом выше среднего. – Посмотри, какой взгляд у Олега, прям пламя! Вот и быть его отряду Пламенными. А?! Как вам?!

– Думаешь, ему понравится?

– Спросим, когда сможет ответить, а пока, – Данила потеревил короткую седую бородку, – тебя призывает отец. Есть вести с юга. Дурные вести.

*

Олега взяли с собой, малец никак не хотел слазить с рук, да и лишний раз повидаться с отцом, по уши погрязшем в делах государственных, стоит. Прибыв в штаб, Градимир приказал нянькам распеленать Олега и одеть в распашонки, после чего, отправил женщин молча сидеть на дальней скамье и ждать дальнейших распоряжений. Они быстренько перебежали в конец зала, столкнувшись у входа с князем.

– Ух, ты! – воскликнул Святослав. – Молодцы что Олежку привели!

Быстро подойдя к Градимиру, отец взял Олега на руки и нежно прижал к груди, с любовью нашёптывая тайные слова. Олег, воспользовался случаем и потаскал Святослава за густые усы и подёргал ухо.

– Хорошая хватка! – восхитился Святослав. – Не скажешь, что ему четыре дня отроду.

Через две минуты в зал прибыл Светозар с магом юга Ильгамом, мантии белая и чёрная контрастировали меж собой, они развевались, будто некие знамёна предвещающие дурные вести. Штаб собрался полным составом. Князь, не выпуская сына из рук, приказал начинать.

Слово взял главный воевода Данила Большерукий.

– Вначале, перед тем как доложиться, хочу спросить уважаемых магов: как получилось так, что Чудо-камень проморгал подход пхазар к Утесу Склонивших голову?

– Чудный лес, тот, что лежит за утёсом до границ Пхазарии, окутан туманом, —ответ держал верховный маг юга, Ильгам, он сбросил чёрный капюшон с головы и глядел прямо. – Мы уведомляли военное руководство об этом, ещё два месяца назад, когда светлейший был в Вязи. При этом, временный старший воевода Палаш направлял неоднократно разъезды на территорию кочевников и ничего не обнаружил. Спустя какое-то время, насланный магией туман, вообрал в себя и Утес-Улы, крупнейшую на юге приграничную ярмарку, укрыв её от нашего взора.

В штабе раздалась недовольный возгласы в основном гражданских управляющих. Воеводы перешёптывались

– К слову сказать, – пришёл на помощь магистру Светозар, – Ильгам несилен в противоборстве с таким колдовством, сейчас нами назначен новый южный маг – Иван Вышегор, когда он прибудет на место, то разберётся в состоянии дел и доложит по форме.

– А не этому ли Вышегору поручено хранить столицу от появления порталов? – спросил Данила.

– Да, – подтвердил Светозар. – Он хорошо справляется и обучает себе замену.

– Обучение закончено?

– Ещё нет. Впрочем, уверенности в том, что наши контрмеры сработают, у нас нет, поэтому я вызвал сюда одного из триумвирата Гипербореи, возможно великаны знакомы с магией порталов и ещё помнят её. Если это так, они помогут нам в создании защиты, если нет, совместно всегда проще защищаться, нежели единолично...

– Тогда с отправкой повременим, – отвлекшись от игры с сыном, приказал князь. – На Олега уже покушались, я не хочу, чтоб Сарион оставался единственным его компетентным защитником.

– Как прикажет светлейший, – поклонился Светозар, после чего Данила продолжил.

– Итак, Утёс пал. – Воевода встал и подошел к огромной, на всю стену, штабной карте Даарии и всех прилегающих к ней королевств известных словянам, приколол маленькую чёрную фигурку кочевника к переходу через Реку без названия и немного задержался, рассматривая карту.

Длинная река, бравшая своё начало в Средиземном море, пронизывала материк с юга, являясь там границей Даарии, потом она поворачивала вверх и по Великому разлому, прямой линией, уходила на север, впадая в Горячее море.

Данила развернулся.

– Дальнейшие действия противника мне видятся так: располагая от двадцати до тридцати тысяч конницы, кочевники не имеют возможности ведения осадных действий, стало-быть, будет грабительский набег. Их главной целью, безусловно, является приграничная ярмарка – Утёс-Улы, дальнейшее вторжение, и более глубокое проникновение в наши земли считаю нецелесообразным и маловероятным.

– Уверен? – спросил князь.

– Да.

– Тогда, скажи мне Данила, – Святослав предал Градимиру не на шутку разыгравшегося Олега и, подойдя к карте, указал на место, где через широкую реку раскинулся один единственный мост. – Почему мы не встретили кочевников на Утёсе, ведь там их проще всего сдерживать, не так ли?

– Так. Только ни на Утёсе, ни около него нет ни крепостей, ни временных гарнизонов, все строители заняты на возведении стен оплотов «Дальний» и «Росток». У нас там только секреты и разьезды, к сожалению, они против полномасштабного вторжения бессильны. Да и момент для набега выбран очень удачно, наши силы отведены во внутренние округа, остались только приграничные гарнизоны.

– Это почему? – тихо спросил Градмир, Олег, к этому моменту, уже успокоился и начал мирно посапывать.

– Воевода Палаш, командующий первой конной тьмой юго-восточной рати, по согласованию с генеральным штабом, проводит манёвры войск второго эшелона. По плану учений, осуществляется переброска сил и средств с юго-западного театра военных действий на юго-восточный и обратно, поэтому, все мобильные части, из приграничных к Утёсу крепостей-звёзд и оплотов, направлены в Рунд. В приграничных округах оставлены пехотные соединения, силы которых достаточны для сдерживания любого вида агрессии, в случае её осуществления, разумеется, и до подхода, а потом развёртывания войск второго, третьего эшелонов.

– То есть, если пхазары обойдут наши укрепрайоны и выйдут на оперативный простор внутренних округов первой линии, выбить их будет нечем? – удивился князь и добавил. – Фурии Вязи не в счёт.

– Да, это так, – угрюмо ответил Данила.

– И с чего это вдруг Палашу понадобилась подобное учение? – подозвав к себе ожидавших няnek, спросил Градмир. Он бережно передал им уснувшего Олега и те унесли младшего Словича в детскую опочивальню, дав при этом мужам разговаривать в полный рост.

– Мне было видение, – сказал магистр Ильгам. – Конница оплотов юга, во главе Палаш и Михай у стен Рунда.

– Так что, воевода второй тьмы тоже отправился на юго-восток?! – вскочил Градмир. – А не думали ли вы уважаемые маги о том, что это лишь передовой отряд пхазар, и вся их миллионная орда стоит в приграничном Чудном лесу, ожидая команды к вторжению?!

– Успокойся княжич, – пробасил Данила Большерукий. – Разведчики докладывают: формирования армии вторжения ещё не началось, однако, разговоры идут. Споры нет. К тому же, в Вязи командует знаменитый Каспий – укротитель пхазар, поэтому мне кажется, Юг не брошен на произвол судьбы, тем более, когда у Палаша есть все средства собрать Каменный полк⁸ и вовремя прибыть к возможному театру военных действий.

– А как бы поступил ты сын, на месте пхазар? – внезапно спросил князь. – Будь ты командующим вторжением.

Градмир задумался, отпил чаю, затем подошёл к карте, достал другие фигурки, расставив их так, как ему виделось.

– Будь я захватчиком, то один бы против нас не пошёл, в текущих условиях, потому как знаю – северяне сильны и воевать с ними, то есть с нами, на один фронт самоубийственно. Я бы договорился со Скифами, предложив земли до Камнегорска, при этом дал гарантию, что свяжу локальными боями полки Вязи и ударил бы в Луггород, где, закрепившись, принялся бы далее планировать атакующие действия, вплоть до осады Заречья и жалящих набегов до Земска. При этом Вязь уже не будет думать о возврате Луггорода, а сконцентрируется на обороне внутренних округов второй-третьей линии. К тому же, если столичные полки двинутся к Камнегорску напрямую, то завязнут в Рифейских чащах, где можно свободно организовывать

---

⁸ Каменный полк – армейский корпус, сформирован для обороны Каменного рубежа.

засады, тем самым сдерживая продвижение подкрепления, обеспечивая благоприятный штурм Камнегорска войсками Скифов.

– Да, – усмехнулся Большерукий, – воевать, супротив тебя княжич, опасно.

– Интересный ход, – похвалил князь-отец, – а теперь изложи, что нужно сделать нам, если описанная тобою ситуация свершится.

– Ударить из Рунда сейчас, незамедлительно, и сформировать мобильную дружину из первой второй третьей тьмы и из фурий Вязи, для локализации вторжения в приграничных округах! – даже не став переставлять фигурки, ответил княжич. – Юг самое незащищенное место, не считая Каменного рубежа⁹. Это обусловлено протяженной границей с тремя враждебными государствами, Пхазарами, Скифами и Финикийцами. Но я ни при каких условиях не стал бы снимать Каменный полк!

– Ай, перестань княжич жуть наводить! – отмахнулся Большерукий. – Каменный рубеж непреступен! Даже если мы снимаем с него полк, останется достаточно войск для противодействия любому известному нам противнику.

Градимир не без волнения осмотрел тонкую прямую линию на карте, начинающуюся от предгорий пхазарии и заканчивающуюся у первой кряхты Небесных гор, то была древняя каменная стена, высокая и прочная, с башнями и гарнизонами, бойницами и катапультами построенная для защиты Даарии.

– Вот именно, известному...

Наступила тишина, первым молчание нарушил верховный старец Светозар.

– Опасения княжича не беспочвенно. Южные джунгли незримы для нашего магического взора, они слишком далеко.

– Значит, вы не даете гарантий, что за стеной нет опасности? – спросил магов Данила.

– Опасность есть всегда, – ответил Светозар. – Стена стоит не зря.

– Ну, и как поступим Данила? – спросил князь, привыкший доверять суждениям старых друзей.

Градимир и Большерукий вернулись на свои места за штабным столом.

– План княжича дерзкий, но вполне осуществимый. Чтоб подобное не произошло, считая, кочевникам, как одним, так и другим, нужно наглядно явить всю мощь Юга, а для этого, помимо мобильных соединений южной группировки войск, нужен Каменный полк.

– Одумайся Данила! – воскликнул княжич. – Нельзя впадать из крайности в крайность!

– Градимир, я нисколько не ставлю под сомнение твои стратегические способности, но вероятность того-что на Каменный рубеж нападут, да ещё в момент, когда войска будут в походе, и, не приведи старые боги, прорвут его, стремится к полному нулю! У меня даже цифры такой нет, чтоб сказать, с каким процентом вероятности подобное произойдёт!

– Всё равно, такой шаг неправильный.

– Но единственно нужный в подобных обстоятельствах! – настаивал на своём Данила. – Попустительство к агрессии приведёт к тому, что ханы сплотятся и придут к нам! Но ежели мы всей силой юга войдём в Чудный лес¹⁰, да ещё и подойдём к Бахчи-сараю¹¹, у пхазар будет лишь один выбор: либо сражаться, либо пасть. Думаю, все понимают, как они поступят. Подобная акция устрашения отрезвит кочевников на многие годы, если не десятилетия, и мы забудем о том, что такое пхазарский набег.

– Добро, – подытожил Святослав. – Так и поступим, а ты сын – молодец. Хороший стратегический анализ. Данила, сегодня же направишь гонца в Рунд с соответствующими повелениями.

---

⁹ Каменный рубеж – стена, защищающая Даарию от динозавров неисследованных земель юга.

¹⁰ Чудный лес – пограничный лес, расположен в нейтральных землях, между Даарией и Пхазарией.

¹¹ Бахчи-сарай – северный город-порт, Пхазарии. Расположен на берегу Южного моря.

– Да, светлейший.

На этом заседание закончилось.

Градмир, быстрой походкой, покинул зал, направившись к себе. Беспокойство и тревога проникли в душу. Смутные времена настают. Подземные твари и тёмные колдуны чаще и чаще тревожат мир словян. С запада, некогда маленькое королевство, разрослось до невиданных размеров, и недалек тот день, когда оно переродится в империю. На стыке южных и западных земель Даарии активизировался вольный город Бронск, заигрывание брончан с Финикией к добру не приведёт, во всяком случае, для Словичей. Пхазары и Скифы стародавний враг, в любой момент готовый всадить нож в спину, а Каменный рубеж— вообще неизвестная величина! Что там за ним? Кто может оттуда прийти? Ведь не зря, на заре времён, великаны, совместно с предками Словичей, возвели столь протяжённый оборонительный рубеж, значит, опасность есть, а то, что она за все тысячелетия, пока известный нам мир существует, не явила себя, ещё не значит, что опасность исчезла! Но вера в опыт Данилы, всё же взяла верх. Нужно доверять суждениям опытных командиров и учиться у них, не забывая при этом о своих предчувствиях, а собственные предчувствия говорили:

«Что-то грядёт с юга-востока. Что-то неведомое. Что-то страшное».

Каменный рубеж

Справа хрустнула ветка. Витязи вскочили от костра и, вынув сталь, пристально изучали тёмный мрак южных джунглей. словно в предвкушении страшной опасности, вся живность разом замолчала.

Тишина.

Гигантские деревья окружали живой стеной, на извивающихся, переплетённых меж собою корнях играют отблески костра и тени чуждых созданий прятались во тьме. Даже свет звёзд не проникал сюда – в самое чрево чащи диких джунглей сквозь густые кроны исполинских деревьев.

Словяне взволнованно переглянулись.

Разведчики.

Два дня назад их отправили на обыденный обход дикого леса, того, который за Великим Каменным рубежом. Командованию всегда нужно знать: появилась ли угроза из неведомых краёв или всё спокойно и можно продолжать нести скучную службу, в самом отдалённом от цивилизации районе. Впрочем, это ежемесячная рутина, обрисованная конами охраны Каменного рубежа.

Разведчики выходили в дозор тройками: командир, мечник-бомбардир и лучник. Сводные группы проникали в лес на глубину триста вёрст, осматривались и, если ничего не обнаруживали, возвращались назад с докладом.

Подобную группу возглавлял командир – воин ветеран или опытный следопыт, способный предугадывать повадки местных хищников, иначе южные джунгли ошибок не прощают. Зверья тут жуть. Клыкастые, бронеспинные, летающие длинноклювые и все хотят тебя сожрать, а на земле гадов не меньше: гигантские змеи, сколопендры высотой со слона, жуткие, в половину человеческого роста скорпионы и смертоносные манतिकоры. Вот за тем, чтоб не столкнуться с подобными тварями, следопыт и отвечал, помимо общего командования. За истребление гадов, если таковые нападут, отвечали лучник и бомбардир. У одного стрелы для тех, что поменьше смазанные волшебными снадобрями убивающие одним прикосновением, у второго капсулы с синим пламенем, чтоб остановить любого ящера. Одна такая капсула способна превратить в пепел трёхэтажный каменный теремок.

Форма одежды у разведчика простая – чёрная облегающая роба, мягкие ичиги, чёрная маска и более ничего. Иначе никак, они ведь ещё нагрузку тащили, верёвки, чтоб карабкаться через расщелины, топоры, чтоб прорубать себе путь, еда, питьё, да жара, в конце концов заставляла оставлять латы на Рубеже.

В общем, не служба — а охотничий рай: сходи за стену, постреляй жутких тварей, которые решат напасть, пару десятков ночей проводи у костра за байками, осмотри дальние края, за триста вёрст и вертайся взад – нечего сложного, но в этот раз, всё шло не так как обычно.

Ещё утром, перед самым рассветом третьих суток вылазки, лучника укусила какая-то тварь, отравив ядом, командир даже не успел определить что это было, но точно не змея – следов укуса нет, да лучник умер мгновенно потому как глаза его просто испарились. Поэтому прекратив поиски, они схоронили лучника как подобает в боевых условиях – сожгли тело капсулой синего пламени, пепел сложили в импровизированный мешочек, чтоб доставить на Рубеж с последующей отправкой родным, и двинулись дальше выполнять задание, сейчас же они стоят спина к спине не в силах сдвинуться с места.

В ночном лесу мелькали тени.

Десятки теней.

– Они со всех сторон, – дрожащим голосом сказал Мур, мечник-бомбардир.

– Не дрейфь сынок! – попытался подбодрить молодого воина Сыч. – Прорвемся!

Тени кружили повсюду непереставая. То в одном бесшумном прыжке одна из них окажется на ветке, растущей в пяти метрах над землёй, то вообще, перепрыгнет через словян, скрываясь во мраке ночи, то сверкнут жёлтыми глазами.

Ветеран унял страх и пнул грунт ногой, засыпав костёр. Искры взвились ввысь, спугнув притаившиеся над разведчиками тёмные силуэты.

– Сигнал не промок? – спросил Сыч. Мур надломленным голосом ответил, «Нет». – Тогда запускай!

Впереди, прямо перед Муром, появились два жёлтых змеиных глаза. Тень бесшумной походкой, в мимикрирующем одеянии, медленно приближалась. Отблески костра и корни деревьев отражались на зеркальной поверхности. Мур застыл скованный ужасом.

– Ну! – пихнул напарника Сыч.

Тонкое остроё ткнуло его в спину, по телу в то же мгновение пробежала облегчающая теплота и умиротворение, руки чуть было не выпустили меч, поддаваясь на позыв блаженной неги и сна, но Сыч резко развернулся и отскочил в сторону.

Мура пронзил клинок, прошёл точно в середине грудины и вышел со спины, а тот-кто это сделал, даже не думал прятаться.

Тёмный силуэт вынул меч из Мура. Разведчик обмяк и мёртвым рухнул в палую листву, потом силуэт шагнул навстречу Сычу.

– Эх, Мур, – печально вздохнул Сыч, он вынул из потаённого кармашка, под правой рукой, ампулу с Противоядом – эликсиром от всех известных ядов, и быстро закинул её в рот. – Добрый ты был воин!

Сыч действовал быстро, резко уйдя вправо он, словно копьё, выбросил вперёд метательный клинок, а потом, плавно переходя в нижний вертел, мечом-саблей собирался вспороть врага снизу. Смертельная комбинация приёмов: пока противник отбивает летящий клинок, снизу его уже вспарывает меч. Но не тут-то было, тень не собиралась сражаться по конам людей, она просто ушла влево и сделала шаг назад. Потом тень оскалилась, сквозь мимикрирующую маску блеснули два ряда острых резцов, цвета стали и разочарованно покачала головой, как бы говоря: и всё?!

– Шустрая тварь! – зарычал Сыч и они сошлись.

Мечи звенели, выбивая искры, супротивники напирали друг на друга в безуспешных попытках нанести урон. Они хороши. Очень хороши. Их движения мягки и плавны и в то же время резки и смертоносны. Умудрённый опытом ветеран многих битв – человек, сразивший не одну сотню супротивников и неизвестный враг с юга. Непреодолимая сила против несокрушимой мощи. Звон стали разносился в тишине чащи неведомого леса.

Сыч старался не отходить от Мура, так как всё ещё надеялся схоронить мечника и забрать его прах назад на Рубеж, он думал взорвать капсулу – ослепить врагов на какое-то время и уйти незамеченным.

Минута шла за минутой, выпад всё время натыкался на блок, но вот Сыч, всё же изловчился и при очередном выпаде врага крутанулся на месте, отведя выпад вправо при этом смачно ударил желтоглазого в челюсть навстречу кулаком. Обычно, после подобного поединки падали, а желтоглазый лишь сделал два шага назад.

Разведчик тяжело вздохнул.

– Силён, гад. Очень силён, но и нас не дубиной делали, можем удивить!

Пока враг собирался атаковать вновь, Сыч осмотрелся, тени стояли вокруг безмолвно и неподвижно, наблюдая за поединком.

«У них есть понятия о чести», – мелькнула мысль, – «иначе, они бы толпой напали».

Желтоглазый атаковал.

Меч вроде бы пошёл высоким копьём, намереваясь пронзить Сычу правый глаз, как внезапно перешёл во вращение с выходом из нижнего вертела. Сыч елѐ успел увернуться. Не добившись успеха хитрым выпадом, желтоглазый плюнул и если бы Сыч не выставил руку, защищая лицо, то уже был бы мертв.

Яд разъедал кожу.

Так вот как погиб лучник!

Яд в глазах!

Сыч скинул перчатку, пока противник пытался оторвать вновь и сделал выпад.

Тварь ушла в сторону.

Однако, Сыч хотел именно этого, выхватив второй рукой ещѐ один кинжал, он со всей жгучей ненавистью, всадил его желтоглазому в грудь по самую рукоять. Пробил кольчугу насквозь, которая больше напоминала медную рыбу чешую и медленно провернул.

Стало заметно, как желтоглазый безмолвно открыл пасть под мимикрирующей маской и закатила глаза, потом он конвульсивно дѐрнулся и застыл.

Победа.

Сыч устало выдернул кинжал, вытер зелёную кровь о штанину, посмотрел на ближайшую тень, ту, что слева и приготовился к новой схватке. Но, прежде чем Сыч успел сделать ещѐ один вдох, падая, желтоглазый выпустил когти и в последнем, отчаянном порыве ударил Сыча по горлу.

Алая кровь хлынула безудержным потоком. Тело потяжелело, голова закружилась и Сыч упал навзничь в кучу палой листвы.

Эх, ма!

Он быстро зажал глубокую рану, – не время помирать, схватился за рукоять меч-сабли привстал на одно колено и попытался оценить обстановку.

Тени медленно приближались.

Тело Мура лежало рядом, только руку протяни. Его сумка, полная боевыми ампулами и сигнальными огнями чуть приоткрыта.

Сыч попытался встать, опѐрся на меч-саблю но ослабевшие от потери крови ноги подкосились и он тут же рухнул в палую листву вновь. Щека ощутила приятную прохладу дикого леса.

Силы кончились.

Жаль.

Тонкий ветерок щекотал ноздри ночной прохладой. Там, за кронами деревьев — звѐзды. Сыч всегда любил наблюдать за ночным небом. Случалось так, что он замечал, как одна звезда из синей превращалась в красную или зелёную, а однажды... – мысли его уносились дальше и дальше... – однажды, стоя на краю Рубежа с южной стороны, он увидел падающую звезду. Как ей хорошо – странствовать по небу, ни смерти, ни... стоп!

Рубеж.

Как я мог забыть!

Мой долг, моя цель – предупредить! Предостеречь!

Сыч резко открыл глаза.

Схватив сумку Мура, разведчик вынул одну нужную сигнальную ракету и воткнул в тлеющие угли.

Запал вспыхнул, осветив приближающиеся силуэты.

Руки дрожали, кровь фонтаном хлестала из открытой раны.

Три мига до старта длились словно вечность.

Но вот алое пламя, стремительным метеором, взметнулось ввысь, заставив окруживших разведчика врагов присесть от испуга.

Всѐ!

Сыч рухнул на спину.
Теперь, пусть добивают...

Рука безвольно упала на, полную сигнальными огнями, сумку, охладевшее тело Мура лежало рядом.

Негоже его так оставлять, – промелькнула мысль, – Мур мальчишка совсем. Юнец.
Нет, – остановил себя Сыч, – он разведчик и тело его супостату не достанется! Не осквернится!

Уголёк от костра лежал совсем рядом, лёгкий ветерок, ровным порывом катнул его ещё ближе к раскрытой ладони Сыча. Старые боги не забыли о своих сынах, погибающих во тьме чуждого леса, и Сыч возрадовался этому. Голой рукой он схватил раскалённый уголёк. Боли почти нет.

– Я иду к вам, Старые боги! — шепнул Сыч и бросил уголёк в сумку.
Мощный взрыв сотряс тьму дикого леса.

*

Сим зорко вглядывался в тёмную даль южных джунглей, это его третья годовая вахта на стене и думается последняя. Денег, которые ему выплатят, наконец-то хватит, для выкупа красавицы Самины¹² из грязных рук тысячника Быстронога, тогда, невзирая на все тяготы и лишения, что они перенесли, судьба вновь соединит любящие сердца. Но до этого было ещё далеко. Три месяца и семнадцать дней.

Неподалеку, в свете ночных фонарей, дозорные гарнизона сторожевой башни 88 изнывали от праздности. Напившись вдоволь мёда, ратники играли в кости, восседая на бочках с синем пламенем¹³, и разыгрывали ставку в девять серебряных грифонов.

«Это моё месячное жалование!» – усмехнулся Сим.

Тому, как словяне расстаются с кровными деньгами, он удивлялся всегда. Ведь так можно и без штанов остаться, но в его случае, всё заработанное серебро хранилось в Новэе. Сим разрешил городской экономической палате использовать его накопления, и к концу года, рента, за пользование добавит к уже заработанным, ещё пару десятков серебряных монет.

– «Да, это правильно», – рассуждал Сим. – «Деньги должны работать».

В том, что палата непременно их отдаст, сармат ни на секунду не сомневался, потому как каждая из аккредитованных в Ярилгороде подобных заведений, получали право, при займе от вкладчика, давать тому слово от лица князя, что последние получают свои деньги назад в полном объёме, да ещё и с прибылью. Уж этим палата обеспечивала себя сама, иначе займы не принимала бы вовсе, а то, как Словичи держат слово, было лучшей гарантией возврата кровно заработанных средств.

Ратники наконец-то закончили расклад и, допив вино, принялись жарко спорить о честности банкующего, подвергая его действия сомнению, потому как выигрыш взял именно он.

Будет драка.

Сармат пошёл прочь, так же зорко вглядываясь на юг. Хоть словяне и были ему братьями, но всё же некоторые их поступки вызвали не то чтобы отвращение, но непонимание точно.

Спустя пару минут, он остановился.

Вдалеке, в еле видимом человеческому глазу месте, взвилась красная сигнальная ракета.

Сим протер глаза.

Алый огонёк никуда не исчез, лишь ненадолго завис над лесом, извещая об опасности. Выхватив рог, сармат со всей силы дунул, подавая сигнал тревоги, и кинулся к дозорным.

---

¹² Самина – возлюбленная Сима, отданная в гарем тысячнику сармат – Керю.

¹³ Синее пламя – взрывная, магическая, смесь. Уничтожает мёртвую плоть и плоть хищников, живым травоядным не причиняет вреда.

Огни в сторожевой башне 88 загорелись стремительно.

Гарнизон поднимался по тревоге, а огонёк, догорев, пропал в тёмной дали, не оставив от себя и следа.

Твердислав

Витязи по двое въезжали во двор княжьего терема, без приветственных вымпелов, без богато украшенных плащей и щитов одетые в простую кожу и походные плащи.

Когда младший брат Святополк соскочил с коня, а встречавший его старший брат Святослав приблизился, августейшие братья крепко обнялись. Князья, они длительное время стояли, не отпуская друг друга, словно, некогда монолитная часть была разделена на долгие годы и вот, наконец-то, воссоединилась.

Алый с золотом плащ великого князя Святослава, блистающий новизной, окутал, замызганную грязью, серую плащ-накидку, Святополка, изнутри блиставшую коричневым с зелёным – цветами Камнегорска.

Твердислав, спрыгнул с коня и приблизился к отцу со спины, рядом шёл и Ярополк, его младший брат. Княжичи, как и камнегорские витязи, были одеты в серые походные плащи, с гербовой символикой Даарии, и отличались от воинов лишь богато украшенными навершиями мечей. Кожа на них была, самая что ни на есть, обычная, правда выделана лучше, чем в Ярилгороде – в Камнегорске кожевенных дел мастера искусней.

Твердислав задумался: да дома всё лучше, и еда и вода и лес, он взглянул на свои чёрные кожаные сапоги, поправил коричневый дублет, под кожаным защитным щитком, стряхнул с чёрных штанов, свободного покроя, прилипшую грязь дорог и принялся терпеливо ждать пока правила этикета позволят поздороваться с великим князем, а по совместительству – с дядюшкой Святославом.

Расцепив объятия, августейшие братья, наплевав на этикет, расцеловались с племянниками и не желая терять ни минуты, предложили всем проследовать в терем, после чего удались. Наконец-то настала очередь Твердиславу обнять Градимира с Ладой, лишь Волибор, коротко поклонился и ушёл, не дождавшись рукопожатий.

Градимира стоял напротив разодетым в богатый алый с золотом кафтан, и весело улыбался, как и Лада.

Собственно, все старшие Словичи, оделись в один цвет – эдакая алая армия встречала на пороге общего пристанища рода Словичей.

Лада повзрослела, расцвела. Алый сарафан облегал стройный стан сестры, подчёркивая её женственность. Скоро под венец, догадался Твердислав лишь интересно: за кого? Есть ли кто достойный Лады? Достойный её великодушия, её безграничной верности и чуткости, той глубины родовых и духовных скреп, которые пронзают естество необъятной близостью духовных воззрений и стержневых характеров, и всё это присуще в большей степени лишь Словичам. Думая об этом, Твердислав искренне радовался за двоюродную сестру.

– Брат! – Градимира раскрыл объятия и Твердислав крепко обхватил его в стальной хватке. Лада не стала дожидаться и присоединилась к братьям, притянув скромного Ярополка.

Вот так они и радовались встрече, все, вчетвером не отпуская друг друга из кона объятий весело подшучивая и говоря добрые слова. Когда они расцепились, Твердислав спросил Градимира:

- Чего с Волибором такой? Почему он сбежал?
- Не обращай внимания, Волибор в последнее время сам не свой.
- Переходный возраст?
- Похоже.

В ворота терема въехала, сверкая металлическими ободами больших колёс, укрытая мехами карета, когда она остановилась, служка парень подбежал, приоткрыл дверцу, опустил закидной трап и вежливо протянул внутрь руку.

Княжна Ольга, младшая родная сестра Аппелагеи, величаво вышла из кареты и спустилась по трапу на мостовую. Чёрное, приталенное, платье колыхнулось с порывом ветра. Вуаль скрывала лицо. Стройная высокая, длинные чёрные волосы уложены на затылок в замысловатую причёску и меч. Не какой-то там полуторный и двуручный а настоящий акинак фемискирской фурии из чёрной стали, висел на поясе в кожаных ножнах.

Твердислав печально усмехнулся: даже сейчас, когда Ма уже больше тридцати лет не является фурией, грозная воительница ещё жива в ней. Она кроется там, в глубине всех этих шелков эльфов и княжих мехов, за парчой и драконьей кожей, за всеми этими: Твердислав! Милый! Пока вставать! – и ежели ты не отзовёшься, то фурия вырвется и того и глядишь окажешься облитый ведром колодезной воды или вышвырнутым в одном исподнем на улицу в колючий снежный сугроб.

– Наши отцы уже ушли, очень спешно, есть нечто важное, – Градимир отвесил полупоклон, извиняясь за князей, и приготовился поцеловать княжне Ольге руку, как Ма, сделал шаг навстречу. Она крепко обняла Градимира, потом подозвала Ладу и заключила в объятия.

– Мои милые, – лепетала она, – мне жаль! Мне так жаль...

Радость встречи омрачилась поводом.

Твердислав, к его несказанному стыду, чуть не забыл, зачем он так спешно прибыл в Ярилгород. Зачем гнал коня и спешил навстречу.

Градмир застыл, а Ма и Лада разревелись, не скрывая эмоций. Они говорили что-то друг другу, вытирали слёзы друг у друга, при этом успевали что-то высказать Градмиру и не выпускали его от себя. Брат стойко выносил женскую скорбь, вначале обнимая женщин, но когда поток слёз стал нестерпим, вытащил платок, чуть отодвинулся и предложил его дамам.

Лада вырвала его у Градимира и со словами: чурбан бездушный, – потащила княжну Ольгу в сад, где они в покое и тишине смогут горевать и оплакивать, одна – сестру, другая – маму.

– Мне жаль, брат, – Твердислав положил руку Градмиру на плечо.

– И мне, – тихо отозвался Ярополк.

Градмир молчал, он хмурил брови, губы его сжались в тонкие линии, которые не могли скрыть даже небольшие усы и аккуратная бородка. Капля слезы накатила в глаза, но брат моргнул, слегка улыбнулся, кивнул самому себе и твёрдо ответил:

– Нам пора. Благодарю братья. Оставим скорбь скорбным мгновениям, а сейчас нас ждут государственные дела. Сегодня Светозар общался с триумвиратом Гипербореи. Мы ждём мага великана.

Твердислав немного опешил от столь резкого преображения Градимира из безутешно-скорбящего по матери сына в государственного мужа, что отступил чуть назад и открыл от удивления рот. Ситуацию спас Ярополк. Он, со всей присущей младшему брату непосредственностью задал один, нужный, в данном случае вопрос:

– Кого-то конкретного?

Градмир пожал плечами.

– Наверное, правда, я не ведаю кого именно. Зато знаю, тебе, Твердислав, тоже скоро предстоит путь неблизкий.

Секунда общения дала Твердиславу время прийти в себя и поддержать беседу:

– Это поведали гиперборейские маги?

Градмир улыбнулся, от него не скрылась испытываемая Твердиславом неловкость, поэтому он не стал обострять на этом внимания, а просто предложил добродушным тоном:

– Пойдёмте скорей в тронный зал, отцы сейчас всё сами расскажут. Гадать не по мне.

Твердислав кивнул, потом подпихнув младшего брата вперёд, двинулся за Градмиром.

Отцы, уже в тронном зале и княжичи ускорились. Ярополк немного отставал, изредка, переключаясь на бег.

– Ну, как поездка, – переключился на нейтральную тему Градимир, – сильно промокли? Перед входом в Ярилгород разразилась гроза и младшие Словичи крепко подмокли.

– Есть манёха, – усмехнулся Твердислав.

– А почему Волибор не пошёл на совещание? Его не позвали? Молод? – подал голос, идущий позади Ярополк. – Может и мне нельзя?

Градмир остановился, развернулся и положил руку на плечо брата так, чтоб прихватить затылок. Заглянул в глаза Ярополку, а потом тихо, но твёрдо произнёс томном, которого от старшего брата, Твердислав, ну, никак не ожидал услышать:

– Ярополк, не переживай зато. Просто спесь, не более. Идём вместе, ты имеешь право знать о происходящем.

Твердислав призадумался, Ярополк одногодок Волибора, но подобного неуважительного отношения к окружающим, чтобы уходить, не пожелав здоровья или игнорировать важные государственные или семейные дела, не просматривается, тем паче, ему некогда являть миру свои хотелки, день Ярополка расписан поминутно, тренажи обучения тренировки. Вот собственно и весь распорядок.

У самого Твердислава было несколько иначе, вначале тренинги, потом обучение, обучение и ещё раз обучение. Матушка, в данном плане, насаждала сильно. Помимо главных наук, его обучали дипломатии, культуре и языкам, но Ма ещё настояла на изучении этики и танцев, что в корне не вязалось с мировоззрением Твердислава. Ну, в крайнем случае, этика, посему, от занятий танцами, он с успехом уклонялся.

Ярополк смущённо улыбнулся, Градимир улыбнулся в ответ. Он похлопал брата по плечу, подмигнул, и они все втроём двинулись дальше.

Тронный зал полон.

Все старшие воеводы и маги направлений тут, по стенам развешаны вымпелы правящих родов: Голубые с жар-птицей вымпелы дяди Святослава, зелёные с коричневым ромбом – герб Камнегорска, ломаная синяя линия на коричневом фоне символизирующая великий разлом – стяг Береста, Т-образный шлем на оранжевом закатном небе – символ Вязи и многие другие, красные и синие, жёлтые и зелёные, белые и лазурные, много множество – все рода и крупные города Даарии.

Огромный резной стол, за которым сидело знатное собрание, обставлен стульями из белого мрамора, эдакие, древние реликвии. Крайне неудобные для седалища, – решил для себя Твердислав, но подходящие для атмосферы встречи.

На стенах горели факелы с золотым огнём. По периметру и у дверей, в серых балахонах и капюшонах, скрывающих лица, располагалась вся Велизарная сотня – личная княжеская охрана, составленная только из магов-воинов.

Светозар в белом одеянии, горячо обнял Святослава и не менее радушно и с любовью поздоровался с ним и Ярополком.

– Что сынки, устали с дороги? – весело спросил старец.

– Нисколько, – ответил Ярополк.

Храбрится зараза, а ведь недавно сетовал: задница устала от седла, да спина ноет от постоянной многочасовой скачки, – подумал Твердислав, но брата не сдал, просто улыбнулся и занял своё место, брат разместился рядом.

Светозар вернулся в голову стола и окинул взором высокое собрание, все в сборе, кроме Волибора, разумеется, затем присел возле дяди Святослава, напротив отца, и, подняв руку, добился полной тишины.

Двери в бесшумно закрылись, двое велизарных заняли пост перед входом, окутав тронный зал звуконепроницаемым куполом, после чего, словно продолжая старый разговор, глава Чудо-камня молвил:

– Тана выехал, – Светозар сделал многозначительную паузу, Твердислав сразу, так на всякий случай, перебрал всех знакомых, имевших имя Тан и заключил; речь идёт именно о главе триумвирата волшебников Гипербореи. – Триумвиарий прибудет как обычный путник и не применит магию.

Отец, разумеется, задал вопрос:

– Но почему владыка Тана станет путешествовать как мы, простые смертные? Если он оседлает магического жеребца, то окажется тут уже завтра к обеду! Зачем терять время?

– Святополк, имеется мнение, – принялся разъяснять верховный старец Светозар, — будто тёмные силы, тайно, наблюдают за Чудо-камнем и Ярилгородом. В таком случае, велизарное перемещение из Гипербореи в столицу Даарии не скрыть. Мы же наоборот, хотим разобрататься в происходящем, выработать контрмеры и выяснить; кто конкретно нам противостоит именно для этого и нужна секретность.

Отец, пригладив короткую бородку, посмотрел на светлейшего брата.

– Ты ведь не думаешь, что древнее зло вновь обратило взор на наши земли?

Дядя Святослав отпил немного чаю и медленно ответил:

– Ничего нельзя сбрасывать со счетов брат. Порталы – магия очень древняя, изначальная я бы сказал. Некроманты или тёмные маги просто неспособны сотворить подобное.

Отец откинулся на спинку стула, обратившись к старцу.

– Светозар, помнишь, как три года назад мы чуть было не пленили сильного тёмного мага, – старец кивнул. – И ты знаешь, кем и как он распорядился, – опять кивок. – Возможно ему, помимо управления змеем, удалось овладеть и знаниями о порталах? Ведь общеизвестно: исключительно Грот-магам подчиняются подземные змеи.

– Это часть правды, – не согласился Светозар. – Из мира живых лишь могучий тёмный колдун, способен подчинить себе подобное существо как поземный змей. Жаль, что вам не удалось поймать этого колдуна для допроса.

Твердислав недоумевал.

Очевидно, говорили про пленённого подземного змея, который решил проникнуть в лабиринт Камнегорска, уж зачем, лишь старым богам известно. Когда его обезвредили и запечатали вход в верхний чертог¹⁴, а рукав шахты, по которому рудокопы случайно напоролась на подземный мир, затопили, принялись искать причины произошедшего.

Да, шуму эта подземная тварь наделала много, и рудокопов погибло от пламени не мало, но вот что выяснилось в ходе расследования, так это то; что один из клерков горнорудной компании, занимавшейся в кручи Кладезя разработками, целенаправленно поменял курс добычи. В результате, множество рудокопов проникло в запретные зоны – на предельную глубину в четыре версты, там-то они, в одном из множеств нерегламентированных рукавов, и проломил свод верхнего чертога. Сам же клерк, которого после оценили, как тёмного мага, пропал и, разумеется, избежал дознания, а светочам Камнегорска пришлось приложить немало усилий запечатывая вход в один из многих путей, ведущих к подземному царству, да к тому же переловить подземников, вырвавшихся вместе со змеем в шахты, а это, я вам скажу, было ещё той задачей!

– Вот мне и подумалось, – продолжил отец. – Вдруг это его козни?

---

¹⁴ Верхний чертог – структура Подземного мира, в той части, где подземные границы сблизились с миром живых, и представляют собой проходы в мягких слоях почвы, которые проложены в обход скальных образований, до границ гранитных пластов. Там, под гранитом, в надежде, что алчность живых выведет их шахты к подземным проходам, бесы ладили Чертоги или пункты временного размещения войск. Как правило, Чертог располагали под предполагаемыми залежами полезных ископаемых, так шанс на столкновение с алкорами возрастал. Чертог вмещал до тысячи вооружённых подземников-бесов, упырей или вурдалаков, погружённых в долгий сон, до момента, пока живые не наткнутся на чертог подземного мира. После, гарнизон чертога слал сигнал в подземное царство и к входу в мир живых выдвигались подземные армии для жатвы. Возведено до полутора миллионов чертогов под всей материковой частью Пангеи.

– Ничего нельзя исключать, – улыбнулся Светозар, – и в твоих словах есть правда. К тому же я убеждён, великаны сохранили знание о порталах, посему, смогут помочь нам изловить их создателя для справедливого суда, – отец развёл руки в стороны, соглашаясь с доводами старца.

– Но это не единственный повод нашего собрания тут, в столь широком составе, – взял слово князь. – Агриппа, можешь начинать доклад.

Могучий воевода, в богато украшенной кольчуге на центральной пластине которого красовался герб Береста, понимающе поклонился, встал и, громогласно, начал:

– Уважаемое собрание. С недавнего времени, и по получении исчерпывающих доказательств, могу вам сообщить о вербовке нашего посла в Вингии западными нанимателями. По имеющимся сведениям, посланец угодил в ловушку к ростовщикам, чем не преминули воспользоваться люди некоего герцога Маргемана, находящегося в дальнем родстве с правящей династией Эйлестеров. – В зале послышались негодующие выкрики, но грозный взгляд князя в мгновение восстановил тишину. – Предательство посла открывает нам хорошие возможности в плане успешной контрдезинформационной игры. Однако, у перебежчика есть небезосновательные опасения о том-что его раскрыли и этому имеется ряд, как я уже сообщил, доказательств. Прямо сейчас, люди Маргемана пытаются создать неоспоримое алиби для посла-предателя чтоб удержать на занимаемой должности.

– И мы ему позволим? – спросил Святополк.

– Безусловно, – кивнул Агриппа. – Поэтому, определить степень доверия создаваемых доказательств и подтвердить наше неведение, можно лишь на месте. Для подобного хода нужен такой инспектор, в ком мы никогда не станем сомневаться, ибо игра будет грязной и очень хитрой. Наш человек должен обладать не дюжими постижениями о тех местах, и ведать противника, так сказать, в лицо. Уверен, – и с этими словами Агриппа пристально посмотрел на Твердислава, – княжич Твердислав единственный кто годится для этого задания. Его компетентность и знатное происхождение, подтвердят высокую степень нашей озабоченности имеющимися опасениями в адрес подозреваемого посла.

Поднятая с недопитым чаем кружка застыла в руках, вот так сюрприз!

Вингия!

Неужели он окажется там! Неужели воочию увидит великий чертог Одина и академию молниемагов Тора! Неужто удастся поближе познакомиться с грозными воинами вингами и побродить по древней Валгалле, словно во сне Твердислав услышал свой пылкий и полный энтузиазма выкрик:

– Я согласен!

Агриппа удовлетворённо улыбнулся, а отец обратился к великому князю.

– Брат, мы только прибыли, я думал, сын погуляет на тридцатых именинах своих брата и сестры?! – отец говорил о близнецах Градимире и Ладе.

– Твердислав, – молвил Святослав, – отправится в «Северную Звезду» ровно через сто шестьдесят восемь часов и после пира в честь дня рождения Градимира и Лады, разумеется. К этому моменту, великаный Догонг будет готов к плаванию, времени останется лишь на велизарный переход до северного оплота. Как мне сообщил Светозар, на борту корабля Твердислава будет сопровождать ни кто иной как гиперборейский маг.

– Кто из? – уточнил Святополк.

– Это сюрприз, – ответил Светозар. – Триумвират не назвал имени, лишь сообщил; наставник и защитник княжичу будет вполне компетентным. К тому же великаны и сами хотят более близко познакомиться со скандинавами, винги неоднократно наталкивались на догонги, считая их драккарами Одина, поэтому гиперборейцы хотят положить конец начавшейся суеверной неразберихе.

– Несут свет, как всегда, – усмехнулся Ярополк.

– И развенчивают невежество, – укорил отец. – Сын, ты должен понимать разницу между искренним уважением и суеверным поклонением, – лицо Ярополка покрыл румянец смущения и он потупил взор.

– Хорошо, – громко сказал Данила Большерукий, – если будет позволено, то хотел бы уточнить про вторжение пхазар, – после этих слов главный воевода полностью завладел вниманием отца и не только его. – Обстановка в корне изменилась. Пхазары уже в Утес-Улы, и судя по их развёртыванию, закрепляться для дальнейших набегов вглубь наших территорий там не намерены, а стало-быть, и я это вполне допускаю, рассчитанный ранее Градимиром стратегический анализ вероятных действий противника начинает сбываться.

– Какой? – уточнил Святополк.

– Позже, – сказал дядя Святослав.

– В связи с этим, – продолжил Данила, – прошу тебя светлейший приписать к главному штабу наследного княжича Градимира. Его нестандартное видение позволит нам более объективно рассматривать сложившуюся обстановку.

– Добро, – ответил Святослав. В зале наступила тишина. – На этом всё, – поднявшись, произнес он. – Идите и располагайтесь в гостевых покоях, а вечером жду у себя, на званый ужин в вашу честь.

Штаб пришел в движение, воеводы и маги бойко друг с другом переговаривались, проходя мимо к выходу, внезапно, среди гомона голосов, Твердислав невольно услышал разговор, пока остановившись, дожидаясь окликнувшего его Градимира.

– Когда ты отбываешь? – спрашивал незнакомый маг Агриппу.

– Через пару часов. Берест¹⁵ и так долго без меня, неравен миг, послы перегрызутся меж собой.

Маг усмехнулся, стоя к Твердиславу спиной.

– Тогда в путь, старый друг, мне ещё нужно вернуться и довести до северного оплота Словича, – Агриппа обнял мага за плечи и поволок из тронного зала.

– В таком случае, не будем терять ни минуты, мне никогда не нравились эти ваши магические кони, уж лучше по старинке, да и... – голос воеводы растворился в общем шуме, а Градимир приблизившись, хлопнул Твердислава по плечу.

– Ну, что застыл словно в гостях! Пойдём, покажу твои апартаменты, – и братья направились к выходу, весело хвалясь друг перед другом новыми назначениями.

---

¹⁵ Берест – западная столица Даарии.

Бурун-хан

Странно. Почему нас не атакуют? – въезжая на опустевшие улицы Утес-улы, Бурун-хан никак не мог отогнать тревожное чувство.

Северяне полны сюрпризов.

Где их приграничные армии?

Две с половиной тысячи воинов, которые встретили хановы войска в поле, не в счёт, но, похоже, именно благодаря этим самоубийцам жители Утёс-Улы успели скрыться в степи, а вот защитникам не удалось.

Хан с удовлетворением напомнил себе, как это было...

Визар-буруны¹⁶, закрутив карусель, три дня в подряд истребляли, укрывшихся за щитами, воинов словян, пока не уложили всех, а потом зарубили кинувшихся в последней и безумной атаке несколько десятков, уцелевших под градом стрел, фурий.

Лучше чтобы это было всё чем словяне могут сейчас ответить.

Должно быть так.

Бурун-хан пытался себя успокоить.

Но руки, предательски, продолжали дрожать.

Если силы противника не подавлены, то на улицах города, в проулочках, в каждом уголке ярмарки пхазар ожидает страшный бой. В таком случае, Утёс-улы придётся спалить, вернувшись домой с пустыми руками. Но сопротивления не было.

Город пал.

Воины мародёрствовали, вскрывая закрытые амбары и доставая оттуда, припасенные для торгового товара. Дома, питейные заведения, гостиницы, всё было пусто, лишь небольшая часть западных и скифских купцов осталась в покинутом словянами городе, теперь, дабы сохранить своё имущество от оголтелых визар-бурунов, торгошки добивалась аудиенции.

Бурун усмехнулся.

Посмотрим.

Но вначале в шатёр. Хочу отдохнуть.

С момента вступления в ярмарку, Бурун отдал приказ грабить всех кроме скифов и финикийцев, с которыми он не желал ссоры, ему и северян вскоре будет достаточно, но вот где сбыть рабов, коих планировали привести несчётно, это считалось главным вопросом. Для сего подходили временные союзники Финикийцы и бронские купцы, посему, пока и тех и этих не выпотрошили визары, торгошки испросили величайшей аудиенции и ждали снаружи шатра.

Хан поел сытно, получил доклады от тумен-баев о продвижении войск по городу и текущей обстановке, полюбовался завораживающим танцем любимой наложницы и наконец, решил поговорить с торгошками.

Слуга принёс очередную пиалу с чаем, хан, отпив немного, закрыв глаза, дал себе минуту покоя и наслаждения, перед разговором.

Я взял Утёс-улы...

Рядом с Буруном, по обыкновению, возвышался визар-садд-Бора – шпион Хана-ханов, так называемого Бора-Хана, владыки всех пхазар, правителя – Туман-сарая.

– Ну, – подтолкнул хана к решительным действиям, саддаккар. – Долго ещё будешь заставлять их «кизьяк нюхать»? Торговцы ждут. Скоро визары ошциплот складовые, войска

---

¹⁶ Визар – наёмник пхазарянин (пхазар). Может служить разным ханам на протяжении своей жизни. В войске Бурун-хана их звали визар-бурунами, по имени хана предводителя.

начали грабить город. Если решимся вести дела с этими торгашами, то действуй сейчас, – дай им яндак¹⁷, каждому, пока не поздно, или ты передумал?

Бурун нарочито медленно отпил из пиалы и пригладил усы, темная капелька скатилась на богато-украшенный узорами из изумрудных нитей халат, цвета слоновой кости и медленно сползла на грудь, где красовалась увесистая золотая цепь.

– Во-первых, не наши, а мои визары. А во-вторых, я решу с кем торговать пленниками, а с кем нет.

– Засунь свою гордость подальше, Бурун-хан! Я – визар-садд-Бора и Великий хан доверил мне командование наравне с тобой. Войско общее, оно – нашего государства и нашего Великого лунноликого хана и пришли мы в Даарию только с одной целью, не я эту цель поставил, это сделал ты. А вот как добиться успеха уже в моей власти, и если в своих амбициях ты, западных хан, зайдешь слишком далеко, то я остановлю тебя именем Бора-хана!

– Ну-ну, – немного сбавил обороты Бурун. – Остынь саддаккар. Чаю выпей, не спеши... а я, пожалуй, соглашусь с твоим мнением и дарю торгашам яндаки.

Подав сигнал нукеру, хан велел впустить чужеземных купцов.

Полог приподнялся, и трое иноземцев вступили пыльными сапогами на мягкий ворс пхазарского ковра. Определенно они представляли группы торгашей, оставшихся в Утес-Улы и имели полномочия на подкуп завоевателей ради права на продолжение торговли.

Финикийца можно узнать сразу: под два метра ростом, на голове, скрывая отсутствие волос, коническая шапочка белого цвета и обязательная семиконечная звезда на правой её половине. Длинная пурпурная рубаха, с полосками разного цвета в соответствии со статусом и родом происхождения. В данном случае, цвета были – две желтые полосы, между ними белая, это означало – посол из черни. Такому даже яндак давать не обязательно!

Все торгующие в Пхазарии купцы имели одну, а то и две золотые полосы и были чуть ли не родней финикийским правителям. Подобный низкий статус торговли Финикии с Даарией говорил одно: скоро война.

Второй торговец, в богато украшенной, голубой свите с распашным, длинным рукавом, не по годам высокий, безусый брончанин. Он, скинул тёмную, отливающую голубой соболиной статью, горлатку¹⁸ и поклонился, глядя на собственные чёрные сапоги.

Третьего торговца хан не узнал.

Невысокого роста, смуглый, гладко выбритый с двойным подбородком, который увенчивал широкий золотой нашейник ариев – знак высокого статуса в торговле именно на территориях Аррии, сшитые из козьих шкур рубаха и длинные штаны сидели плотно облекая жирное пузо и толстую задницу, на ногах Даарийские чёрные сапоги блестели новизной.

– Кто ты? – спросил Бурун. – Чьего рода-племени?

– Он сын Стана Полей – великой столицы кочевого племени Брутов из Брутании Триморья¹⁹.

– А-а-а козопасы, – усмехнулся Бурун. – То-то шлюхой пахнуло.

Брут приподнял бровь, и вновь заговорил о себе от третьего лица:

– Он знатного происхождения, его мать – третья осьмица пятой Опойи²⁰ праотца Верховного пастыря Брутании!

– Как угодно, – Бурун с отвращением махнул рукой. – Ну, раз мы разобрались, и ублюдков здесь нет, говорите торгаша, чего хотите у меня выпросить?

¹⁷ Яндак – круглая, железная печать на право торговли в Пхазарии и её сателлитах. Обладателя яндаком торговца грабить запрещалось.

¹⁸ Горлатка – высокая шапка, сшитая из чёрных соболей.

¹⁹ Триморье – область трёх морей, сейчас занимаемая Средиземным морем.

²⁰ Третьей осьмицей пятой Опойи – так как цифровое выражение у финикийцев было до восьми, то считалось как: десятый ребёнок у пятой жены Главного вожака Брутов – Верховного пастыря

Первым ответил финикиец.

– Мой народ богат и славен, нам нечего делить друг с другом. Мы никогда не забирали ничего друг у друга, продолжатся ли эти славные времена?

Бурун-хан утвердительно кивнул.

– Павильоны с вашим гербом мы не станем грабить и вы – финикийцы, получите яндаки.

Торговец низко поклонился.

– Прошу и его добро не изымать о, Великий хан, – взмолился брут, – ибо видит он хорошие перспективы торговлей пушниной и рыбой, козым мясом и рожью.

– Этого мало козопас, – усмехнулся Бурун. – Все твоё добро, моим повелением, отдано визарам, и никому не дозволено лишить их добытого в набеге!

Торгаш-брут сильно забеспокоился, а вот брончанин напротив, смотрел бесстрашно и с вызовом. Тогда хан велел бронскому купцу держать слово.

– В отличие от других торговцев, я понимаю: мой товар уже ваш, но я ведал куда шёл, и ведал риски которые могут возникнуть, однако, – брончанин сделал многозначительную паузу, – однако... выгода, от нового дела, которое я предлагаю, покроет все твои затраты, Бурун-хан на сей поход и даст тебе то, чего ни у одного хана не было с начала времен.

– И что же это? – заинтересованно спросил Бурун.

– Луггород.

Бурун и саддакар переглянулись, один с недоверием, другой с алчным блеском.

– Говори! – велел визар-садд-Бора.

Бронский торговец вновь поклонился и ровным голосом продолжал:

– Ваш набег, скорей всего, продлится недолго, я бы сказал: ровно до того момента, пока рати двух оплотов «Дальнего» и «Росток» не придут. Когда они явятся то сокрушат вас, перебьют пехоту, отнимут коней у всадников, а кишками удобряют южную степь. После такого поражения, ты – Бурун-хан уже никогда не сможешь восстановиться и со временем, какой-нибудь бек или даже бай бросит тебе, как покрывшим себя позором поражения хану, вызов и, наверняка, – брончанин кивнул на выпирающий живот бурун-хана, – победит.

Глаза Бурун-хана наполнились кровью и он собирался было закричать что-то вроде: Убью! однако брончанин громко и отчётливо закончил свою мысль, останавливая порыв вспыльчивого хана Буруна:

– ...но, Даарийцы могут и не сокрушить вас, если ты – Бурун хан сделаешь одну вещь.

Буруна распирало от желания самолично отрубить башку этому бронскому выскочке, выпустить кишки и содрать кожу, затем оживить и повторить всё сызнова, но что-то в этом бронском нахале ему нравилось и интриговало, причём на столько, что Бурун-хан сам с удивлением услышал свой голос и то, что он услышал, ну, никто не ожидал, в том числе и сам Бурун.

– Хорошо, говори. Живо!

– Сначала обговорим условия дела и мою выгоду, – нагло отмёл приказ хана брончанин.

Недолго думая, саддакар вынул тяжёлую саблю и обезглавил сидящего рядом с брончанином ничего не подозревающего брута, а затем медленно подвел лезвие к шее самого наглеца брончанина.

– Вам не запугать меня, – спокойно ответил он. – Повторяю: я знал куда шёл.

Бурун по-новому оценил этого выскочку торгаша: не робок, не в меру наглый и расчетливый. Он поставил голову на недовольство Буруна добытыми трофеями в Утес-Улы, поэтому, пользуясь моментом, предложил другую возможность получить много золота и рабов.

Бурун-хандал сигнал саддакару повременить с расправой, в конце концов, это же интересно: чего такого может предложить торгаш, что пхазары вдруг начнут благоволить брончанам? Да и голову срубить всегда успеется.

Визар-садд-Бора вложил сталь в ножны, отошел за спину Буруну и замер.

– Слушаю, – грозно проговорил Бурун-хан.

– Благодарю мудрейшего из ханов, – в словах брончанина проскользнула лесть, но лишь на миг, далее он продолжил в своей наглой манере. – Условия Бронска просты: все рабы, добытые в этом походе, будут проданы через нас, – хан приподнял бровь. – Цена назначаться нами во время торга тут, в Утес-Улы. Ваша часть добычи – шесть монет из десяти.

– Наглец, – усмехнулся Бурун. – Девять из десяти.

– Нет, будет шесть. И прежде, чем ваш ручной саддаккар снова вынет кривой меч, я объясню твою выгоду Бурун-хан. Можно?

Хан нарочито медленно зевнул, показывая увядающий интерес к беседе. Увидев это, брончанин продолжил:

– Итак, визары торгуют рабами – абы как, их легко обмануть, думаю, это не секрет, но вот где теряешь именно ты хан, так это на перемещении рабов в Караван-сарай. Ты их кормишь, платишь охране, потом сбытчику и ханский налог – оброк на торговлю, всё это в совокупности отнимает у тебя треть. Дальше, от оставшихся двух третей ты отдаёшь в казну Пхазарии половину, итого – из десяти монет, в лучшем случае, у тебя останется три. Продавая рабов в Даарии, ты платишь в казну лишь то золото что награбил, – на этих словах брончанин повернулся к саддаккару, – я верно сказал?

– Верно.

– Значит, торговля вне территории Пхазарии не облагается обязательно платой, верно?

– Верно.

– Но, тебе, хан Бурун, нужно будет поделиться с казной десятой частью и от этого не уйти, однако, не измотанные долгим переходом рабы будут стоить много дороже, и они все уцелеют и принесут тебе прибыль прямо здесь, в набеге. Поэтому ты, на полных основаниях, отдав одну монету из десяти Великому хану, сможешь распорядиться девятью оставшимися. Наше вознаграждение за организацию торгов, транспортировку, охрану и кормежку твоего «товара», всего три монеты из девяти, ну, и мы будем продавать рабов партиями, такими чтоб влезли на наши барки. И ещё, часть из этих трёх уплаченных нам монет вернётся тебе назад – как плата за пользование торжищем в Утес-Улы, за награбленную тобою еду и за охрану нашего покоя. Все в прибыли.

– Откуда в тебе столько наглости? – спросил хан.

– Из вольного города, разумеется, – развел руками брончанин. – Но это ещё не всё. После того как не проданных в Утес-Улы рабов погрузят на корабли, мы отправим их в ваш порт Караван-сарай для доторговли, вы, как хан этого города-порта и окружающих территорий, беспрепятственно и без оброка дадите это сделать. Мы уже обговорили первые сделки с финикийцами, и они будут приводить корабли прямых покупателей, либо сами повезут невольников из Караван-сарая туда, где рабы сильно требуются. Выгода наша как торговцев – мы платим оброк Пхазарии только раз, в Караван-сарая во время передачи рабов конечному покупателю, а не дважды как сейчас: в ярмарке Утес-Улы и в порту Караван-сарая. Выгода Пхазарии – оброк и десятинка из Утес-Улы по высоким, трехкратным, ставкам. Выгода Бурун-хана – шесть монет из десяти с одного пленного вместо трёх. Все довольны, и даже конечный покупатель, получивший рабов полных сил, а не измотанных долгими переходами, голодом и болезнями.

– И кто же этот, твой конечный покупатель? – заинтересовался саддаккар.

– Это в условия сделки не входит, мы, брончане, не выдаём свои рынки.

Бурун сделал жест саддаккару замолчать и заговорил сам:

– С нетерпением жду части нашего договора, где мне обещано волшебное средство для взятия Луггорода. И если это средство хоть на миг не будет мне столь интересно, чтоб я забыл о твоей несусветной наглости, то я обезглавлю тебя. Лично. Хочу, чтобы ты это уяснил, прежде чем начнешь, и раз тебя не запугать, то благодаря тебе, вольный город Бронск станет мне врагом на все времена, и каждый брончанин будет знать из-за кого.

Брончанин сглотнул, но продолжил смело.

– Значит, нужно этого не допустить. Так вот что мы, собственно говоря, предлагаем...

Бурун остановил грабёж ярмарки как и обещал, выдал всем торгашам яндаки, собрал войско и двинулся на восток. За городом, к ханову войску присоединились еще около двенадцати тысяч разного рода наёмников, работавших в охране караванов и разграбленных кладовых Утёс-Улы. Состояли они большинстве своём из скифов, но были даже рыцари Западного королевства – бывшая охрана брутов, немного финикийцев, и пару сотен брончан. Словяне, все как один, предпочли плен предательству. Данный факт, вызвал у Буруна искренне восхищение, тем не менее, пленники теперь товар, а у хана есть кое-что важнее. Все существо Бурунхана изнемогало от полученного предложения.

Неужели это осуществимо?!

Армия растёт, и когда он подойдёт к Луггороду, то малая орда увеличится в два с половиной раза, а это уже сила!

Неужели время настало?

Теперь нужно определиться, кого взять к себе в подмогу следующим летом, когда начнется истинный набег. Да, именно определиться, а не предлагать воздух и пыль, как любят это делать ханы. То, что он вскоре обретет, станет неимоверно весомее чем всё то, что сейчас есть у других ханов, и когда ханы это поймут, то сами станут набиваться к Буруну в союзники, так, как делают это сейчас мелкие отряды наемников, почувствовавшие легкую добычу. Пока же Бурун направил доверенных воинов назад в Пхазарию собирать и готовить клан, к предстоящему долгому и обещавшему невероятный успех походу на север.

Пока же, впереди был большой город словян.

Впереди был Луггород.

Градмир

На третий день после приезда дяди, поутру, княжич вышел на тренировочное поле. Серый камень ещё блестел ночным дождём в утренних лучах восходящего солнца, утренняя прохлада бодрила, как кстати. Градмир разогрел мышцы быстрой разминкой и принялся тягать чугунные чурки, развивающие мышцы рук.

У площадки фехтования, рядом с которой упражнялся княжич, находились стойки с мечами, копьями и булавами, чуть дальше, на стрельбище – мишени и подставки с луками и стрелами. Трава зеленела лишь по периметру тренировочного поля, там, где были установлены турники и пудовые гири, а также, напротив входа в терем, нёс службу воин Лютой сотни по имени Морнэон. Неподалёку, располагались лавки отдыха и кубовая бочка полная, остывшей за ночь, воды. Боевой конь Лютого, мирно пощипывал себе травку стреноженным и небольшая дымка тумана, придавала утренней атмосфере приятное умиротворение.

Спустя несколько минут, после начала тренировки, появились двоюродные братья и девица служка в коричневом сарафане с полотенцами, она остановилась у лавки, рядом с Лютым, и стала наблюдать за тренировкой со стороны.

Заголенные по пояс младшие Словичи, как и Градмир, были босы, и лишь в льняных широких штанах тёмного цвета напоминающие – исподние или по-иноземному – кальсоны. Твердислав схватил пудовую гирю, а Ярополк повис на турнике, делая жим.

Гиря в руках Твердислава ожила, она крутилась, перескакивая из одной руки в другую, то со свистом взлетала вверх, то полукругом уходила вниз, и так десятки раз. Ярополк крутил на турнике кольца, мигом взмывая ввысь и Соколом пикируя обратно. Градмир же, разогревшись, вытащил из стойки два тренировочных, полуторных меча и стал крутить, отрабатывая вертелы²¹ и шлифуя вихри²².

Вдоволь разогревшись, младшие Словичи и присоединившийся к ним Градмир, присели на длинную скамью, вытирая пот белыми полотенцами, которые подала служанка.

– Хорошо у вас, – усмехнулся Ярополк. – Солнечно.

– Тебе дома солнца мало? – удивился Твердислав.

– Конечно, – пожал плечами Ярополк. – Только подумай: когда тучка зацепится за пик Кладезя²³, и начнет плакать, дождь не кончится пока она не облегчиться и не перемахнёт через первую репейскую кряхту²⁴.

Градмир и Твердислав дружно рассмеялись.

– Не вздумай при Волиборе подобное сказать! – вытирая слезы смеха и немного успокоившись, молвил Градмир. – Иначе прилепит тебе ярлык нехороший. Ума хватит.

– Кстати, отчего Волибор какой-то злой? – спросил Твердислав.

– Тоже мне новость, – протерев лицо, ответил Градмир. – Переходный возраст, вот и бесится, девок портит, мёдом хмельным балуется. Представляешь, недавно, меня мужеложцем обозвал, из-за того-что я храню себя для той, одной, единственной.

---

²¹ Вертел – приём в фехтовании, когда удар наносится с уровня пояса: – хлестким движением кисти, лезвие меча описывает дугу вверх или вниз, в зависимости от намерений фехтовальщика.

²² Вихрь – приём в фехтовании, когда удар наносится с уровня плеч, во время резкого разворота туловища.

²³ Пик Кладезя – горная вершина у города Камнегорска, неподалёку от горы Кудькиной. Пик представляет собой угловатое скальное нагромождение гранита с ровной площадкой вместо вершины, высотой в полторы версты. Наверху словяне обустроили дозорный гарнизон и сигнальную башню – маги срезали пик и выровняли площадку, сделав удобной для использования. Внутри пика, магическим пламенем, выплавили шахту, установили грузоподъёмный механизм и вырубили по окружности трёхрядную винтовую лестницу-трап.

²⁴ Кряхта – горная цепь в Репейских горах.

- А ты? – заинтересовался Ярополк.
- Ну, а что я. Дал ему по шам. Жаль только, велизарные подле находились и вырастили ему новые зубы, иначе быть Волибору щербатым до конца времен!
- Братья вновь дружно рассмеялись.
- Князю сказал? – спросил Твердислав.
- Зачем? Он любит Волибора всей душой.
- Благородно и глупо брат, – Твердислав дружелюбно стукнул его в плечо. – Князь узнает, так или иначе.
- Но не от меня.
- И не от нас, – пылко, заверил Ярополк.
- Кстати, я тоже грешен, – усмехнулся Твердислав, – я познал усладу.
- Ого!
- Не то-чтобы я сожалел, брат, нет. Просто, думая о той ночи с прекрасной незнакомкой, я, иногда, на долю мига, жалею о своём высоконравственном воспитании.
- Подробности расскажешь?
- Как-нибудь в другой раз, Градимир. Зато Ярополк у нас образец стойкости, – он предпочитает тренировки, прям как ты, даже фурию одолел однажды.
- Да она уже в отставке была, – отмахнулся Ярополк. – Лёгкий бой.
- Слышал, фурии весьма недурны собой, неужто эта тебе не приглянулась? – шутливо, спросил Градимир. Ярополк пожал плечами. – А ты в курсе, что если ты не взял её первозданность, то мог оскорбить?
- Вот уж дудки! Ма подсказала, как поступить, и я принял старушку-фурию в свою личную стражу. Служба у меня, даст ей возможность искупить свой, так называемый, позор.
- А не та ли это рыжая бестия, которая одним ударом сбила с ног моего Лютого новичка? Его имя... – щёлкал пальцами Градимир. – ...его имя Узан.
- Прям Пузан! – хохотнул Твердислав.
- Ну, да, она и есть, – смущённо, молвил Ярополк.
- Тем славней победа над ней, – похвалил Градимир, – и твои разумные действия, после.
- Приходится, я ж не Твердислав-распутник!
- Шутка удалась, Ярополка повалили наземь, да приговаривая, будто ушей у него много, и всё это было как-то добро вот эти вот их отношения между старшим и младшим братом, не так как с Волибором, нет – спокойней и степенней что ли...да нет...просто, они близки – настоящие братья. Сзади хлопнула, обитая железом, двустворчатая дверь, Градимир обернулся. Из терема, вальжной походкой, в тренировочной коже показался Волибор.
- Вовремя, ничего не скажешь!
- Когда он приблизился, младшие Словичи еще боролись, весело подтрунивая друг друга.
- Смотрю, в грязи вам валяться не впервой! – пройдя мимо, зло сказал Волибор. Затем вынул тренировочный меч и, подойдя к Лютому, приказал. – Доставай меч Морнэон, сейчас мы покажем этим грязнословам из Камнегорска, как нужно фехтовать по-взрослому.
- Придержи язык! – вступился Градимир.
- А иначе что? – бравируя мечом, усмехнулся Волибор, – и меня в грязи вымажешь?
- Младшие Словичи прекратили бороться и, отряхнувшись, застыли, не зная как среагировать.
- Лишь твой язык, ему самое место в грязи! – вставая, сказал Градимир.
- Твердислав подошёл сзади, крепко схватив его за руку, не давая кинуться врукопашную.
- Пойдём Градимир, умоемся, чаю выпьем. Солнце встает.
- Градмир не сводил взгляда со среднего брата, ещё хоть одно бесовское слово, и он был готов кинуться вперёд, даже не имея в руках стали. Видя растущее меж братьями напряже-

ние, Морнэон приготовился действовать, взявшись за рукоять меча, но Твердислав настоял на своём, и Словичи, развернувшись, медленно пошли прочь.

– А ты в курсе какую дивчину Твердислав обхаживал? – иронично спросил Ярополк, и, не дождавшись ответа, показал объём талии любовницы.

Братья закатилась весёлым смехом, Твердислав, конечно же, попытался отшутиться, будто бы она вовсе была не слишком толста, но отчего-то ему никто не верил: братья смеялись, шутили и шагали прочь от Волибора – назад в терем.

Лютый, мельком взглянув на прекрасный восход, проигнорировал прощальный полупоклон монаршей особе, строевым разворотом шёлкнул каблуками и ушёл вслед за Градимиром, оставив злого Волибора одного.

Кингсбург – столица западного королевства

Огромный океан бушевал, волны набегали одна за другой, разбиваясь о защитный мол. Скоро настанет время зимних штормов, тогда об экспедиции на восток придётся забыть, во всяком случае, на какое-то время.

Внутри королевской бухты сотни кораблей армады сгрудились борт к борту, в ожидании выхода в море. Крейсера и галеры, бриги и шхуны, все ютились в тихой заводи, как сельди в бочке. Если шторм усилится, то придётся это добро вытаскивать на берег, иначе корабли просто-напросто разобьются друг о дружку.

Совсем недавно, часть этих кораблей вернулась из дальней экспедиции, и кто бы мог подумать, что один-единственный поход за третье море станет настолько успешен и тому есть несколько подтверждающих факторов. Помимо узревших мощь, Объединённого Западного Королевства, Финикийцев – которые сразу стали новыми лучшими друзьями, королевским силам удалось закрепиться на далёком песчаном берегу в вотчине рыжебородых²⁵ и не просто закрепиться, а взять большой город-порт Латаку.

Сама по себе победа достаточно неожиданная; Латака хорошо укреплённый город со стороны суши и моря, но рыжебородые давно не используют его по назначению, они более привержены внутиконтинентальному развитию, поэтому их государство развивается дальше на юго-юго-восток, в сторону гигантской реки Мхараты. Тем ни менее, относительная заброшенность Латаки, ни в коем случае не умаляет её значимости как торговой гавани.

Рыжебородые кочевники, с момента обретения собственно государственности, они граничили с древней родиной короля Георга, поэтому, частенько, помогали в тех или иных компаниях прародины, неплохо на этом зарабатывая. Теперь, рыжебородые – враги, и врагами стали не просто: они не пришли на помощь в трудный час, в годину, когда Лемурия истребляла Мпхарату. Теперь с них должок. Пока это будет Латака.

Отобранный анклав, станет тем рубежом, с которого, он – король всех королей Георг Эйлестер Первый, планировал воздать старым врагам по заслугам. Однако, до этого ещё далеко, нужно разрастись больше, подкопить силы и создать армию получше, чтоб не вступить в войну к которой не готов.

За последние сотню лет, Георгу удалось покорить все оставшиеся вольные города на побережье океана – то была славная компания, но начнём с самого начала.

Формирования Западного королевства началось тысячу лет назад, с приходом в Триморье неизвестного народа. То были выжившие мпхараты.

Первым на их пути стоял Мальтор, самый сильнейший и крупнейший из тринадцати вольных городов.

Мальторцы даровали беженцам приграничные земли на широком перешейке – две сотни акров в Африке, и пятьдесят в Триморье. Таким образом алчные правители Мальтора немного обезопасили себя с юга, подставив под удар диких африканских племён беглый народ, но лишь до того момента пока Георг сам не начал действовать.

А действовать он начал скоро.

В свой первый визит в Мальтор, Георг алчно взирал на украшенные золотом стены мальторского зала собраний, на изумрудные коридоры правящей Унии, на огромных павлинов, важно вышагивавших перед лежащими на подушках обнажённых прекрасных дам и на самоцветы Африки которые сияли в каждой вазе, в каждом кубке или столовой утвари что дер-

---

²⁵ Рыжебородые – ранее, кочевое племя. Земли рыжебородых расположены южнее ханства пхазар и с Даарией не граничили.

жали в рыхлых, от сладкой жизни, руках ожиревшие правители Мальтора. Они – три дюжины, сидели на перинах, каждый на своём постаменте, в ярких шелках, в золоте и с пренебрежением взирали на, как они считали, короля-попрошайку.

Сам же Георг, видя презрение в глазах правителей, говорил себе: скоро всё это будет моим. Скоро. Скоро я выпотрошу вас, жирные свинорылы! Да, скоро.

Но сейчас ему приходилось унижаться, сейчас он молчал, терпел и вынашивал вероломные планы. Сейчас он не может с шестью тысячами воинов, спасшихся вместе с ним из древней родины, выйти против полумиллионного города и семимиллионной страны. Его войска – это капля в море! Поэтому Георг, вначале, решил приступить к развитию полученных земель, воспроизводству собственного населения и разращению Мальторского королевства.

Да, именно так он и начал.

Он подкупал, он насиловал, он убивал, он лгал, много лгал и часто, он приносил жертвы чужими руками и натравливал мальторскую знать друг против друга.

Через пять десятков лет вспыхнул бунт.

Георг всячески поддерживал противостояние мальторцев не один век и однажды, призванный простым мальторским народом, да заручившись поддержкой нескольких влиятельных лордов Мальтора, Эйлестер, под миротворческими знамёнами, вошёл в вольный город.

Война закончилась тотчас, цена этому была – полное уничтожение всей знати Мальтора. Георг просто вырезал обе стороны конфликта, семьями и родами не пощадив никого. Он забрал их дворцы, он забрал их золото, он забрал их рабов и армии, он забрал себе всё.

С чернью Георг поступил честнее, он пообещал им снижение налогов и часть земли, ту, что отобрал у лордов Мальтора, после чего за знать никто из народа вступаться не стал.

После подобного кровавого проявления лидерства, лорды союзники, кто мог выступить против Эйлестера, в благоговейном трепете и ужасе склонились и присягнули на верность кровавому покорителю Мальтора.

Так Георг вновь стал королём.

После падения Мальтора последовала длинная и долгая объединительная компания, целью которой было становление королевства.

Следующим пал Тиакан – город золотого народа. Город находился на побережье Астлана и считался самым крупным портом, за ним Бульовиль – властитель горных цепей Швеца, потом Кросс-дер-кант равнинный город и многие другие, пока против Кингсбурга – новой столицы Западного королевства, не остался последний вольный город – Элларий, ныне переименованный в Шторн.

Там, Георг подкупил второй по богатству род эллариев и теперь они стали Шторнтонами, верными псами короны, а последний король вольного города убит и будет предан забвению.

И вот, когда города одиночки пали, перед Георгом стоят Аррии. Точнее королевство Аррии, многомиллионное, хорошо развитое, с древними традициями, сильное королевство.

Аррии безжалостные воины и в эпоху покорения вольных городов не гнушались грабить юное Западное государство, когда войска Георга слишком близко подходило к Межземью.

Само Межземье считалось полосой диких земель, в глубину от трёхсот до восьмисот лиг, расположенной меж Ариями и Георгом.

Вольное Межземье, в Триморье, было гарантией того-что великие земли не вцепятся друг другу в глотки, ибо вольные города и аррии всегда соперничали меж собой. Объединённое Западное королевство стало преемницей политики вольных городов, и Георг понимал это. Теперь именно аррии – противник номер один.

Он прошёлся по стене, осматривая нанизанные на пики головы своих врагов, со временем кожа облезла, мясо склевали птицы, а ветер унёс всё что не съедено, оставив лишь голые черепа.

Казалось, совсем недавно, эти вольнодумцы и независимые градоначальники сомневались в его власти – плевали на право править ими, считали себя королями на землях, которые приглянулись Георгу! Теперь они поплатились за это. Теперь наступил мир.

Спокойствием Георг распорядился с умом, долго играя роль эдакого радетеля за судьбы сброда, он полностью овладел сердцами и чаяньями черни. Он дал много свободы, дабы увеличить численность подданных, потому как воинов, совсем скоро, ему понадобится очень много.

Свободой каждый подданный распорядился по-своему: крестьянин владел землей, где выращивал хлеб и скот платил налоги и клепал детей. Мастера владели кузнями, которые со временем вырастали в обширные тресты, где трудились вольнонаёмные работники, шлюхи плодили бастардов, а древняя знать, помимо всего прочего имела и рабов. Но мы сейчас не о них.

У каждого гражданина было по три жены, и если он отдавал своих бастардов от трактирных девок в армию, то государство позволяло иметь наложниц столько, сколько каждый подданный мог прокормить.

Некоторые бастарды законных граждан, не добившиеся успехов в армейской службе, отправлялись на каторжные работы, где им обещали право гражданина и вольную, однако, большинство так и умирали с верой в эту химеру, ведь быт их был немногим лучше рабов с которыми они трудились. Другие добивались успеха, кто командуя отрядами конницы, кто жнецом себя сделал, кто алхимиком, но все имели равные возможности, равные желания и равные обладания женщинами и это подкупало. Это дало Георгу тот потенциал, с которым можно было созывать мощную армию – сильнейшую на всём континенте!

Георг многое затеял на ближайшие десятилетия, помимо флота, который построили рабелепные финикийцы, в ряды западных войск, время от времени, вливались свирепые Винги, жаждущие наживы в непокорённых диких просторах Межземья. Они сильные воины, да и не жалко их в дальних и карательных походах. Сами западные древнефамильные лорды постоянно напоминали о своём происхождении, некоторые действительно корнями с прародины, но большинство из вольных городов, они-то и не давали забыть о своих правах на западный трон, который греет, как некоторые считали, безродный африканский узурпатор – истребитель Мальтора.

Одни пытались банально устранить короля, и, провалившись, пополняли ряды рабов. Другие строили козни, пока небыли разоблачены, а их жены отдавались войскам для утех и собственного разума. Мало кто из них выживал, но тем, кому посчастливилось, рожали бастардов, преумножая тем самым низкооплачиваемых рабочих.

*

В тронном зале всё готово к собранию, так доложил подошедший младший сын Кристофер, рожденный от Леди тысячи озер, последней законной супруги Эйлестера. Если честно, Георг не ожидал в этом столетии больше двух сыновей, но пятнадцать лет назад случился сюрприз, сотая жена понесла и благополучно разродилась, принесла третьего сына.

То ли гены, то ли сам уклад, в котором жила озёрная леди, но Кристофер рос несколько мягкосердечным, казни не доставляли ему удовольствия, от пыток его воротило, а когда Георг приказал взять связанную юную дочь одного из назначенных правителей вольных городов, Кит отказался.

Тогда король, грешным делом, предложил сыну её плененного брата, после чего Кристофер сильно оскорбившись, пропал на целый год и лишь восемь дней назад вернулся в Кингсбург.

Король смерил сына презрительным взглядом, в коричневом жакете с длинными полами и озёрным гербом на сердце, длинные мягкие сапоги и меч за спиной. Типичный озёрный воин. Георг фыркнул, поправил чёрный плащ, посмотрел на блеск собственной кирасы, растянул пояс, чуть отряхнул узкие кожаные штаны и направился в тронный зал, Кит шагал следом.

– Как долго ещё будешь называться фамилией матери? – просил Георг.

– Уэндемы древний и славный род, такой же как Эйлестеры, – дипломатично ответил Кристофер. – Тем более старшие братья и наследники от других твоих жён уже носят твою фамилию, зачем мне влезать в наследные права?

– В тебе нет искры правителя, сын. Ты слаб духом и мягок сердцем.

– Насколько мне помнится, – осторожно подбирая слова, отвечал Кристофер, – мой пращур Уэндем первый, основавший династию, считался храбрецом.

– Да. Это так. Уэнн заслуженно получил титул, дающий право основать великий дом, но в тебе уже нет и капли его крови, не говоря о моей!

– Тем лучше. Я отойду в сторону и не буду претендентом на трон.

– Хочешь стать лордом Уэндемом? – остановившись, спросил Георг. – Если так, то ты более не будешь принцем Эйлестерским!

– Я не возражаю, – тихо ответил Кит.

Георг с отвращением посмотрел на младшего отпрыска.

– Неужели кровь этой болотно-озёрной кобылы взяла верх! Где мой дух в тебе! Где огонь Эйлестера! Ты не берешь что своё. Отвергаешь радость казни, золото тебя не прельщает, а насилие не будоражит естество!

– Она моя мать, – спокойно ответил Кит, проигнорировав всё остальное.

– Если бы я не знал, что твоя мать, когда я её обрюхатил, была непорочна и до родов находилась под замком, то ни в жизнь не повел в то, что ты мой! – по лицу сына промелькнула улыбка, и Георг смачно ударил его в челюсть. Кит упал. – Не забывай кто перед тобой юноша. Я живу гораздо дольше, чем все остальные вместе взятые! И вижу тебя насквозь!

Поднимаясь, Кит вытер алую кровь с разбитой губы.

– Да отец. Ты мудрейший из нас.

Георг презрительно сплюнул: кровь алая! А он так надеялся на то, что хоть один из трёх сыновей будет голубокровым, но нет. Кристофер продолжал оставаться жалким отрепьем, тем, кем были все остальные его дети, включая, кстати, и других принцев, кроме первородного.

– Такой мне не нужен, – фыркнул Георг и направился в зал, а Кит, тяжело выдохнул от облегчения и, словно пленник, побрел следом.

*

Трубы громом возвестили появление короля, свита и знать наклонилась в почтительном поклоне. Георг вошел с балкона в сопровождении принца Уэндемского. Стоявший впереди толпы знати старший сын и наследник принц – Виллберт Минесский, что-то тихо проговорил своему среднему брату – принцу Освуду Гембгскому и они, еле сдерживая смех, почтительно поклонились августейшему отцу-повелителю.

В отличие от младшего брата, принцы уже обзавелись землями, дарованными королём в рубежных с диким краем областях. Таким образом, и очевидно, отец в их лице получал готовых сорваться с цепи псов, желающих расширить свои небольшие на сегодня территории и хоть как-то, по величю, приблизиться к августейшему прародителю. Однако их ждала та же судьба что и первого сына бессменного короля, породившего новую династию Маргеманов – то было жестко оговоренная территория, с неизменными, на протяжении всех тысячелетий формирования западного королевства, границами.

Даже сейчас, спустя четыре столетия, после смерти первого принца, дарованные ему земли, ни на йоту не изменились, хотя, надо признать, попытки переломить эту данность имелись.

Король величавой походкой проследовал мимо знати и, поднявшись на постамент, занял по праву принадлежащий трон.

Наступила тишина.

Кит, тихо протиснувшись меж старших братьев, встал у них за спинами.

– Оданион, – призвал король герцога Маргеманского. Тот вышел из толпы, преклонив колено. – Твой род давно просит новые земли, это так?

«Лицемер. Как будто не знает», – подумал Кит.

– Так, Ваше Величество, – покорно сообщил герцог.

– Я переосмыслил вашу роль в моей новой компании, – медленно начал король. – Ваша заслуга при взятии пустынной Латаки, говорит о возможности использовать вас как увещателей варваров в диких землях, куда скоро двинется Наше войско.

– Быть полезным Его Величеству, честь для нашего дома, – заискивающе ответил Маргеман.

– Хорошо, и помни Оданион, это последняя возможность для твоего рода возвыситься. Я, в отличие от вас, не забыл про бунт двухсотлетней давности.

– И мы приняли справедливую кару из рук Вашего Сиятельного Величества, — лебезил герцог.

– Более наказаний не будет. Я истреблю вас, если станете бесполезны, тем более что ваше сношение с другими знатными семьями и так сильно разбавило мою кровь. — Маргеман продолжал стоять склонившись. – Кстати, – король посмотрел на младшего сына Кристофера, зло усмехнулся и спросил, – если я прикажу взять силой деву, что ты ответишь?

– Лишь спрошу: сколько раз, Ваше Величество.

Король громко засмеялся и осмотрел толпу знати. Найдя там новое лицо, он вызвал цветущую деву предстать перед собой.

– Кто ты? – спросил её Георг.

Незнакомка, испуганно озираясь, молчала.

– Это моя жена, – произнёс, вышедший следом, посол Финикии.

– По одежде видно, – выкрикнул Виллберт, – точнее, по её полному отсутствию.

Действительно, на финикийке была лишь белая туника, да сандалии.

– Возьми её Маргеман, – громко приказал король и словно по команде, по залу прокатился смех, посол замер не в силах поверить в происходящее. – Ты против, финикиец? – удивился король.

– Нет Ваша Сиятельность, мы рады услужить нашему союзнику!

– Тогда смотри, – Георг жестом велел герцогу начинать.

Маргеман подвел финикийку к столу, развернул, откинул полупрозрачную тунику и жёстко взял сзади. Она чуть охнула.

– Да, я помню ещё те времена, – с вожделием глядя на соитие, говорил король, – когда в моих залах творилось всеобщая страсть, и это было славно! Мужчины брали тех, кого хотели и когда того желали. Теперь же посмотрите на себя, вы обвешаны золотом словно вымпел, к тому же, чтобы докопаться до дамской лагуны, нужно поднять с дюжины юбок да порвать штаны!

Хохот и смех вновь разнеслись по тронному залу, лишь Кит безмолвно стоял в этой вакханалии разврата, да с жалостью смотрел как порочат добрую женщину не в силах чем-либо помочь.

Отвлечшись от созерцания за пыхтящим герцогом, король вызвал кронпринца Виллберта.

– Сын, завтра отправляйся в свои земли и собирай карательный отряд, – Виллберт низко склонил голову. – Мне нужны рабы, тебе территории.

– Насколько мне дозволено углубиться в дикие земли, отец?

– Покоришь столько, сколько сможешь удержать без моей помощи.

– Да, отец.

– Освуд, у тебя такая же задача, – обратился Георг к среднему сыну, тот поклонился, стоя в толпе. – Впрочем, как и у тебя Оданион Маргеман, – герцог продолжал вдальбливать жену посла в стол и, запыхавшимся голосом, поблагодарил короля. – Ну, хватит уже! – с отвращением остановил соитие Георг. – Никакой радости нет, она хоть бы посопротивлялась что ли, ради приличия!

– Похоже, ей это нравится Ваше Величество, – надевая штаны, ответил Маргеман. – Женское лоно взмокло, если не возражаете, я уведу её отсюда, чтоб не досаждать Вашему взору, и закончу что начал.

Король внимательно посмотрел на обалдевшую от удовольствия финикийку, затем жестом велел им удалиться. Маргеман схватил добычу и утащил её в соседнюю малую залу, закрыв за собой дверь, под всеобщие одобрительные выкрики и лицемерные улыбки. Через минуту стали доноситься довольные женские вздохи.

– А он не промах, этот герцог, – усмехнулся Освуд.

– Что, сам хотел объездить финикийку?! – съязвил Виллберт.

– Не-е-е, мне по вкусу африканки, люблю чёрный цвет...

– Хватит! – прервал принцев король. – Удовольствие не должно мешать делу, – сыновья низко поклонились. – Ступайте и готовьтесь.

– Да, отец, – хором ответили принцы, затем быстрым шагом удалились.

– Кристофер!

От звука собственного имени из уст короля, Кит вздрогнул. Его вызвали.

О, нет!

Как же он ненавидит это развратное логово короля изувера! Как же его воротит от всей этой прогнившей в лицемерии придворной знати. Но делать пока нечего, у него нет ресурсов чтоб восстать против отца, поэтому он, выдохнул, поправил полы длинного камзола и медленно вышел на середину зала.

Белые Мраморные плиты уложены настолько плотно что меж них и волосок не проскользнет, а встроенная карта Африки и Триморья, сложенная из изумрудов, поблёскивала в свете масляных ламп. Дойдя до Перешейка, Кит преклонил колени аккуратно перед тронном короля.

– Теперь ты мой инквизитор – повелел Георг. – Жги, травы, убивай Наших врагов. Вешай, насилуй, принуждай Наших союзников – держит мою карающую власть крепко! Если не справишься, тогда пойдёшь покорять кельтов – и имя твоё забудут.

По залу прошелся шепоток. В кельтских землях, за последнее столетие, сгинуло пять экспедиций, и никто не вернулся. Подобное наказание – несомненная смерть, ибо общеизвестно – младший сын слабак, и не потянет должность инквизитора.

– Я готов идти отец, – не поднимая головы, сказал Кит.

– Куда? – удивился король.

– На кельтов, – всё также глядя в пол, ответил принц.

Что Георгу нравилось в младшем сыне, так это стойкость за свои убеждения, во всём остальном, он сердил и бесил сильно.

– Ты отказываешься от синекуры!

– Она недостойна меня! – Кит поднял голову, пристально глядя в глаза отца. – Сына великого короля всех королей.

Георг молчал.

Инквизитор – действительно должность на любителя, а вот полководец, это как раз для принцев, и если сын решил так закончить свои дни то, что ж. Три наследника это много, останется два, и горевать он не будет.

– Ты в своём праве сын. Сколько у тебя воинов?

– Две тысячи.

По залу вновь пробежал смешок.

Король улыбнулся, когда-то, много тысячелетий тому назад, когда он пришёл в Триморье, у самого Георга имелось столько же, лишь с одним отличием, при нём находилось ещё и сорок тысяч гражданских, переживших долгий африканский переход.

– Хорошо. Это небольшое войско, но все мы когда-то начинали с малого. Каков будет ваш герб, лорд Уэндем?

Лорд Уэндем?!

Кит выдохнул. Неужели его отпустили?! Неужели он свободен? Неужели он больше не принц, не претендент на престол – сердце ликовало.

Кит, теперь – юный лорд Озёрного края встал, отвечая своему сюзерену.

– Золотой лев, на зимней охоте.

– Хочешь взять моего крылатого льва?!

– Нет, Ваше Величество. Мой лев обычный, африканский.

– Ну что ж, да будет так, – подытожил король. – Отправляйтесь на войну с варварами кельтами лорд Кристофер и без победы не возвращайтесь.

– Да, мой король.

Напоследок, Кит коротко кивнул отцу, вместо полагающегося по отбытию низкого поклона и быстрыми шагами направился к выходу.

Прочь.

«Прочь из этой грязной, вонючей, погрязшей в алчности и разврате столицы. Уйти, ускользнуть, улететь, туда, где солнце не садится пять дней кряду, где снег лежит на горных вершинах, туда, где ещё помнят древние заветы чести и совести».

Георг проводил сына презрительным взглядом, когда тот исчез, неожиданно для самого себя, король обнаружил поднявшегося к трону Маргемана.

– Как ты посмел приблизиться?! – прошипел Георг.

– С позволения Вашего Величества имею срочную и важную для вас информацию, – раболепно протараторил герцог.

– Тогда, говори.

Оданион приблизился и на ухо прошептал:

– У вашего опального сына восемь тысяч воинов. Шесть из них он оставляет в метрополии, интересно, для чего?

Георг резко встал, схватив Маргемана за горло. То ли от неожиданности, то ли от страха, но герцог громко бзднул, что вызвало хохот в тронном зале.

– Интригу вздумал плести?! Смерд!

Герцог побагровел, еле слышно произнося извинения:

– И в мыслях не было растить крамолу против Вашего Сиятельного Величества. Я лишь хотел, забрать озёрных рыцарей с собой в карательный поход, раз новому лорду они без надобности стали.

Король поднял над собой Маргемана, держа его на вытянутой руке, и внимательно разглядывал налившиеся кровью глаза. Герцог задыхался, лицо приобрело малиновый оттенок, но вырваться он не пытался, лишь кряхтел. Оценив то, что ему полностью отдали жизнь, король отбросил еле живого Маргемана от трона вниз. Тот, плюхнувшись на пол и принялся жадно глотать воздух, пытаясь восстановить дыхание.

– Живи, – фыркнул Георг, – и в качестве компенсации послу Финикии, отдашь ему свою старшую дочь в жены. – Стоявший доселе понурым посол, созерцавший довольное и убаженное лицо супруги, несколько воспрянул духом. – И да, ты можешь забрать себе этих рыцарей, но взамен, отдашь половину своих в королевскую армию, – герцог с трудом поднялся, хрипло отвечая.

– Как прикажет Великий король.

– На сегодня довольно, – проговорил Георг. – Всем лордам готовить войска к походу на дикие земли. Выступаем через тридцать дней.

Приглашенные, и наблюдавшие весь этот цирк лорды, низко поклонились.

Сим

Спустя четыре дня, прибыл тысяцкий Зарислав – назначенный командир гарнизона пограничного Новэя, крупнейшего города у Каменного рубежа.

Также у каменной стены, Словянами, были построены ещё четыре города равноудалёнными от друг от друга, и если Новэй был самым западным городом, судя по прямой линии Каменного рубежа, – первым от Средиземного моря, то далее, в сторону Небесных гор располагались ремесленнические города и города охотников за острозубами.

Новэй возвели в ста верстах от Средиземного моря, далее на восток через пятьсот вёрст располагался Змеевысь – город охотников и следопытов, за ним ещё через пятьсот Пятигорье, потом Древоград и Вышегородск – то были города ремесленников и добытчиков драконьей кожи.

Но ни один из этих городов не ведал о том-что произошло за стеной несколько дней тому назад, жизнь там текла буднично, скучно и мирно.

Инцидент с подачей тревожного сигнала – событие из ряда вон выходящее, такого не было очень давно и, если вспомнить – да, случалось так, и разведчики погибали, и никто из этого трагедию не делал, однако, красная ракета выпущена впервые со времён строительства рубежа и именно это сильно встревожило воевод Каменного рубежа.

Тысяцкий Орлик, в чьём подчинении была гарнизонная башня восемьдесят восемь, уже три дня допрашивал Сима и протрезвевших дозорных. Те отрицали сам факт пьянства, не говоря о том, что был подан тревожный сигнал. Возможно, и скорей всего, они искренне верили в то, что Симу всё это почудилось, однако, сармат стоял на своём перед трибуналом.

Сегодня отряд, посланный Орликом к месту трагедии уже вернулся, и командир докладывал об увиденном.

В чёрной плаще, чёрных сапогах и чёрной просторной робе, разведчик представлял из себя цвет общевоинских лазутчиков. Сейчас он стоит в центре допросной, посреди серого камня и сырости, размеренно ведя доклад о проделанной работе. Сим, с азартными ратниками, молча, стояли и слушали.

– ... лес сильно обгорел после взрыва. Разведчику Муру выдана штатная оснастка, где помимо разных «Сигналов», имелись восемь капсул с Синим пламенем, они-то и сдетонировали. Поэтому от тел мало что осталось. Как вы знаете: Синее пламя равно эффективно против бесов, плотоядных и, конечно же, мёртвой плоти. Следов битвы мы не нашли, как и иных других признаков нападения. Фрагменты амуниции лежат кучно – это указывает на полное отсутствие признаков боя, либо они погибли спина к спине, либо во сне друг около друга. Лошади тоже не нашлись, а это значит, они были живы и спаслись. Могилу третьего мы нашли в двадцати верстах к стене, оттого места, когда вертались назад по следам. Что заставило разведчиков подать красный сигнал мне выяснить не удалось.

– Есть что-то из личных наблюдений? – уточнил Зарислав.

– Да. От тел остался лишь пепел, это скрывает раны, если они имелись, и яды ежели таковыми атаквали наших ребят. Но самое интересное то, что на нас ни разу никто не напал, такое ощущение...будто хищники попрятались от...от Альфы.

– И что это за Альфа? Кто это? Или кто они? Они разумны? Или это просто новые гигантские твари? К чему нам готовиться?

– Не могу знать. Все следы хорошо нам известных хищников, и они недельной давности, твари просто ушли и дали нам спокойно осуществить этот рейд.

– Хочешь сказать: нас ждали?

– Именно. Есть такое стойкое ощущение, но все объективные признаки говорят нам: всё спокойно... От этого и озноб по коже.

– Что-нибудь ещё?

– Никак нет.

– Тогда свободен, – угрюмо молвил Зарислав.

Командир разведотряда коротко кивнул и вышел из зала.

– Возможно, они напились? – предположил сотник Широкий, его новенькая кольчуга сверкала отблесками факелов.

– Нет! – стукнул по столу Орлик. – Я Сыча лично знаю! Не первый год служим, он не станет пить в разведке, да и вообще пьёт мало, – и немного погодя добавил. – Точнее, пил...

Зарислав с прищуром изучал Сима.

– Скажи мне сармат, сигнал взлетел после взрыва?

Сим ответил не задумываясь:

– Раньше, мигов на пять-семь.

– То есть, сигнал уже висел, а затем грянул взрыв? – уточнил Зарислав.

– Именно, – подтвердил Сим. – Я уже трубил в рог, когда заметил сполох в джунглях.

– А вы, – обратился тысяцкий к дозорным, – хорошим зрением обладаете? – Не услышав подвоха, воины четко ответили «Да!» – В таком случае, плетей получите! – медленно вставая, грозно молвил Зарислав. – Прилюдных! Чтоб весь восемьдесят восьмой гарнизон видел! А с этим, – указал он, на смело глядящего сармата, – я ещё не закончил.

Сим даже не вздрогнул и не бросил тревожного взгляда, лишь презрительно осмотрел трибунал. Орлик потупил взор, не выдержав укора, Зарислав раскраснелся, Широкий прятал довольную ухмылку, но вот второго, прибывшего с тысяцким из Новэя, сармат не знал. Незнакомец, преклонного возраста, в командирской кольчуге смело смотрел Симу в глаза, затем, сделал какую-то запись на пергаменте и вкрадчиво спросил:

– Будешь продолжать настаивать на своём, сармат?

– Я не отступлюсь от правды. Даже под плетями.

– Широкий, проследи за исполнением наказания, – приказал незнакомец, и сотник, поклонившись, вышел, позабыв с тонким намёком, собственную плеть на столе.

В зале осталось четверо.

Незнакомец поднял плеть, осмотрел и указал Зариславу на вплетённые в кожу стальные нити, укоризненно покачав головой. То, как внезапно тысяцкий изменил настроение, насторожило Сима, Зарислав вновь присел за стол и предложил то же самое Симу. Сармат грохнулся на стул, давая затекшим коленям отдохнуть.

– Устал? – как-то добро спросил Зарислав, Сим пожал плечами.

– Дело привычное.

– Как долго парил «сигнал»? – уточнил незнакомец и пока Сим подсчитывал в уме время зависания, сам же ответил. – Да, да, вижу десять одиннадцать мигов, а это говорит о выверенном вертикальном запуске. – Сим насторожился. – К тому же, если бы разведчики допустили халатность, то и другие сигналы бы появились, а их с десятков, ведь так? – тысяцкие подтвердили вопрос короткими кивками. – В любом случае, раз не один из сигналов не взлетел над кронами, могу предположить следующее: детонация произошла совместно с капсулами и намного позже, после удачного первого запуска. Моё мнение таково; Сыч целенаправленно подорвал себя, в этом сомнений нет. Как их и нет в том, что после потери лучника, разведчики продолжили выполнение поставленных задач, а это уже говорит о чистоплотности и верности уставу. Считаю, имело место нападение, но вот кого? Это нужно выяснить вам, тысяцкие.

– Кто вы? – спросил Сим, изумленный столь тщательному анализу.

– Моё имя Ольшан, – представился незнакомец. – Чародей Новэя.

Сармат о нём слышал, и только хорошее: один из сильнейших волшебников Чудо-камня Ольшан, вот как четверть века, верно служит на рубеже и не собирается никуда отлучаться, хотя...

– Может это звери напали на разведку? – предположил Орлик.

– Тогда как быть с сигналом? – уточнил Зарислав.

– Не знаю, – отмахнулся Орлик. – Ольшан чётко сказал, в джунглях на сто вёрст разумных существ нет, да и концентрация чудищ не больше обычного.

– Но красный сигнал был! – воскликнул Зарислав.

– Возможно, галлюцинация, – парировал Орлик. – Ведь лучник, судя по оставленному Сычём посланию у могилы, умер от яда. Вполне допускаю, что и они были одурманены, отсюда и красный сигнал, с последующим подрывом.

– В любом случае, – вмешался Ольшан в разговор, – оснований для возврата «Каменного полка» нет. Деян выступает завтра, и я даю – добро.

Сима словно плетью хлестанули, он собиравшийся было крепко уснуть от усталости, но вместо этого, с криком вскочил:

– Так нельзя делать! Ужас грядёт к нам из-за стены! Как вы можете этого не видеть?!

Все трое на него посмотрели, качая головами, после чего Зарислав велел сармату идти отдыхать, прервав, так сказать, подслушивание рядовым совещания высших командиров. Последнее, что Сим услышал, было переданное через уста мага назначение Зарислава временным воеводой Каменного рубежа, пока воевода Деян не вернётся с маневров, а в Новэй назначался какой-то земчанин.

*

Ольшан развеял велизарного скакуна и взгромоздился на предложенного Деяном рысака. Каменный полк удалось догнать лишь за семьдесят вёрст от Новэя. Войско, стройными рядами, маршировало на север в столицу юго-восточного края город крепость Рунд.

Копьеносцы, как и мечники, шли налегке, все оружие двигалось рядом в подготовленном обозе. Конница спереди и сзади, лишь лучники при полной выкладке всегда были готовы сбить, прорвавшуюся через рубеж, крылатую тварь.

– Ну что скажешь Ольшан? – спросил воевода.

– В принципе, все спокойно, лишь воины, подавший сигнал и его видевший, вызывают и заслуживают полного доверия.

– Тогда какой вывод?

– Считаю, без тёмной магии тут не обошлось. Возможно, некие силы хотят нас удержать на рубеже.

– Вот-вот, – кивнул воевода Деян, – особенно в свете нынешних событий это выглядит очень странным. Думаешь, пхазары спелись с тёмным магом?

– Если и сговорились, то не с одним, уж больно ладно у них всё получается, туман перед Утес-Улы, нападение неизвестных тут. Возможно, это звенья одной цепи, лишь всестороннее расследование поставит все дочки над «И», посему, из Сибска к Зариславу прибывает его брат Огнебор. Теперь ему поручено расследование данного инцидента. Ну, а пока, извини Деян, мне нужно отбыть в другое место, тут неподалёку, – воевода отпустил.

Чародей пришпорил коня и помчался в голову колонны, там, одного мечника первого отряда ужалила змея, пока он отливал в кустах. Да и куснула туда, куда с роду не догадаешься!

Ольшан улыбнулся, но на помощь поспешил.

Оданион

Оданион поправил повязку, которую наложил на поврежденное горло лекарь. Полы длинного, тёмно-зелёного дублета блистали новизной, на груди свисала цепь наследника рода Маргеманов.

В сумраке высокого бука, тени, отбрасываемые кроной, играли замысловатыми узорами. Облюбованная герцогом лавка, одиноко стояла в тупике садовой аллеи внутри столичной резиденции, среди пальм, кленов и буков, и здесь Оданион находил покой и душевное равновесие.

Невдалеке виднелась беседка, так любимая его старшей дочерью Виллой, теперь она долго там не появится, судьба отправила её в руки грязного и бесхребетного финикийского посла.

Маргемана передернуло от воспоминаний последней встречи с королём. Сколько же сил он приложил, чтоб не вырваться из королевской хватки и не вонзить Эйлестеру нож в горло. Сколько терпения и лжи понадобилось, чтоб наконец-таки ко двору пригласили его – Оданиона, а не калеку отца, чтобы король увидел в сыне лорда Маргемана более интересную для короны фигуру.

То была велика победа.

И Оданион действовал решительно и неумолимо; тайно, он уничтожал собственных соперников, шантажом и подкупом, ядом ножом в спину, Оданион не брезговал ничем. На публику: он истреблял врагов короны явных и тайных, выявлял заговорщиков, шпионов и другую тварь, делая работу инквизиции и при каждом удобном случае, на показ, выставял собственную значимость в делах государственных. Он подготавливал двор к своему прибытию, где-то тайно – исподволь, давал понять как незаменим при определённых проблемах, где-то явно помогал тем-кого уже подсадил на крючок шантажа, и делал это настолько умело, что жертва и не догадывалась когда она уже в пасти шакала. И всё это аккуратно, в тени монарших особ, которых на первом этапе своего становления Оданион не хотел вводить в игру. Цель у всех одна – трон, и если бы Оданион поспешил и ясно или косвенно или же тонким намёком обрисовал свою цель, то принцы разорвали бы его на части, и не фигурально. Потом, естественно, они истребили бы весь род Маргеманский – род первородного принца.

Теперь король ему доверяет, не всецело, но достаточно для того, чтобы Оданион мог продолжать спокойно плести свой заговор и довести его до логического завершения. Вот только сейчас одна досадная ошибка забрала у Оданиона Виллу.

Старшую дочь, Оданион планировал выдать за лорда Купера Дафта, самого богатого из древнефамильных лордов, да и вообще из всей знати Западного королевства, это дало бы огромные возможности в подкупе продажных министров и найме вольных воинов, особенно лютых вингов, и если поставить их под свои знамёна, то можно начать действовать в диком Межземье реализуя свой план.

Второй стадией плана, после попадания в высочайший двор, было разобшение принцев – изгнание их от двора. И пока отец жив, а Оданион не стал ещё лордом, выпадает такой подарок судьбы – младший хлюпик короля, принц Уэндемский, решает поиграть в благочестие и складывает с себя наследное право, да не просто складывает – он оправляется в самоубийственный поход в Кельтскую даль. Разумеется, Оданион решил воспользоваться шансом и получить дополнительных воинов, которые Уэндем оставлял в столице. Он намеревался их руками начать разобшение в обществе, но король и тут его переиграл. Георг выбил почву у него из-под ног, забрав всю армию себе, а ведь Оданиону эта армия была нужна в столице как мощный кулак, который встал бы на сторону короны, когда начались бы беспорядки, тем самым показывая себя нерушимой опорой правящей династии Эйлестеров.

Теперь, некогда великолепный ход обернулся позором, стратегию придётся немного скорректировать. Ведь все ещё можно поправить и вероятность заполучить огромные ресурсы ещё не утрачена.

Янгвуды располагали самой большой по численности армией в западном государстве после короля, разумеется, и сегодня, их лорд-отец Роберт Янгвудский должен прийти к Маргеманам для переговоров о женитьбе единственного сына и наследника на младшей дочери Оданиона.

Взглянув на песочные часы, Оданион понял: Роберт запаздывает.

Хотя, нет, это не так.

Похоже, Янгвуды дают понять, что теперь Маргеманы не столь влиятельны, как были ранее, и будущее родство с финикийцами их позорит, причем сильно.

Оданион согласился сам с собой.

Пора действовать.

Нужно было уж как два года назад стать лордом Маргеманским, но по какой-то случайности, упав с лошади и, сломав спину, его лорд-отец не собирался помирать, а продолжал жить и стал огромной обузой. Да, именно обузой, потому как Оданиону приходилось постоянно согласовывать с лордом-отцом все без исключения шаги, разумеется, кроме тех, о которых сам Оданион не желал никого извещать.

Да, если бы лорд-отец только знал: камень, запущенный из пращи убийцы, должен был ударить отцу в лоб, и наконец-то закончить его правление самым влиятельным домом западного королевства, но по нелепой случайности снаряд попал в глаз лошади, и та, взбрыкнув, лишь покалечила лорда Маргемана. К тому же Оданиону лично пришлось ликвидировать нанятого для этого дела убийцу, что в принципе вязалось с первым правилом – «никогда не оставлять свидетелей».

Послышались шаги, и герцог прервал свои размышления. По дорожке, ведущей к тупику, появился глашатай, а за ним посланник Янгвудов.

«Ха, не захотел мараться», – подумал Оданион, но никак не выдал презрение.

– Посланник лорда Роберта Янгвудского, – доложил глашатай.

Оданион коротко кивнул, вежливо поклонившемуся гостю, посланник в ответ лишь задрал нос и без прелюдий начал доклад сообщения:

– Мой великий лорд-Янгвудский, великодушно просит простить за отсутствие в лично встрече, но дела, в подготовке войска к походу на восток, не оставляют времени на досужие разговоры.

– «Да», – подумал герцог, – «ещё неделю назад все эти, высоко-взлетевшие, древне-фамильные лорды, искали с ним встречу дабы с помощью и при посредничестве Маргеманов возвыситься в глазах короля, а теперь, его считают недостойным своего круга. Забавно. Забавно. Что они скажут завтра».

– Я принимаю извинения твоего сюзерена, – как не в чем небывало, ответил Оданион, – и передаю свой вопрос.

– Слушаю вас герцог, – прервал Оданиона посыльный.

Проигнорировав подобную дерзость и неуважение, за которые можно было не только плетей дать, но и голову срубить, Маргеман продолжил:

– Хочу подтвердить помолвку моей дочери Оливии с наследником лорда Янгвуда, Дагласом.

Посыльный ухмыльнулся.

– С прискорбием сообщаю: завтра, на приёме у леди Уэндемской по случаю отбытия юного лорда Кристофера в Кельтскую Даль, мой лорд объявит о разрыве вашего соглашения.

– Воистину прискорбная весть, – развел руками герцог. – Очень жаль, что твой господин настолько не дальновиден, особенно в вопросах становления династий. Более у меня нет к твоему лорду никаких дел и вопросов. Пошёл вон.

Посыльный развернулся и зашагал прочь, сходство с Робертом Янгвудом выдавало в нем бастарда, нагулянного от какой-то шлюхи, ну или трактирной девки, ибо знатные дамы и близко к себе не подпустят этого вояку-лорда с двумя бородавками на лице.

– Вас ожидает посол Эрзац Финикийский, – громогласно сообщил глашатай, а удаляющийся бастард, громко рассмеялся, ускоряя ход.

Герцог махнул платком, велел привести нового гостя.

«Очень кстати», – подумал Маргеман, – «Величие начнётся сегодня».

Спустя несколько минут, в сопровождении доверенного рыцаря Уилла Блека, показался посол со своей сиятельной супругой.

Он в белой тунике, она в чёрной, Блек в стальных доспехах и коричневом плаще, на поясе длинный полторный меч.

Жена посла Финикии немного споткнулась и Блек, в тот же миг, предложил ей свою руку. Она с благодарностью оперлась, Эрзац даже и не подумал помочь жене.

«Что же меня так в ней привлекло? – размышлял Маргеман, вожаделенно глядя на приближающуюся женщину. – Возможно, пышная грудь, или округлые манящие сладострастием бедра? Нет. Это что-то иное.

Давненько не было такой спелой и сладкой ягодки, возможно, потому что она запретный плод, хотя, какая она запретная, я даже сейчас могу взять финикийку прямо на глазах у мужа. Но это неприлично, и подобная забава сродни лишь с королевским развратом. Нужно действовать тоньше, изящней, что ли».

Посол приблизился, отвесив поклон, а супруга склонив голову, безмолвствовала за спиной.

– Чем обязан столь позднему визиту?

– Ваш лорд-отец призвал меня для аудиенции, – проговорил Эрзац.

– Это мне известно, – отмахнулся Оданион. – Зачем вы здесь?

Посол задумался, взвешивая следующие фразы или последствия.

– Она, – указал Эрзац на стоящую рядом супругу, – более мне не жена. Я подумал, возможно, вы захотите, на прощание, ещё раз вкусить её сок? – Оданион приподнял брови как бы в удивлении. – По нашим законам, – пояснил Эрзац, – если тело жены более не мужий храм, то брак разорван. Она возвращается домой, где её обреют наголо и отправят в храм Венеры.

– То есть, она станет шлюхой?

– Если вам так удобнее Оданион, то да.

– Для вас я герцог Маргеманский, – презрительно процедил Оданион.

– Разумеется, милорд, – сдал назад Эрзац.

От Оданиона это не укрылось и он, в более спокойном тоне, продолжил:

– А вы не задумывались над тем, что ваша супруга такая же служащая, как и вы, и когда её брали против воли, она служила интересам вашего государства?

Посол отмахнулся от доводов, словно от назойливой мухи и как ни в чем небывало, продолжил:

– Мы скоро породнимся, это главное. В остальном, если вам удобнее шлюху называть – госслужащей с широкими полномочиями, то рассуждайте как угодно но суть от этого не поменяется.

– Как и не изменится то, что вы не защитили своё, – парировал Оданион. – В подобной ситуации, я не могу доверить вам свою дочь!

– Как я понимаю иерархию вашего государства, вы ещё не лорд-Маргеманский, а посему, права отказать мне у вас нет. Что же касается ваших обычаев, то мне глубоко плевать на них

и, если для того-чтобы продвинуть мои интересы будущей супруге понадобится раздвинуть ноги перед чужаком, она раздвинет, и столько, сколько я того пожелаю, а затем, я посмотрю расторгать теперь уже этот брак или нет.

«Вот значит, как», – оскалился Оданион. – «Финикиец хочет играть грязно! Ну что ж, тогда поглядим, кто кого!» – вслух же ответил следующее:

– Раз у вас нет члена, значит, мне нечего переживать. Мысль, что более достойное семя взрастёт в Вилле, греет мне сердце куда сильнее, нежели наше будущее родство и ваши ублюдки в её чреве.

Лицо посла сделалось красным, и тот выпалил, не думая:

– Я не трус, в отличие от тебя!

– Правда?! Тогда почему ты как побитая шавка стоял и смотрел, как я имею твою супругу?

– Весь зал стоял и смотрел! – повысил голос посол.

– Но опорочили именно вашу жену, – все так же спокойно ответил Оданион. – Трижды! Эрзац сделал шаг навстречу, той же секундой сир Блек схватился за рукоять меча, говоря, что дальше подходить не стоит.

– Будь мы в Финикии, – процедил посол, – я бы изрубил тебя на куски.

– Будь мы в Финикии, я бы умер, но не позволил при живом муже насиловать жену!

Финикиец в ярости замер, ему нечего было сказать в ответ, похоже, до него дошло, теперь успех нужно закрепить и размазать этого выскочку.

Оданион посмотрел на стоящую за спиной посла женщину.

– Иди сюда дорогая, – сказал он, финикийка приблизилась и Маргеман, притянув за талию, усадил её к себе на колени. – Хороша, да?! – Оданион запустил руку ей под тунуку, сильно сдавив грудь, женщина охнула, ослабив хватку и потерев пальцами сосок, который сразу же откликнулся на нежную ласку, герцог продолжил. – Как тебя зовут дорогая?

Эрзац гневно фыркнул и отвернулся, а она, покраснев, ответила:

– Галатея.

Оданион прекратил играть с её соском, а потом опустил руку вниз, проникнув в лоно.

– Вижу, Эрзац нечасто взбирался на тебя, Галатея?

Плечи и руки Галатеи покрыли мурашки, она закатила глаза от удовольствия и с придыханием ответила:

– Однажды, и лишь для консумации брака, двенадцать лет тому назад, – дыхание Галатеи участилось, чувствуя её возбуждение, Оданион продолжил ласки, только теперь с сильным нажимом, дыхание её участилось, выступил пот, а лоно взмокло безмерно.

– Хочешь сказать, Эрзац или кто-то другой не трахал тебя более десяти лет?!

– Да-а-а-а, – изнывая от страсти, стонала Галатея. – Да-а-а-а!

Оданион уже и сам сильно возбудился, Галатея это почувствовала. Вскочив, она села верхом, пустив в себя естество Маргемана. Необузданная страсть, пылкой финикийки, вырвалась наружу.

«Да, вот что мне в ней понравилось – пламя, тлеющее под маской целомудрия».

Галатея двигалась всё стремительнее, заставляя герцога ускорить момент «триумфа».

– Хочешь знать, как Эрзац брал меня? – нагло спросила Галатея в порыве страсти. Сзади закричал Эрзац пытаясь уговорить соитие и напоминая – что он ещё здесь.

Оданиону было плевать на посла, и он кивнул, желая подробностей.

– Эрзац не мог войти в меня без помощи своего помощника, – Галатея немного сжалась над Оданионом, ощутив его чрезмерное напряжение, она остановилась, давая отдышаться, но спустя мгновение продолжила медленно мощно и напористо двигаться в такт биению Маргеманового сердца.

Герцог весело рассмеялся, а посол скрючился, словно старик.

– Хочешь сказать, ствол Эрзаца встал лишь тогда, когда ему взад вонзился другой?

Момент истины нарастал, мощные движения Галатеи ускорились и Оданион почувствовал, как низвергся в неё, в тот же миг она закричала:

– Да-а-а-а!

Более не в силах сдерживать необузданный темперамент, движения Галатеи стали настолько мощны, что Маргеман вновь ощутил давно ушедшее сладострастное чувство, когда он сливался с кем-то, отдавая всего себя за один единственный миг, когда естество бурным фонтаном жизни, орошает вожаделенное и желанное.

Миг пробил.

Измождённое сладострастным соитием естество Маргемана, безмерным потоком хлынуло.

Галатея замерла. Она опустила голову на плечо герцога, пытаясь отдышаться, а Оданион, громко расхохотался.

– Как многое можно узнать через постель, не правда ли, Эрзац? – Послу пришлось повернуться, раз к нему обратились. – А знаете ли вы, как мы наказываем мужеложцев? – по побледневшему лицу посла было ясно: да, знает. – Так вот, слушай меня, грязный финикиец, – Оданион, разместил Галатею, рядом на лавку, а сам устремился чуть вперёд, сверля взглядом посла, – ты ни при каких условиях не прикоснешься к моей дочери. Через год ты заявишь, что был нечестен с нею и расторгнешь помолвку, признавшись в измене непорочной деве, лишь в таком случае я сохраню твой секрет и позволю тебе отбыть в вашу загаженную мужеложцами столицу. Ты меня понял?!

Посол, молча, кивнул. Маргеман зачехлил ствол в штаны и далее продолжил светским тоном:

– Более не смею вас задерживать посол, мой лорд-отец ждёт вас всенепременнейше к себе. Постарайтесь не опаздывать.

После низкого поклона, Эрзац, в сопровождении сира Блека, устремился в покои лорда Маргеманского на аудиенцию.

Галатея встала, нагнулась, чтоб поправить завязки на сандалиях, туника слетела со спины, оголив вожаделенный зад и черноволосую ложбинку меж ног. Будоражащее зрелище, отметил для себя Оданион и хлопнул в ладоши.

– Так, время ещё есть, – потом схватил Галатею, впился в её сахарные губы, и они предались страсти и наслаждению.

Прошло сорок минут – Оданион взглянул на песочное хроно, которое носил всегда собой. Отец, как обычно, будет беседовать с визитёром ровно час, значит – пора. Взяв Галатею за руку, Оданион сопроводил её до новых апартаментов в южной части резиденции Маргеманов. Он решил отдать Галатее жёлтую гостиную – прекрасная осень, так виделась Галатея Оданиону и самые лучшие апартаменты весьма подходили.

– Какого ты роду? – спросил он, открывая тяжёлую дубовую дверь.

– Я троюродная сестра двоюродного брата младшего царя Клинтаса.

– Насколько знатно это в вашем обществе? – ничего не поняв из сказанного и предлагая Галатее войти, уточнил Оданион.

– Высшая знать. Эрзац женился на мне для того-чтобы получить титул посла и возвыситься. Он из средней знати.

– Ясно. – Оданион подошёл к столу из слоновьей кости, взял хрустальный кувшин с вином и наполнил две серебряные чаши. – Это твои покои. Ты моя гостья и если не возражаешь, то и любовница тоже.

Галатея, сделав маленький глоток, продолжала игриво смотреть.

– Ты уже владел мною больше-чем мой бывший муж за все годы нашего брака, и после этого ты спрашиваешь моего разрешения?

Оданион осушил бокал, поставив назад на стол. Похоже, с этой девицей нужно быть несколько честнее, чем с другими, её происхождение в будущем, может понадобится для решения отдельных задач.

– Взаимное согласие, – разъяснил Оданион, – это то, что нас отличает от варваров. Теперь ты свободная женщина и если примешь мою опеку, то и защищённая. Но я более не возьму тебя как раньше, теперь ты моя гостья и обладаешь соответствующими правами, чтобы там ваши финикийские обычаи себе не напридумывали.

Галатея улыбнулась.

– Хочешь сказать, что сможешь защитить меня от храма Венеры?

– Сегодня многое изменится в моём доме, – уклончиво ответил Оданион. – Кто знает, может быть завтра, ты станешь не просто свободной, но и вновь непорочной, в глазах собственных соплеменников.

– Разве такое возможно?

– Мы живем во времена эпических перемен, никто не знает, где окажется твой зад лет, эдак, через десять, при твоём должном поведении и действиях, разумеется. Возможно, это будет моя постель, а возможно, и финикийский трон.

– Я согласна, – вот ещё одно, что ему в ней нравится, быстрота принятия решений. – Я согласна вступить в твою игру, но при одном условии.

«А умна-то как!»

– Выкладывай.

– Дело отдельно от тела.

– Договорились, – хищным шепотом ухмыльнулся Оданион.

– Тогда, чтоб выглядеть твой шлюхой в глазах короля, я буду отдаваться тебе, где пожелаешь если пообещаешь быть таким же страстным как в эти дни. И чтоб не пострадал наш тайный союз, ты должен дать мне слово отпустить меня сразу как я тебе надоем.

Оданион подошёл и поцеловал Галатею, не веря в то, что ему так несказанно повезло получить в союзники умную, властолюбивую нимфоманку. А какие возможности открываются! Однако, ухо нужно держать остро всегда. Пока их интересы совпадают, он не сомневается в Галатее, но однажды, и нужно не проморгать сей момент, их союз перейдёт лишь в деловое русло, если не в предательство, и тогда Оданиону потребуются все его умения чтоб продолжать манипулировать Галатеей как того нужно для выполнения плана.

– Не надейся, грязная шлюшка, – прижав Галатею к себе, да схватив жестко за ягодицы, шутливо, ответил Оданион. – Ты мне ещё нескоро надоешь. – Она томно охнула, возбуждение вновь начало охватывать их тела, но Оданион отпрянул. – Мне пора. Есть важные дела. Жди вечером.

Как говорит король: – «наслаждение не должно мешать делу», и у Оданиона Маргемана сегодня есть наиважнейшее дело. Выйдя из гостевых апартаментов, он приказал ожидавшей служанке быть в распоряжении новой гостьи, а его, в случае необходимости, если того захочет Галатея, разумеется, можно будет отыскать в саду на излюбленной лавке. Служанка вошла внутрь, сделав перед финикийской леди книксен.

Всё, времени почти не осталось.

Быстрым шагом, направившись в сторону сада, на повороте, Оданион свернул в неприметный чулан второго этажа, где за сложенными плетёными корзинами, укрытым и от стороннего глаза, были двери в тайные хода столичной резиденции.

По дороге никто не встретился, и Оданион, плотно прикрыв за собой дверь, начал реализацию своего плана.

Этот малый замок Оданион строил сам, поэтому отец не подозревает, что в его комнату ведет тайный ход, сделанный для экстренной эвакуации. Подойдя к нужному смотровому окну, Оданион приоткрыл задвижку и оглядел покои лорда-отца, тот явно заканчивал беседу с финикийским послом и выпроваживал.

Блека не было.

Рыцарь остался снаружи, значит, все должно получиться. Меж тем отец, пытаясь подняться и подать на прощание руку, от резкой боли потерял сознание и рухнул в подушки, его длань безвольно упала перед протянутой мужеложской рукой финикийца. Эрзац обеспокоенно огляделся, немного погодя, додумавшись, склонился над лордом Маргеманским, послушав биение сердца. После этого, встал и перед уходом поклонился, бесчувственному телу, громко произнеся:

– До свидания лорд Маргеман, уверен, слияние наших домов будет плодотворным.

«Ха! Как же!» – фыркнул Оданион, проследив за уходом гостя.

Теперь, действовать нужно быстро, несколько мгновений и вернется служанка, до этого момента, всё должно быть кончено.

Через пять минут, тяжело дыша, он аккуратно прикрыл за собой потайную дверь и сквозь окошечко услышал, как в покои отца постучали.

Времени почти не осталось.

Быстро протиснувшись сквозь узкий лаз, герцог вышел вновь в чулан, где оставил верхнюю одежду, дабы не измарать в пыли и паутине, накинув кафтан, герцог-отцеубийца открыл второй ход, ведущий вниз. Спустившись по винтовой лестнице, Оданион вышел по подземному ходу к беседке Виллы.

Вечерний сад всё также пуст.

Удобно расположившись на излюбленной скамье, он пытаясь унять дрожь в руках, после чего новоиспеченный лорд Маргеман достал из кармана текущую корреспонденцию, нарочито важно делая вид, что всецело ею поглощён и в этот миг прогремел сигнал колокола.

Лада

Лада, вот уж как десятый день, вышивала старшему брату дорожный плащ из волшебной материи, любезно предоставленной Светозаром. Хоть Градимир и предпочитал аскетизм, как в быту, так и в одежде, но жёлтого грифона она сладила. Золото на красном смотрелось изумительно! Лада полюбовалась своей работой и аккуратно свернула подарок.

Завтра им исполняется тридцать.

Брат возмужал, он стал опорой отцу в делах государства, но вот отношение со средним братом – Волибором у него очень натянутые. Сам же Волибор вошёл в тот безумный возраст, когда волей-неволей стал бросать вызов всему существу, и не только старшему брату, а вообще всем, посему, Градимир должен понимать сложности подросткового возраста и быть терпимее. Однако именно это и не получалось.

Другое дело двоюродные братья. После прибытия, младшие Словичи полностью завладели вниманием Градимира и теперь, вся весёлая троица, практически не разлучалась. Изредка они навещали её и всё чаще брали с собой Олега на те, или иные мероприятия, да и просто так в свою компанию. Волибор же предпочитал одиночество и затворничество, за исключением того времени, когда тренировался на мечях с витязями отца или велизарными.

Лада открыла стоящий рядом сундук. Там, помимо изготовленного для Олега синего плаща, лежал коричневый для Волибора. Ещё рановато для подобных даров, но, чтобы хоть как-то скрасить одиночество среднего братика, Лада решила и быстро устремила в волиброву светлицу.

Полдень.

Отец с дядей отправились на охоту, взяв с собой княжичей всех, кроме Волибора. Тот отказался, но другим не терпелось вновь пострелять из лука и помахать мечами, ведь десятидневный траур закончен и жизнь продолжается. Лада их понимала, радость встречи от долгой разлуки, была омрачена трагическими событиями, но единение семьи всё же взяло верх. Полностью погруженная в свои мысли, Лада вошла без стука и замерла у входа, не веря глазам.

Коричневый плащ выпал из рук, а вдальбливающий сзади зареванную служанку в кровать Волибор, вскочил и, чертыхаясь, закутался в покрывало.

– Тебя не учили стучаться сестрица?!

Первым порывом было отвернуться, но что она там не видела, в конце-то концов! А вот его поведение, это нужно было срочно пресечь.

– Ты что делаешь, мерзавец?! – грозно спросила Лада.

– А на что это похоже? – как ни в чем не бывало, ответил Волибор.

Девушка от стыда, лежала на животе, закрывая лицо руками.

– На насильничество!

– Разве тебя насилуют? – спросил девушку Волибор.

– Нет, владыка, – надломленным голосом ответила та.

– Вот видишь сестрица, ей нравится, а ты врываешься ко мне и обвиняешь в страшных грехах!

– Ишь, какой герой любовник выискался, – поставила руки в боки Лада. – Я тебе сейчас покажу, как девок-то портить. Кто ты? – обратилась она к девушке.

– Авдотья.

– Вставай, одевайся и уходи, – приказала Лада, поднимая плащ и вытаскивая спрятанный кожаный ремень. – После, явишься ко мне.

– Лежать! – тоном доселе Ладой несслыханным, приказал Волибор.

Девушка застыла, так и не решившись встать и ретироваться.

– А ты, дражайшая сестрица, знай своё место!

Лада нахмурилась, она бросила плащ, плотно закрыла за собой дверь, подошла к стене и вынула висевшую в ножнах сталь. Фурианская кровь закипала в ней невиданной ранее бурей. Волибор усмехнулся, быстро накиннул штаны, у изголовья кровати стояли ножны и он вынул свой меч.

Они сошлись, сестра и брат в смертельном танце белой стали.

Волибор вначале казался ошарашен умением Лады фехтовать, но быстро придя в себя, и не гнушаясь физическим превосходством, атаковал.

Сарафан несколько стеснял движения, но мама, втайне от отца, обучала Ладу премудростям фурианского боя, даже связывала в процессе тренировок ноги, посему, княжна, словно вода перетекала под рубящими удара брата, который, позабыв кто перед ним, махал мечом со всей дури.

А Лада то думала из-за чего Градимир так нетерпим к Волибору, похоже, он знал о пагубных пристрастиях брата и покрывая неразумство, старался вернуть того на дорогу чести и нравственности.

«Вот я слепая, воистину!» – корила Лада себя, отбивая остервенелые выпады Волибора.

Минута шла за минутой, Лада играючи обивалась, при этом показывая всю тщетность попыток среднего брата её ранить.

«Пора заканчивать!»

Ей надоело фехтовать со слабым соперником, показывая собственное превосходство, да и не для того Лада вынула сталь, поэтому изловчившись, отвесила Волибору смачного тумака и пока тот делал шаг назад, подстегнула мечом одеяло, накиннув на нагую Авдотью, прикрыв от постороннего глаза, а сторонний глаз появился. Наконец-то услышав звон мечей, двое из охраны ввалились в опочивальню, застыв в изумлении. Жгучая схватка между братом и сестрой ввергала в шок.

В тот же момент, затрубил горн, извещающий прибытие князя.

– Всё в порядке, – отмахнулась Лада, – ваша помощь ему не понадобится.

Стражники, в полном недоумении, поклонились и вышли, закрыв за собой дверь. Волибор же в это время, пытался восстановить дыхание.

«С выносливостью у него непорядок!».

– Если не отпустишь Авдотью и не прекратишь распутство, я всё расскажу отцу! — грозно, предупредила Лада.

– Убирайтесь! – процедил Волибор.

Шок от бессилия, клокотал в грязном естестве Волибора, понимание того, что он не смог одолеть необученную сестру, словно адский маховик, накручивал нервы.

Авдотья вскочила, накинула прозрачный балахон и выбежала на балкон, скрывшись в покоех Градимира.

– Так она ещё и не твоя служащая! – воскликнула Лада. – Ах. Ты гад! – и метнула меч. Лезвие воткнулось в обитую деревом стену, аккуратно, в поллоктя от головы Волибора. – Подлец! Не смей более к ней приближаться!

Выходя из опочивальни, княжна не обратила внимания, как наступила на свой, так бережно хранимый, подарок, а Волибор, налил мёда дрожащими от злости руками и жадно выпил весь кубок без остатка.

Выбежав в коридор, Лада понеслась встречать вернувшихся охотников. Перехватив их у обедни, она потянула Градимира за локоть в сторону, а затем впихнула в одну из ближайших дверей.

– Куда ты его? – крикнул вслед отец, дядя и двоюродные братья весело рассмеялись.

– Тут недалеко, – ответила Лада.

За дверь оказалась кухня. Кашевары и поварята готовили ужин для августейших особ, прислуга сносила дикорастущие яства, работа кипела, но, когда к ним ввалились наследники престола, все замерли.

– Прошу выйти, – приказала княжна Лада.

Подчинившись повелению, кухня опустела.

– Ты ведал, ведь так?! – без лишних слов, начала Лада. – Ты знал, и всё равно предпочитал быть вымазанным в грязи в моих глазах, но не предал брата?! – Градимир молчал. – И много он дев испортил, если не считать твою служанку Авдотью?

Градмир издал нечто вроде рыка.

– Вот стервец! Всё же тронул дивчину!

– Как будто ты не знал!

– Да, не знал. Но ничего, я его проучу.

– Вставай в очередь! – не унималась Лада. – И как долго ты знаешь, не про Авдотью, а вообще?

– Пару месяцев точно, но скорей всего, это началось намного раньше, – Градмир устало опустился на скамью напротив огромного камина, Лада присела рядом.

– Его совратили?

– Мне так не кажется, уж больно нахально ведёт себя Волибор.

– А я-то думала, ты над ним издеваешься наедине, раз Волибор так ретиво тебя при всех задирает, а оказывается это есть нормальное поведение и реакция на вскрытие его распутства?

– Да, – вздохнул Градмир.

Напряжение, понемногу, начало спадать, уступая место усталости. Лада положила голову брату на плечо и немного успокоилась.

– И как мы поступим?

– Отец не простит Волибора, если узнает.

– Но и оставлять так нельзя! Однажды ты не сдержишься и выбьешь дурь из Волибора, я знаю. Тогда перед отцом встанет вопрос – кого наказывать. Я не хочу, чтоб это был ты Градмир.

– Почему ты так считаешь?

– Если Волибор настолько коварен, то способен оболгать, не моргнув глазом, в этот момент, меня может не оказаться рядом.

– Не говори глупости Лада, никто нас не разлучит.

– Даже замужество?

– Замужество? – с недоверием переспросил Градмир. – Я чего-то не знаю?

– Ходят слухи, будто сарматский князь Мармагон намеревается свататься, и уже в этом году, как мне доложили.

– Правда?

– Правда.

Градмир призадумался: сближение словян и сармат через августейший союз – великолепный политический шаг, который послужит укреплению мира между народами, но вот нужно ли это Ладе? Будет ли она счастлива? Занимаемый этими мыслями он отмахнулся от волиборовой угрозы как от назойливой мухи:

– Я справлюсь сестрица, тем более порочность брата можно вылечить.

– Ох, и оптимист же ты Градмир, – отстранившись, Лада пристально взглянула в печальные глаза брата. – Не верь Волибору, тьму узрела я в его душе, поэтому собираюсь обратиться за помощью к Светозару.

Градмир взволнованно схватил Ладку за руку.

– Нет! Для Волибора это путь в один конец! Нужно протянуть руку помощи брату и поддержать, дабы взрастить честь его, а не лечить отрезанием части души. Это поможет, но после Волибор никогда не станет прежним. Мы лишим его радости жизни!

– Ты прямолинейный до неприличия Градимир! Маги ведь не отсекут брату ничего лишнего?

– Они-то нет, но другие могут, если брат продолжит своё распутство. А вот что заберет Чудо-камень, так это радость от услады, и когда Волибор наконец-то женится, то не познает любви. Поэтому, своим поведением я хочу донести до него предупреждение, каким будет реакция родных поруганных дев. Подобное, как ты знаешь, заканчивается кровью.

– Тогда как нам ограничить его любвиобилие?

Градмир надолго замолчал, оценивая, стоит ли доверить свои мысли сестре и решившись осторожно сказал:

– Многие девы не чтут старые заветы и любятя с мужами, не вступая в брак. Таких мы отыщем, предложим вольности на службе у вельможи и для вельможи, имя которого не станем называть и, если они согласятся – приставим к Волибору.

– Это мерзко! – передернуло Ладу.

– Есть другие мысли?

– Нет, – вздохнула Лада, – похоже, ради родной крови придётся выпачкаться в грязи!

– Выбирайте выражения княжна, – игриво-напыщенно, молвил Градимир. – Вы не в казарме!

Лада засмеялась.

– Хорошо. Но нужно обставить всё так, чтобы Волибор скрывался о веселушках с подсланными нами девами, да на совесть давить почаще, глядишь, перебесится. Кстати, как ты братец миновал этот период?

Градмир смущенно покраснел.

– А я его и не прошёл. Лишь тренировки помогают мне снимать напряжение.

Сестра хлопнула брата по колену и встала.

– Ну, что ж, сегодня я видела Авдотью, и она очень недурна. Представляю, как ты мучаешься по утрам.

– Ой, и не говори сестрица, – поднялся следом Градимир. – В обедню?

– Да, – согласилась Лада и, взяв брата под руку, зашагала рядом. – Действуем, как условились?

– Именно. Это семейное дело...

Кристофер

Резиденция Уэндемов считалась чуть ли не сараем по сравнению с дворцами других знатных домов, тем не менее, родство с правящей династией делало любые светские мероприятия, проводимые домом Уэндем, обязательными для всей западной знати.

Сложенное из красного гранита, здание являло собой единственный образчик древней культуры, из стародавних времён, корни которой располагались в далёкой-предалёкой родине.

Широкие барельефы, украшенные крылатыми львами, соседствовали с колоннами в виде колоссов пурпурных имперских воинов, некогда покорённых королём завоевателем – Георгом Первым Эйлестером. Маленькие окна, словно бойницы, говорили о приверженности ваятеля архитектурному стилю древней эпохи, когда былое королевство, воевало со всем и вся, поэтому каждое строение в древних городах утерянной родины, выполняли роль оборонительного сооружения. Хотя сейчас это и неактуально, но предки Уэндемов решили отдать дань своим корням, и как напоминание о былом величии, возвели резиденцию именно в стиле архаики, дабы юная поросль помнила о традициях порождённой ими цивилизации.

Многие считали это декадентством, тем не менее, единственное в своем роде сооружение являлось некоей достопримечательностью, и напоминанием, по мнению иных, о трагедии, случившейся много веков тому назад.

Остальные предпочитали возводить строения из обычных серых камней, с последующей отделкой, и каждый дом старался богатством и размером потягаться с той красотой и притягательностью, что таила в себе древняя архитектура резиденции Уэндемов. Но тщетно.

Сегодня, Леди Уэндем или как в простонародье – Леди тысячи озёр, назначила бал по случаю отбытия единственного сына в Кельтскую даль.

Кареты одна за другой привозили знатных лордов и членов их семей. На крыльце гостей встречали по всем правилам протокола надушенные и раскрашенные дворецкие, сопровождая в бальный зал, да извещали о прибытии согласно рангу и званиям.

Почетная гвардия Уэндемов сегодня представлена двадцатью красно-белыми рыцарями, с новым золотым львом, бегущим на охоту. По такому случаю, леди-мать даже приспустила собственный штандарт, отдав пальму первенства новому гербу сына и наследника.

Кристофер, по настоянию матери, пригласил дворцовый оркестр, лучший во всём королевстве, и теперь живая музыка разносилась по залам веселой трелью, радуя слух и делая антураж резиденции озерного лорда незабываемым.

Глашатай возвестил прибытие леди Вианы в прекрасном длинном, облегающем стройное тело голубом платье украшенном серебряным орнаментом, а значит, проводы скоро начнутся, осталось лишь дожидаться короля. Новоиспеченный лорд Уэндем встретил матушку низким поклоном, предложив себя в качестве провожатого, затем, завладев её рукой, нежно улыбнулся, и вместе, мать и сын, вышли к гостям.

Бальный зал полон.

Слуги разносили стеклянные бокалы, с благоухающими напитками, приглашенные знатные дамы, сделав книксен, приветствовали хозяйку дома, мужи ограничились лишь полупоклоном.

– Принцев нет. – С неким облегчением выдохнула бывшая королева-мать. – Похоже, задерживаются.

– Не страшно, – попытался подбодрить сын. – Так даже веселей, посмотрим, как они станут извиняться за своё опоздание.

Матушка вымученно улыбнулась, затем в сопровождении Кристофера проследовала к озерному трону и присев, принялась ждать августейшего, бывшего, супруга.

Надо сказать, леди Уэндем пробыла королевой дольше всех, аж семь лет. Даже сейчас её гладкая розовая кожа прельщала многих знатных лордов. Некоторые хотели, женившись, возвыситься, но подавляющему большинству Виана просто нравилась как женщина, поэтому предложения руки и сердца сыпались как из рога изобилия. Однако Виана предпочитала безбрачие, уж почему, лишь одной ей и известно.

Слуга принёс игристое вино, вслед за ним подошёл и первый гость. Кит уважительно коротко кивнул новому лорду Маргеманскому.

– Приветствую Вас миледи, – поклонился гость, – и Вас юный лорд. Вы хорошо потрудились, замечательный балл и должен признать, резиденция Уэндемов, воистину – дань старым Великим временам.

– Благодарю Вас Оданион, – матушка отпила немного игристого напитка, – почувствуйте себя как дома.

Бывший герцог как-то хищно улыбнулся на столь простой и добродушный ответ.

– Всенепременнейше леди Уэндем, ведь столица наш общий дом.

– Разумеется, – холодно ответила леди Виана.

Кит понял сразу столь откровенный выпад на хозяйку, ибо резиденции великих домов считались суверенной территорией и внутри мог чувствовать себя хозяином только один человек, тут не проживающий и это король. Все остальные лишь гости, кто-бы что не заявлял.

– Сочувствую Вашей утрате, – медленно проговорила леди-мать, желая вернуть колкость гостю, – она так поразительно своевременна.

– Туше, – нисколько не смутившись, ответил лорд Маргеман. – Муки моего лорда-отца были весьма коротки, и я лишь благодарю создателя за то, что он позволил побыть моему родителю с нами несколько дольше, чем отмеряно судьбой.

– Как говорят, славяне – «вашиими устами да мёд пить», – более не желая слушать столь откровенное лицемерие, вступил в беседу Кит.

– Ваше знание поговорок варваров умиляет юный лорд, – надменно ответил Маргеман. – Остаётся лишь уповать на то, что их пагубное влияние никоим образом не станет руководить вашими будущими мотивами и действиями.

– Ну что вы, Оданион, – ответила леди Виана, – мой сын прекрасно осознает и противится давлению извне, будь то культурное или материальное, однако, ему недостает такта и умения. Тут Вы, к сожалению, правы. Было бы излишне смело предположить, что в обстоятельствах, когда его принудят к подрывающему его же власть браку, с дискредитировавшим себя иноземцем, Кристоферу вряд ли удастся преодолеть их и обернуть себе на пользу, заполучив при этом, в союзники самого богатого и самого сильного, по армии, лордов нашего королевства.

Речь шла о том, что после смерти лорда отца и обвинении в его убийстве посла Финикии, договорённости о женитьбе дочерей Маргемана на наследниках великих домов вновь в силе.

– Воистину так, леди Уэндем, – допив игристое вино, ответил Маргеман. – Тешу себя надеждой в том-что лорд Кристофер когда-нибудь обучится этому искусству, – и, сделав театральную паузу, Маргеман добавил, – хотя, как? Ведь преподавателей кроме варварских кельтов у юного лорда Уэндемского не будет. Ха! И, прошу извинить, меня ждут дела.

– Разумеется, вы можете идти, – холодным, как лед голосом, ответила леди-мать.

Маргеман уходил, не дождавшись, когда его отпустит хозяйка дома и после брошенной вслед фразы остановился, считая, что последнее слово должно остаться за ним, ведь он так влиятелен словно индюк! Поэтому он развернулся и со злой иронией произнёс:

– К сожалению, в будущем, управление новоприобретенными территориями, завоёванные для меня вашими рыцарями, не оставит мне шансов принести вам мои искренние соболезнования, по поводу преждевременной гибели вашего сына от рук злых варваров кельтских, потому нижайше прошу вас извинить за это.

Кит напрягся, но мать положила руку на его плечо, тем самым успокаивая.

Маргеман удалился.

– Этот интриган в чем-то прав, – матушка бережно выправила замысловатую пышную прическу. – Тебя будет некому наставлять мудрости.

Кит скрипел зубами.

– Наказать подобную мразь, ума у меня хватит.

– Нет, Кристофер. Маргемана нужно одолеть его же оружием – хитростью. А к этому, ты ещё не готов.

Кит это прекрасно понимал. Влияние новоиспеченного лорда Маргемана огромно, даже сейчас, попав в крайне щекотливое положение, ему удалось развернуть всё в нужное для себя русло. При этом из презираемых, он внезапно стал поборником западных ценностей. Обвинив в убийстве отца своего будущего зятя, Маргеман не убил финикийца, вызвав на поединок как того требовали законы чести, вместо этого он предоставил возможность принцу Виллберту, пока ещё исполняющего обязанности инквизитора, провести независимое расследование.

Со слов старшего брата – наследного принца Виллберта: всё собранные доказательства, подтверждающие обвинение Маргемана выдвинутые против финикийского посла.

Принц опросил свидетелей, начиная со служанок и заканчивая стражей. Охранявшие покой ныне усопшего, все как один утверждают, что Эрзац был зол на тогда ещё герцога за то, что тот, по свидетельским показаниям рыцаря Уилла Блека, занялся любовью с женой посла прямо у того на глазах. Причём попутно, проходя герцог дознался у бывшей супруги Эрзаца о его сексуальных наклонностях, и теперь, помимо всего прочего, послу грозило наказание ещё и за мужеложство.

Просто высший пилотаж!

Да, Кристоферу многому ещё нужно научиться, прежде чем вступить с Маргеманом в решающую схватку, а пока же глашатай вошёл в бальный зал, чтобы возвестить прибытие венценосца:

– Принц Освуд Эйлестер – Гембский! Голос его Величайшего Величества самодержца Георга Эйлестера первого, покорителя Мальтора и собирателя земель Западного королевства!

Леди мать покачала головой, печально:

– Даже не пришел попрощаться с сыном.

Вообще, если государственные дела не дают королю возможности прибыть лично, его представлял сын и наследник принц Виллберт, на существенных для короны событиях, разумеется, и чем менее важным то или иное мероприятие считалось, тем ниже был представитель. Прибытие Освуда подтвердило – король более не желал иметь ничего общего с Уэндемами, однако, сын будет искренне рад прибытию среднего брата.

Принц, быстрым шагом подошел и крепко обнял Кристофера, отринув правила этикета.

– Ну, братец самоубийца! Промолчать не мог, а?

– Я рад тебе Освуд, – искренне улыбнулся Кит. – Без дураков!

Принц Освуд с благодарностью поклонился и сердечно поприветствовал хозяйку дома:

– Леди Уэндем, Вы все также ослепительны.

Освуд склонился и под изумленные взгляды, поцеловал руку опальной королеве, что в принципе, как считали знатные лорды, было для них недостойным поступком.

– Ты честен Освуд, впрочем, это твоя суть, – рассмеялась леди-мать.

Принц лишь на три года моложе матушки, но всегда с искренним уважением относился к ней и своему брату по отцу.

– «Честность, Правда, Искренность» – девиз дома Гембов! Кто я такой, чтоб это менять? – пытался отшутиться Освуд. – А все эти высокородные снобы, пусть засунут новые представления о недостойности себе взад.

– Я рада, что ты не просто хранишь эти заповеди в своем сердце, но и всецело им следуешь, – с благодарностью ответила леди-мать.

– К сожалению, при дворе это не всегда получается, – печально произнес Освуд.

– Тише, мой мальчик, – обеспокоенно проговорила леди Виана, – тут много ушей и не место для откровенных бесед, – принц Освуд понимающе поклонился.

– Тогда, поговорим позже, – Освуд вновь весело улыбнулся и спросил брата. – Кит, а какой будет твой девиз?

– У моего дома он уже имеется, – пожав плечами, ответил Кристофер.

– «Мы непорочны»?! – воскликнул Освуд. – Новые веяния, новые лорды, новые девизы, так сейчас принято.

– Как ты сам и сказал, кто я такой, чтоб менять наше древнее кредо? – Освуду ничего не оставалось, кроме как, развести руками в знак согласия. – Ты собираешься открывать бал, в конце-то концов?! – шутливо, укорил принца Кит.

– О! Ну, разумеется! – Освуд предложил руку леди Уэндем, оркестр принялся исполнять медленную мелодию.

Принц и Озёрная леди, вышли в центр зала, закружив в благородном и прекрасном танце. Мать великолепна, как и брат, они грациозно проплывали мимо гостей под всеобщее восхищение, Кит наслаждался зрелищем со стороны.

Когда первый танец завершился, и один из высокородных лордов перехватил матушку у принца, предложив себя в партнёры на следующий вальс, Кит взял с подноса предложенный бокал с игристым вином, вкусив дивный букет напитка, а в это время, Освуда окружили знатные дамы, предлагая себя для танца. Скорый на решение принц Гембский, выбрав юную партнершу, и с огромным удовольствием закружил её в быстром вальсе.

Бал начался.

После пятого танца и шестого бокала с игристым вином, Кит вышел во внутренний двор резиденции, где расположился небольшой сад с фонтаном и тремя беседками, обвитых лозами винограда и позволяющих уединяться парочкам в тени.

Как странно, никого нет на свежем воздухе, гости, пока ещё, предпочитали пить да танцевать. Слева, у колосса Крохкара, – древнего пурпурного воина поединщика, сраженного прапрапра и ещё много пра прадедом Кита – Горелом Уэндемом, в битве при обороне первой столицы, его тогда ещё юного дома – Уэндеваля, в войне, отгремевшей давным-давно на потерянной родине, и держащей широкий балкон второго этажа. Так вот там, скрываясь в тени, стояла фигура. Кристофер сразу узнал Илдвайна, личного помощника Освуда.

– Почему вы не на балу, сир? – просил Кит. Хоть Илдвайн не был дворянином, но считался уважаемым и достойным рыцарем. – Да еще и в капюшоне, словно шпион?

– Мой принц! – с почтением склонился рыцарь. Для Илдвайна, Кристофер навсегда останется принцем. – Ваш брат и мой господин, уведомляет Вас, что после Вашего отъезда, некие силы хотят опорочить имя Вашей матери выставив её на острие лже восстания. Это даст повод нашему справедливейшему королю ликвидировать Ваш дом и прервать один из древнейших родов королевства.

– Кто эти силы? – обеспокоенно, спросил Кит.

– Это нам неизвестно, но информация поступила из источника заслуживающего полного доверия, и он был весьма уклончив от озвучивания конкретных имён.

Рыцарь ещё раз низко поклонился, затем со словами – «Мой господин желает, чтобы он защищал Вас», вытащил из-под полога плаща фамильный меч Эйлестеров, отдав его в руки Киту, и пока тот осматривал белое лезвие древнего клинка, исчез в ночи.

Вот это подарок.

Ситуация осложнилась.

Тем не менее, Кит с самого начала знал, как поступит, информация о заговоре хоть и скорректирует планы, но незначительно, а вот клинок был поистине ценнейшей реликвией,

созданный, как говорят, лично государем ещё на изначальной родине в эпоху завоеваний. Хотя, если вспомнить, король ковал лишь пурпурные клинки, а этот был белостальный.

Ранее, Георг подарил это древнее оружие Виллберту, пятьдесят лет назад. Разумеется, кронпринц был опечален тем, что это не пурпуровая сталь. Общеизвестно – клинков пурпура три: один у короля, второй подарен первородному принцу, а третий сокрыт и Виллберт, наивно полагал, будто достоин древнего клинка. Оказалось – нет. Отец-государь подарил Виллберту достойную замену клинку пурпура: древний клинок защитника Агдобы – Бэлькас, что переводится с древне-мпхаратского как – Одинокий луч солнца в грозовых тучах.

Спустя какое-то время, Бэлькас перекочевал к Освуду, так как Виллберту стал не нужен и теперь Освуд подарил Белькас ему.

Кристофер посмотрел в окно: Освуд весело танцевал с очередной партнёршей. Он хорошо знал своего младшего брата, он точно рассчитал момент, когда Кит выйдет в сад отдышаться от собственного приёма, и именно в это время поведал то, что не мог сказать открыто.

Брат ясно давал понять: что несмотря на общественное мнение, кровные узы все так же важны, и ему плевать на досужие рассуждения о роли тех или иных домов в судьбе королевства. Для Освуда, Кит навсегда останется тем, кем не размениваются и кого горячо любят, невзирая на превратности судьбы.

Музыка окончилась, предвещая следующий танец, и в этот миг глаза братьев встретились. Кит благодарно кивнул, а Освуд поняв, что информация дошла, подмигнул ему, и, выбрав новую партнершу для следующего круга, игриво прижал к себе, чем вызвал смущенный румянец на юных щеках цветущей красавицы.

Твердислав

Солёный морской воздух наполнял легкие неподражаемой свежестью, великаны суетились – меняли маневровые паруса, проверяли натяжку стропов дабы поймать попутный ветер. Не желая мешать команде, Твердислав стоял на носу исполинского догонга и любовался просторами спокойного – Горячего моря.

Тёмно-зелёное, бескрайнее, с мелкой волной и бездонной глубиной Горячее море встречало солнечными бликами и стаями летучих рыб, приветственно сопровождающих корабль по курсу и поперёк.

Твердислав глубоко вздохнул морской воздух и прикрыл глаза от удовольствия.

Словно вчера он мчался на велизарном скакуне в паре с безмолвным магом.

Мимо проносились поля, города, поселки, да полстраны пронеслось за те семь часов, пока велизарный конь мчал их от столицы до северного оплота. Сейчас кругом лишь Горячее море. В конце концов, они успели, Словичу удалось всего лишь поблагодарить мага и сразу же подняться по трапу отчаливающего корабля, ведь когда они неслись на велизарном скакуне, общаться меж собой могли лишь маги, но не как не человек. Посему, познакомиться со светочем Чуда-камня Твердиславу так и не удалось. Незнакомец остался далеко позади, впереди ждало долгое плаванье в легендарную Валгаллу.

По мере выхода из бухты, Твердислав любовался неприступной «Северной звездой», огромным приграничным бастионом. Высокие внешние стены оплота, в сорок локтей, оцетинились тысячами многозарядных баллист, по всему оборонительному периметру. Второй ряд стен возвышался над первым на десять локтей и служил точкой развертывания как дальнотбойных, так и онагров ближнего боя, далее шли три цитадели и по центру высокая смотровая башня с сигнальными огнями, в мирное время используемая как навигационный маяк. Подобное, циклопичное сооружение словяне построили впервые, сейчас на подходе ещё два таких и оба на юге, оплот «Дальний» и «Росток».

Если северная цитадель защищала верфи «Морского владыки», где на стапелях строилось ббольшая часть словянского флота, то южные оплоты возводились для купирования угроз брончан с финикийцами, то была задача «Дальнего», и пхазар со скифами это направление прикрывал «Росток», размещённый напротив входа в бескрайние поля.

Но все осталось далеко позади, обратив внимание, что к нему подошёл капитан корабля, которого по отбытию члены команды попросили не беспокоить, Слович поклонился и представился, протягивая руку.

– Твердислав, – великан аккуратно пожал княжью длань и ответил.

– Вельдемерикс, капитан этого корыта под названием «Совесть Катую». Добро пожаловать на борт.

Твердислав искренне удивился, столь предвзятому отношению к подобному восхитительному творению инженерной мысли как догонг. У словян ещё не было пятипалубных кораблей, с разделяемыми герметичными переборками отсеками.

Этот догонг сто шагов в длину и тридцать вширь, на корме и центре трёхъярусные надстройки с каютами экипажа и пассажиров, пять палуб жёсткого корпуса использовались под грузы и такелаж. Мачты сборные из вековых сосен, по семь в связке, таким никакой ураганный ветер не страшен, паруса лепестковые, распускались по бортам и ориентированы сверху вниз, а не вширь как на людских судах. А ещё, и об этом Твердислав узнал совершенно случайно, когда по приезду оправился по привычке вниз и спустился на вторую палубу, так вот там, у левого борта, находился странный круглый плавник, с пятью ластами, очень похож на цветок и имел механизм вывода наружу, за борт. И вот это всё должно было двигать корабль при слож-

ных парусах, так сказал один из матросов, когда Твердислав, между делом, поинтересовался о сути устройства. Потом, разумеется, заплутавшего пассажира спровадили в центральную надстройку, к каютам гостей.

– Если ваш корабль корыто, то, что тогда наши лодии?

Капитан как-то странно посмотрел, будто хочет закончить неприятный разговор с расфуфыренной вельможей, но ответил охотливо:

– Топоры и плавать им лишь в ваших песочницах – средиземных морях или в Триморье, да по спокойным речушкам, океанские просторы и высокие валы им не осилить. А вот лодноты неплохи, хотя, с живучестью у них слабовато, переборки только на двух палубах, вместо всех трёх.

Со спины Словича, медленно приблизился великан. Ростом с Вельдемерикса, – обычные для великанов три косые сажени, в ярко голубом халате, на котором золотом вышиты созвездия небесные, в высоком колпаке, под халатом походная кожа – жакет и свободные штаны и черные, высокие сапоги. Он учтиво дал закончить капитану излить недовольство на людское судостроение и когда тот сделал передышку, медленно проговорил:

– Твердислав, ты должен простить моего друга, – Слович резко обернулся и сразу же низко склонился. – Манеры капитана всегда оставляли желать лучшего, – Вельдемерикс косо ухмыльнулся.

– Владыка Рикорус, – продолжая глядеть в пол, приветствовал княжич.

– Здравствуй Твердислав, – по-доброму улыбнулся Рикорус, – и выпрямись ты, наконец! Титул Триумвиария Гиперборейского не делает из меня идола.

– Да, владыка.

Твердислав задрал голову и смело посмотрел магу в глаза. Шутка ли – гиперборейский владыка!

Рикорус был одним из трёх самых могучих существ на земле. Покоритель Левиафанов, Раститель зари, Гроза подземных змеев – и это только те заслуженные титулы которые прижились в народе даарийском и были на слуху.

– Думаю, ты догадался: твоим наставником и защитником, в этом путешествии, буду я.

– Разумеется, владыка, это большая честь. Признаться, я еле сдерживаю свою радость. – Рикорус удивлённо хохотнул и сложил руки лодочкой на животе, с интересом ожидая продолжения. – Мне давно хотелось познать тайны древних наук, смысл бытия и секрет долголетия из первоисточника.

– Всему своё время Твердислав Слович, может быть, однажды, когда повзрослеете, вы – люди и научитесь строить догонги, но до тайных наук вам будет еще очень далеко. Однако, пройдут лета и вы освоите и их, и тогда, вам станет подвластны не только моря, но и небеса и то великое пространство что лежит за голубыми небесами, там где живут звёзды.

Твердислав от изумления приоткрыл рот, а капитан пробасил.

– Рано им ещё летать владыка, нас самих бы обучить древним наукам.

Рикорус немного помолчал.

– Мы, а в данном случае все кроме триумвирата, не готовы к тому-что покажет «Ковчег», – хранилище древних знаний. Вспомни Катую! – он положил руку на плечо Вельдемерикса и продолжил. – Твоё судно не зря названо так. Мощь, которую скрывают древние манускрипты и кристаллы, способна уничтожить этот юный мир. Мы не должны так рисковать.

Вельдемерикс стукнул кулаком по деревянным перилам.

«Чем-то расстроен», – догадался Твердислав.

– Мы, как слепые, заперты на этой планете, ходим под ветром, обрабатываем поля мотыгами, мы утратили всё! Все знания, мы просто забыли кто мы есть. Нам даже неизвестно, что стало с южным племенем, не говоря о наших братьях, скитающихся меж звёзд.

– Это метафора? – вопросом, решил напомнить о себе Твердислав.

– В какой-то мере, – улыбнувшись, ответил Рикорус и настоятельно порекомендовал капитану более не заводить разговор о древних науках, во всяком случае, как великаны называли людей, при наших детях.

Внезапно, главный парус на первой мачте забился, словно в истерике огромной вертикальной полосой, пять шагов вширь и двадцать в высоту. Вельдемерикс тотчас же громогласно гаркнул на команду:

– А ну, по местам псы помойные! Потеряете ветер, руками грести заставлю!

Матросы кинулись к лебёдкам, менять ориентировку парусины. Небольшая натяжка верхнего леера и вот, материя вновь тяжко натянулась, поймала воздушные потоки и погнала корабль ещё быстрее по голубой глади дальше на запад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.